

Виктор Фаузер
Татьяна Лыткина
Галина Фаузер
Виктор Залевский

НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ: ОТ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ К КАЧЕСТВЕННОМУ ИЗМЕРЕНИЮ

Виктор Фаузер Татьяна Лыткина
Галина Фаузер Виктор Залевский
НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ: ОТ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
К КАЧЕСТВЕННОМУ ИЗМЕРЕНИЮ

Минобрнауки России
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН»
(ФГБУН «ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН»)

НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ:
ОТ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ К КАЧЕСТВЕННОМУ
ИЗМЕРЕНИЮ

Ответственный редактор
доктор экономических наук, профессор
В.В. Фаузер

Серия «Библиотека демографа»
Выпуск 17

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2016

УДК 314.1 (470-17)

ББК 60.7 (21)

НЗ1

*Печатается по постановлению научно-технического совета
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»*

Рецензенты:

В.В. Жиделева – д-р экон. наук, профессор,
заместитель Председателя Государственного Совета РК;
Л.А. Попова – д-р экон. наук, доцент, зам. директора по научной работе Института
социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН

Авторы:

В.В. Фаузер, д-р экон. наук, профессор (отв. редактор); Т.С. Лыткина, канд. социол. наук;
Г.Н. Фаузер; В.А. Залевский, д-р экон. наук, доцент

НЗ1 Население северных регионов: от количественных показателей к
качественному измерению / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер,
В.А. Залевский; отв. ред. В.В. Фаузер. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им.
Питирима Сорокина, 2016. – 240 с. (Б-ка демографа, вып. 17).

ISBN 978-5-87661-361-5

В монографии рассмотрены теоретические и практические аспекты репродуктивного и миграционного поведения населения Республики Коми; аргументированы приоритеты и инструменты государственного регулирования рождаемости и миграционных процессов; проанализировано демографическое развитие северных регионов России; в отдельный блок вынесены вопросы расселения населения, особое внимание уделено сельскому населению. В научный оборот вводится оригинальная социологическая информация.

Для студентов, аспирантов, преподавателей демографии и менеджмента, работников служб стратегического управления человеческими ресурсами.

УДК 314.1 (470-17)

ББК 60.7 (21)

Работа выполнена при поддержке Комплексной программы УрО РАН, проект № 15-15-7-8 «Города российской Арктики: среда жизнедеятельности и механизм обеспечения хозяйствующих субъектов человеческими ресурсами» (2015–2017 гг.), научный руководитель д-р экон. наук В.В. Фаузер, и проект № 15-19-7-2 «Миграционные процессы на Российском Севере: между ассимиляцией и мультикультурализмом» (2015–2017 гг.), научный руководитель канд. социол. наук Т.С. Лыткина.

ISBN 978-5-87661-361-5

© В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер,
В.А. Залевский, 2016

© ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», 2016

© ФГБУН «ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
ГЛАВА 1. ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	7
ГЛАВА 2. ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ В СЕВЕРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ. РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ	29
ГЛАВА 3. ИССЛЕДОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ТЕОРИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ	46
ГЛАВА 4. ОЦЕНКА РОЛИ МИГРАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ.....	70
ГЛАВА 5. СЕВЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ – ЧЕРЕЗ СУДЬБЫ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ, ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕВЕРНЫХ СООБЩЕСТВ	86
ГЛАВА 6. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РАЙОНАХ СЕВЕРА	101
ГЛАВА 7. СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА: ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ	135
ГЛАВА 8. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИИ.....	174
ГЛАВА 9. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ.....	198
ГЛАВА 10. ЭЛЕМЕНТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СЕВЕРА РОССИИ	220
Заключение	232
Библиографический список.....	236

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая монография посвящена анализу современной демографической ситуации в северных регионах, отличающихся существенной миграционной убылью населения, низким уровнем и сложными проблемами качества рождаемости, а также дискуссионностью вопроса их демографического будущего. Повлиять на демографическую ситуацию можно, изучив репродуктивные и миграционные установки населения северных регионов России, а также предложив механизм по их управлению.

Большинство работ, посвященных демографическому развитию северных регионов, выполнены, как правило, на примере одного субъекта федерации или в лучшем случае – на примере федерального округа. В то же время существует необходимость обобщающих исследований северных регионов, характеризующихся, с одной стороны, сходством характера формирования населения, природных и экономических условий, социально-демографической ситуации, а с другой – имеющих заметную внутрирегиональную дифференциацию демографического развития.

В условиях демографического кризиса, вступления России в ВТО, глобализации и особой роли Севера в экономическом развитии страны необходима новая парадигма развития Севера, нужны новые концептуальные подходы по формированию и сохранению населения. Требуется новый социально-экономический механизм по управлению репродуктивными и миграционными установками населения северных регионов России. Положительное решение обозначенных проблем станет существенным приращением научного знания в области экономики народонаселения и демографии, экономической социологии.

В отдельных субъектах Российского Севера, в научных публикациях, в выступлениях политиков и государственных деятелей накоплен положительный опыт и излагаются отдельные предложения по общему развитию Севера России. Однако еще раз подчеркнем, что глубоких и комплексных исследований, обосновывающих механизм

решения демографических и миграционных проблем северных территорий, – нет.

В этом плане настоящая монография призвана отчасти восполнить имеющийся пробел. Она является отражением плановой темы НИР «Репродуктивные и миграционные установки населения северных регионов России» (2013–2015 гг., № ГР 01201355947). Как видно из названия НИР, на рассмотрение выносятся две проблемы, где каждая в отдельности заслуживает самого пристального внимания.

Изложение материала построено по следующему методологическому принципу: анализ проблем идет от общего к частному, то есть вначале рассматриваются проблемы, характерные для всех северных территорий, а более углубленный анализ делается на примере Республики Коми; после рассмотрения демографических проблем в целом рассматриваются их составные части (миграция, рождаемость, расселение, социальный потенциал).

Структура работы построена по следующей схеме. В первой главе дается общая картина демографического развития северных регионов России, показывается масштабность потерь численности населения и невозможность их восполнить просто улучшением режима воспроизводства. Проблема убыли населения приобрела катастрофический характер и требует нетрадиционных решений. В следующих главах речь идет о миграции населения, основном источнике убыли населения, в них рассматриваются как теоретические, так и практические аспекты этого сложного социального явления. Отдельная глава посвящена проблеме рождаемости и ее государственному регулированию, приводятся материалы социологического опроса по репродуктивным установкам молодежи.

В самостоятельный блок выделены вопросы расселения населения в районах Севера и Арктики. Особое внимание уделено сельскому населению (жизнедеятельности, демографическим структурам, расселению). Это обусловлено тем, что, во-первых, основная часть коренного населения северных регионов проживает в сельской местности, а во-вторых, село по-прежнему является поставщиком человеческих ресурсов в города и поселки городского типа. Изменить ситуацию можно, лишь улучшив систему сельского расселения.

В работе затронуты проблемы занятости населения, его экономической активности. Не требует доказательств тот факт, что наличие работы с достойной заработной платой повышает уровень репродуктивных установок и понижает территориальную мобильность населения и желание молодежи покинуть республику.

В завершающей главе сделана попытка обозначить меры государственной политики по улучшению условий жизнедеятельности северян, решению социально-трудовых, демографических и миграционных проблем Севера России.

Авторы признательны И.А. Панариной, сотруднице лаборатории демографии и социального управления отдела социально-экономических проблем Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, за помощь в подготовке рукописи к печати. Особая благодарность рецензентам: д-ру экон. наук, профессору В.В. Жиделевой и д-ру экон. наук, доценту Л.А. Поповой.

ГЛАВА 1

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ*

Введение

Арктика – северная область Земли, включающая глубоководный Арктический бассейн, мелководные окраинные моря с островами и прилегающими частями материковой суши Европы, Азии и Северной Америки. В пределах Арктики расположены пять приарктических государств – Россия, Канада, Соединенные Штаты Америки, Норвегия и Дания, которые обладают исключительной экономической зоной и континентальным шельфом в Северном Ледовитом океане. К Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) относится около трети всей площади Арктики.

Арктическая зона Российской Федерации имеет площадь около 9 млн км², здесь проживают 2,4 млн человек, включая коренные народы, что составляет менее 2% населения страны и около 40% населения всей Арктики. При этом в АЗРФ создается 12–15% ВВП страны, обеспечивается около четверти экспорта России.

Экономический интерес России к Арктике заключается в том, что она рассматривается как источник ресурсов для социально-экономического развития страны. В АЗРФ создан самый мощный индустриальный слой, а масштабы хозяйственной деятельности значительно превосходят показатели других полярных стран. Здесь высока доля добавленной стоимости добывающих отраслей и предприятий (составляет 60%, в Гренландии, Норвегии, Швеции, Финляндии, Исландии – не более 15%; на Аляске и в арктической Канаде – около 30%).

АЗРФ выступает в качестве стратегической ресурсной базы Российской Федерации, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны. Первое место в структуре хозяйства АЗРФ занимает газовый комплекс (здесь добывается более 80% российского газа); второе – горнопромышленный. Третье место в хозяй-

* Глава подготовлена при участии к.э.н. Вл.В. Фаузера.

ственной структуре АЗРФ занимает рыбный комплекс. Здесь добывается более трети рыбы и морепродуктов России, производится около 20% рыбных консервов¹. Таким образом, в ближайшей перспективе Арктика способна будет обеспечить решение задач социально-экономического развития страны в XXI в. и в значительной степени удовлетворить потребности России в углеводородных, водных, биологических ресурсах и других видах стратегического сырья.

20 февраля 2013 г. Президентом России была утверждена «Стратегия развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности до 2020 года». Пунктом 24 в ней предусматриваются совершенствование нормативно-правовой базы в сфере формирования основ государственного управления Арктической зоной Российской Федерации, законодательного закрепления ее статуса как особого объекта государственного регулирования с уточнением перечня муниципальных образований, территории которых включаются в ее состав, а также в сфере установления особых режимов природопользования и охраны окружающей среды, государственного регулирования судоходства по трассам Северного морского пути².

Для успешной реализации Стратегии необходим соответствующий демографический потенциал. Чтобы поддерживать его количество на сегодняшнем уровне (или в будущем, исходя из потребностей экономики страны), необходимо иметь простое или расширенное воспроизводство населения, или постоянную внешнюю миграционную подпитку. Что касается внешней миграции, то нам представляется, что лучшими поставщиками человеческих ресурсов для Арктики являются прилегающие к ней северные регионы России. Насколько они готовы выполнить данную функцию – речь ниже.

¹ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года: проект // Минрегион России. URL: http://www.minregion.ru/uploads/attachment/02_dtp/110113_a.doc (дата обращения: 31.01.2014).

² Там же.

Теоретические подходы к понятию «демографический потенциал»

Большинство авторов, изучающих «демографический потенциал», отмечают, что в научный оборот его предложил ввести английский демограф Р. Фишер в 1920-х гг. Он рассматривал рождение человека как получение им жизни «в кредит», а последующее рождение собственных детей как «выплату долга». Однако предложенное понятие в демографии не нашло точного измерителя. При этом большинство авторов делают ссылку на Д.М. Эдиева. Но если быть точным, то Эдиев использует в работе, ссылаясь на Р. Фишера, понятие «репродуктивный потенциал» [19, с. 3].

Если обратиться к специальной энциклопедической литературе по демографии [4; 6; 11], то там мы не найдем какого-либо «универсального» или устоявшегося определения «демографического потенциала», поскольку в указанных работах такое определение попросту отсутствует. В то же время в научной литературе широко используется категория «демографический потенциал». Белорусскими учеными даже подготовлена монография по данной тематике [5]. Причем большинство авторов вкладывают в это понятие разный смысл. Демографический потенциал отождествляют с трудовым потенциалом либо с человеческим потенциалом – человеческим капиталом. Нам представляется это не совсем корректным. Действительно, основу этих потенциалов составляет демографический потенциал, определяемый количественными показателями населения и их динамикой.

Сущность и содержание, сходство и различие между демографическим и трудовым потенциалами подробно нами описаны в [16, с. 29–35; 17]. Что касается категорий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал», то, по мнению уральских ученых Дрошнева и Извозчиковой, они имеют определенные сходства и различия. Говоря о различиях, следует уточнить, что: «человеческий капитал» – это фактически имеющиеся в наличии у человека способности (квалификация, специальная подготовка), которые обладают реальной стоимостью; «человеческий потенциал» – это нереализованные или не развитые до необходимого уровня врожденные или первоначально приобретенные способности, которые не имеют стоимости или размер её крайне низок,

но которые при желании человека и определенных способах мотивации можно развивать и эффективно реализовать в процессе труда.

Сходство данных понятий заключается в следующем: принадлежность потенциала и капитала человеку; потенциал первичен, а капитал произведен от потенциала; потенциал преобразуется в капитал при наличии у человека соответствующих потребностей. И далее отмечается, что основу человеческого потенциала составляет демографический потенциал, определяемый численностью и возрастно-половым составом населения [7].

В последние годы исследование демографического потенциала нашло отражение в монографическом исследовании С.А. Сукнёвой. В работе отмечается, что демографический потенциал характеризует совокупную способность населения региона к воспроизводству, т.е. постоянному возобновлению поколений в результате рождения, смерти и миграции. Основными компонентами демографического потенциала, находящимися в тесной взаимосвязи, выступают общая численность населения региона, сложившиеся структуры населения (возрастно-половая, брачная, этническая, миграционная) и особенности его демографического поведения (в отношении создания семьи, рождения детей, здоровья и сохранения жизни, миграционной подвижности). Социально-экономическая обусловленность демографических процессов оказывает существенное воздействие на составляющие демографического потенциала, приводя к изменению количественных и качественных характеристик населения [13, с. 6].

Существует и другой подход к определению и оценке демографического потенциала: «Следует отметить, что понятие демографического потенциала, как и многих других потенциалов в экономике, отображает "запас" – количество населения данной территории и его способность к воспроизводству. Выходом демографического процесса является рождение детей, а потенциалом, обеспечивающим этот выход, – способность населения к воспроизводству.

Отсюда следует вывод, что количественная характеристика демографического потенциала соответствует численности населения фертильного возраста. Качественная характеристика демографического потенциала определяет производительность процесса воспроизводст-

ва населения, т. е. рожденное число детей на одну женщину, естественно, фертильного возраста. В демографии этот параметр определяется коэффициентом рождаемости.

Тогда весь демографический потенциал может быть оценен как произведение численности женщин фертильного возраста (половины населения в данной возрастной группе) на коэффициент рождаемости в исследуемый период времени» [18].

Однако для целей демографического анализа больше подходит определение сущности демографического потенциала, данное Вишневым, Васиным и Зайончковской. Они отмечают, что демографический потенциал страны, в первом приближении, – это число ее жителей. Характеризуя демографический потенциал, авторы используют следующие показатели: численность населения и его воспроизводство (рождаемость, смертность), возрастную структуру, ожидаемую продолжительность жизни, миграционный прирост, прогнозы роста населения, жизненный потенциал населения, демографическое старение и пенсионное обеспечение [3]. Можно заключить, что, оценивая демографический потенциал северных регионов, достаточно использовать показатели (или их часть), предложенные указанными авторами.

Оценка демографического потенциала северных регионов России

Распад союзного государства, смена форм собственности, изменение роли государства в освоении северных районов и Арктики привели к существенному сокращению численности населения и трудовых ресурсов Российского Севера. Прежние экономические и социальные механизмы привлечения населения, его адаптации, а со временем переселения в места исхода перестали работать. В то же время экономика России зависит и в обозримом будущем будет зависеть от экономического потенциала северных регионов, их вклада в общий объем ВВП страны. Следовательно, в северных регионах страны надо иметь достаточный и эффективный демографический и трудовой потенциалы, способные обеспечить необходимый уровень развития экономики Севера для удовлетворения потребности страны в углеводородном сырье, золоте, алмазах, иных стратегически важных ресурсах.

Российский Север долгие годы был привлекательным (и в материальном плане, и по условиям работы) местом жительства для всего населения бывшего Союза ССР. Общественные призывы, организованные наборы, Всесоюзные комсомольские стройки, распределение выпускников образовательных учреждений обеспечивали экстенсивное освоение Севера и комплектование предприятий промышленно-производственным персоналом. Ситуация коренным образом изменилась в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда практически со всех северных территорий начался миграционный отток населения, «началось разрушение демографического и трудового потенциала в районах нового освоения – на Севере, Дальнем Востоке, частично и в Сибири. С позиции перспектив развития этих регионов наиболее опасно то, что они теряют ту часть населения, которая наиболее адекватна по своим профессионально-квалификационным навыкам сложившейся в этих регионах отраслевой структуре экономики и в то же время лучше всего адаптирована (из-за длительности проживания) к местным природным условиям. В целом плохо и то, что выезжающее население направляется в регионы, которые в ближайшем будущем неизбежно вновь превратятся в миграционных доноров для других частей страны» [12, с. 24].

С 1990 по 2014 г. численность населения Севера России уменьшилась с 9731 до 7885 тыс. человек, т.е. совокупные потери северных территорий составили 1 млн 846 тыс. человек. При этом на европейскую часть Российского Севера приходится 72,5% потерь, на азиатскую – 27,5% (табл. 1.1).

Таблица 1.1

Численность населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям в 1990–2014 гг., тыс. человек

Регионы	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.
1	2	3	4	5	6	7
Российская Федерация	147665	148460	146890	143801	142834	143667
Север России	9731	9048	8453	8162	7944	7885
Европейский Север	4808	4493	4124	3829	3598	3469
Республика Карелия	792	771	735	690	649	634
Республика Коми	1249	1157	1058	983	912	872
Архангельская область	1576	1498	1390	1299	1237	1192
Мурманская область	1191	1067	941	857	800	771

1	2	3	4	5	6	7
Азиатский Север	4923	4555	4329	4333	4346	4416
Республика Саха (Якутия)	1111	1037	963	953	959	955
Республика Тыва	313	303	306	304	308	312
Камчатский край	477	422	372	344	323	320
Магаданская область	390	267	202	174	159	150
Сахалинская область	714	659	569	530	501	491
Ханты-Мансийский АО – Югра	1267	1293	1360	1462	1521	1597
Ямало-Ненецкий АО	489	478	496	514	524	540
Чукотский АО	162	96	61	52	51	51

Следует отметить позитивную тенденцию – в последние годы население Российского Севера уменьшается медленнее, чем население России в целом. Если за период с 1990 по 2000 г. Россия потеряла 775 тыс. человек, то за последние четырнадцать лет с 2000 по 2014 г. уже 3 млн 223 тыс. человек. На Российском Севере за 1990–1999 гг. население уменьшилось на 1 млн 278 тыс. человек, а с 2000 по 2014 г. лишь на 568 тыс. человек. Иначе говоря, до начала XXI в. Российский Север ежегодно терял в среднем по 127,8 тыс. человек в год, а за последние четырнадцать лет всего по 40,6 тыс., т.е. стал терять в 3,1 раза меньше. Происходит это как вследствие начавшегося увеличения численности населения Азиатского Севера, так и сокращения темпов уменьшения населения Европейского Севера. Если в целом за 1990–2013 гг. при почти равной численности населения Азиатский Север потерял 507 тыс. человек, а Европейский – 1 млн 339 тыс. человек, то за последние четырнадцать лет население Азиатского Севера увеличилось на 87 тыс. человек, а Европейский Север потерял 655 тыс. человек.

На Европейском Севере самые большие потери в численности населения понесла Мурманская обл. – 420 тыс. человек (35,3% от численности 1990 г.). Затем следуют Республика Коми – 377 тыс. человек (30,2%); Архангельская обл. – 384 тыс. человек (24,4%); Республика Карелия – 158 тыс. человек (19,9%).

На Азиатском Севере из 8 субъектов шесть потеряли население, а два региона имели абсолютный рост. Лидером по убыли населения является Чукотский АО – 111 тыс. человек (68,5% от численности

1990 г.). Существенная убыль населения была в Магаданской обл. – 240 тыс. человек (61,5%); Камчатского края – 157 тыс. человек (32,9%); Сахалинской обл. – 223 тыс. человек (31,2%). В Республике Саха (Якутия) потери составили 14,0% от численности населения 1990 г., но абсолютно они равны 156 тыс. человек. Кроме Чукотского АО на Азиатском Севере расположены еще два автономных округа, в которых, наоборот, наблюдался рост населения: в Ханты-Мансийском (Югра) – на 330 тыс. человек (126,0%) и Ямало-Ненецком – на 51 тыс. человек (110,4%). В Республике Тыва произошла небольшая убыль в численности населения – на 1 тыс. человек (0,3%).

Формирование демографического потенциала северных регионов органически связано с процессами, протекающими в России в целом. Это касается рождаемости, смертности и динамики средней продолжительности жизни. В рамках общих тенденций на Европейском и Азиатском Севере демографическая динамика имеет свою специфику и отличие. Наиболее важным и главным различием является то, что в целом по Азиатскому Северу число родившихся постоянно превышает число умерших (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Число родившихся, умерших и естественный прирост населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, в 1995–2013 гг., человек

Регионы	Год	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост
Север России	1995	95211	109052	-13841
	2000	87133	99215	-12082
	2005	99598	105529	-5931
	2013	119125	81184	37941
Европейский Север	1995	39705	62178	-22473
	2000	36450	59022	-22572
	2005	40341	61422	-21081
	2013	44504	44272	232
Азиатский Север	1995	55506	46874	8632
	2000	50683	40193	10490
	2005	59257	44107	15150
	2013	74621	36912	37709

Впервые с 1992 г. на Европейском Севере, как и по России в целом, в 2013 г. наблюдается естественный прирост населения за счёт уменьшения числа умерших. Положительный естественный прирост Европейскому Северу обеспечили Республика Коми (1952 человека) и Мурманская область (674 человека), Азиатскому Северу – все его регионы, за исключением Сахалинской области.

Необходимо также заметить, что в последние четырнадцать лет наметилась положительная тенденция роста рождаемости. Это касается увеличения как числа родившихся, так и общих коэффициентов рождаемости. Не последнюю роль в повышении рождаемости сыграло изменение системы ценностей у населения. Подробно об этом идет речь в статьях Архангельского [1] и Кузьмина [9]. Проводимый нами мониторинг репродуктивных установок студентов выявил следующую иерархию жизненных ценностей (%): иметь хорошее здоровье – 74,0; материальное благополучие – 72,3; иметь детей – 59,3; хорошие жилищные условия – 55,9; достичь успехов в работе – 47,6; чтобы брак был стабильным – 43,3; реализовать себя в различных сферах жизни – 36,8; состоять в браке – 33,7; интересно проводить досуг – 25,0 [15, с. 63–64].

Что касается смертности, то она с 2004 г. имеет тенденцию к снижению. В то же время следует подчеркнуть, что не все здесь так благополучно. Только по одной из причин смерти на Севере России потери лет потенциальной жизни в трудоспособном возрасте вследствие злокачественных новообразований в 2010 г. составили 43138 лет (в т.ч. у мужчин – 27812 лет, у женщин – 15326 лет), на Европейском Севере – 19456 лет (в т.ч. у мужчин – 12868 лет, у женщин – 6588 лет), на Азиатском Севере – 23682 года (в т.ч. у мужчин – 14944 года, у женщин – 8738 лет). Недополученный ВРП в результате потери лет потенциальной жизни в трудоспособном возрасте вследствие злокачественных новообразований в 2010 г. на Севере России составил 40771 млн рублей (0,83% от ВРП), на Европейском Севере – 9114 млн рублей (0,85% от ВРП), на Азиатском Севере – 31657 млн рублей (0,82% от ВРП) [рассчитано: по 8, с. 261, 263].

Известно, что на всех северных территориях (исключение составляют Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО) средняя продолжительность жизни (СПЖ), как мужчин, так и женщин, ниже, чем в среднем по России. Однако резервы роста СПЖ на Российском Севере ог-

ромны даже при сравнении с соответствующими показателями, рассчитанными по другим территориям России, не говоря уже о сходных по природно-климатическим условиям регионах США (79 лет для обоих полов, 2013 г.) и Канады (81 год для обоих полов, 2013 г.). По сравнению со среднероссийскими показателями резервы увеличения СПЖ на северных территориях РФ составляют до 9 лет для мужчин и до 10 лет для женщин. В сравнении с максимальными уровнями СПЖ, достигнутыми на некоторых российских территориях, резервы роста продолжительности жизни населения на Севере можно оценить более чем в 19 лет для мужчин и более чем 14 лет для женщин. В подтверждение сказанному приведем ряд примеров. Так, СПЖ для мужчин Республики Тыва составляет 56,4 лет, а для мужчин Чукотки – 58,7 лет (занимают последнее и предпоследнее места в РФ). Худшие показатели у женщин Чукотского АО – 66,4 года и Республики Тыва – 67,5 лет. Для сравнения, средняя ожидаемая продолжительность жизни в Швеции у мужчин составляет 80,0 лет и у женщин – 84,0 года (2013 г.). Как видим, это разрыв на целую историческую эпоху, означающий принципиально иное качество жизни. Уровни продолжительности жизни, характерные в настоящее время для населения северных территорий России, соответствуют показателям для наименее развитых стран мира.

В формировании населения северных территорий исключительно важную роль всегда играли миграции. Сегодня их роль также велика. Но если в период экстенсивного освоения Севера и Арктики миграции способствовали росту населения, то сегодня они, наоборот, «съедают» значительную часть населения северных территорий (табл. 1.3).

Таблица 1.3

Прирост (убыль) населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, за 1991–2013 гг., человек

Регионы	Период	Прирост (убыль)			Среднегодовой прирост (убыль)	
		общий	естественный	механический	естественный	механический
1	2	3	4	5	6	7
Российская Федерация	1991-1995	17892	-2599396	2617288	-519879	523458
	1996-2000	-1988027	-4127058	2139031	-825412	427806
	2001-2005	-3067029	-4406566	1339537	-881313	267907

Окончание табл. 1.3

1	2	3	4	5	6	7
Российская Федерация	2006-2010	-371149	-2007821	1636672	-401564	327334
	2011-2013	801498	-109329	910827	-36443	303609
	1991-2013	-4606815	-13250170	8643355	-576094	375798
Север России	1991-1995	-831771	56634	-888405	11327	-177681
	1996-2000	-499390	-24132	-475258	-4826	-95052
	2001-2005	-303318	-33950	-269368	-6790	-53874
	2006-2010	-168742	82960	-251702	16592	-50340
	2011-2013	-29938	102918	-132856	34306	-44285
	1991-2013	-1833159	184430	-2017589	8018	-87721
Европейский Север	1991-1995	-379853	-51645	-328208	-10329	-65642
	1996-2000	-345550	-86151	-259399	-17230	-51880
	2001-2005	-303426	-110443	-192983	-22088	-38597
	2006-2010	-199506	-46013	-153493	-9203	-30698
	2011-2013	-91452	-3729	-87723	-1243	-29241
	1991-2013	-1319787	-297981	-1021806	-12956	-44426
Азиатский Север	1991-1995	-451918	108279	-560197	21656	-112039
	1996-2000	-153840	62019	-215859	12404	-43172
	2001-2005	108	76493	-76385	15298	-15277
	2006-2010	30764	128973	-98209	25795	-19642
	2011-2013	61514	106647	-45133	35549	-15044
	1991-2013	-513372	482411	-995783	20974	-43295

Как видно из таблицы 1.3, динамика численности населения Российского Севера последние 20 лет в основном определялась миграционной убылью населения. Отрицательная миграционная динамика характерна как для Европейского, так и Азиатского Севера. Однако при этом Азиатский Север, в отличие от Европейского, на протяжении всего рассматриваемого времени отличается стабильным положительным естественным приростом.

Внутри северных субъектов в рассматриваемый период времени имело место разное сочетание естественного и механического приростов населения. В 1991–1995 гг. общий положительный прирост имели только Ханты-Мансийский АО – 23 тыс. человек и Республика Тыва – 0,6 тыс. человек. На Европейском Севере у всех субъектов наблюдались отрицательные естественный и механический приросты. На Азиатском Севере естественная убыль была только в Сахалинской области – 7582 человека, а механическая – повсеместно.

В 1996–2000 гг. имели общий положительный прирост только Ханты-Мансийский АО (80164 человека), Ямало-Ненецкий АО (11221 человек) и Республика Тыва (687 человек), при этом Ханты-Мансийский АО имел положительные естественный и механический приросты, а Ямало-Ненецкий и Республика Тыва – только естественный прирост.

В 2001–2005 гг. положительный прирост населения Азиатскому Северу обеспечивает Ханты-Мансийский АО – 84343 человека и Ямало-Ненецкий АО – 19114 человека; первая территория имела положительный естественный и механический приросты, а вторая – только естественный.

В 2006–2010 гг. демографическая ситуация на Европейском Севере оставалась по-прежнему неблагоприятной, все территории имели и естественную, и миграционную убыль населения. В 2011–2013 гг. в Республике Коми и Мурманской области естественная убыль сменилась естественным приростом в связи с ростом числа родившихся и сокращением числа умерших. Рост рождаемости отчасти связан с тем, что в фертильный возраст стали вступать более многочисленные поколения женщин, родившихся в 1980-е годы, отчасти – с повышением интенсивности рождаемости после введения новых мер поддержки семей с детьми (приоритетные национальные проекты).

На Азиатском Севере в 2006–2010 гг. половина территорий (республики Саха и Тыва, автономные округа – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий) имела положительный прирост населения за счет естественного прироста, имея отрицательный механический прирост, за исключением Ханты-Мансийского АО; другая половина регионов – отрицательный прирост населения как за счет миграционной убыли, так и за счет естественной убыли, за исключением Чукотского АО. В 2011–2013 гг. все автономные округа Азиатского Севера и Республики Тыва имели положительный прирост населения, все территории – отрицательный механический прирост, за исключением Ханты-Мансийского АО.

В целом за 1991–2013 гг. все территории Европейского Севера имели естественную и миграционную убыль населения. На Азиатском Севере все территории имели отрицательный механический прирост за исключением Ханты-Мансийского АО; большинство – естествен-

ный прирост за исключением Магаданской и Сахалинской областей и Камчатского края (табл. 1.4).

Таблица 1.4

Прирост (убыль) населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, по компонентам изменения численности населения за 1991–2013 гг., человек

Регионы	Годы					
	1991–1995			1996–2000		
	общий прирост (убыль)	в т.ч.		общий прирост (убыль)	в т.ч.	
		естест- венный	механиче- ский		естест- венный	механи- ческий
1	2	3	4	5	6	7
Европейский Север	-379853	-51645	-328208	-345550	-86151	-259399
Республика Карелия	-28099	-18643	-9456	-34547	-23977	-10570
Республика Коми	-107235	-2297	-104938	-89770	-11643	-78127
Архангельская область	-92896	-26074	-66822	-106946	-41473	-65473
Мурманская область	-151623	-4631	-146992	-114287	-9058	-105229
Азиатский Север	-451918	108279	-560197	-153840	62019	-215859
Республика Саха (Якутия)	-98663	40393	-139056	-62842	21611	-84453
Республика Тыва	583	14739	-14156	687	5638	-4951
Камчатская область	-72148	1523	-73671	-39993	-1624	-38369
Магаданская область	-144310	916	-145226	-46270	-1101	-45169
Сахалинская область	-85394	-7582	-77812	-69890	-11410	-58480
Ханты-Мансийский АО – Югра	23146	36583	-13437	80164	30945	49219
Ямало-Ненецкий АО	-1527	18952	-20479	11221	17120	-5899
Чукотский АО	-73605	2755	-76360	-26917	840	-27757
	2001–2005			2006–2010		
Европейский Север	-303426	-110443	-192983	-199506	-46013	-153493
Республика Карелия	-52772	-30272	-22500	-33459	-17292	-16167
Республика Коми	-79928	-19899	-60029	-63737	-4464	-59273
Архангельская область	-87280	-44761	-42519	-56958	-18330	-38628
Мурманская область	-83446	-15511	-67935	-45352	-5927	-39425
Азиатский Север	108	76493	-76385	30764	128973	-98209
Республика Саха (Якутия)	-3084	21194	-24278	3864	29665	-25801

Окончание табл. 1.4

1	2	3	4	5	6	7
Республика Тыва	-2840	7311	-10151	5243	19649	-14406
Камчатская область	-29806	-2482	-27324	-14935	-95	-14840
Магаданская область	-23548	-1774	-21774	-13863	-1728	-12135
Сахалинская область	-38928	-14199	-24729	-24382	-6998	-17384
Ханты-Мансийский АО – Югра	84343	46464	37879	69342	63440	5902
Ямало-Ненецкий АО	19114	19440	-326	7540	24414	-16874
Чукотский АО	-5143	539	-5682	-2045	626	-2671
	2011–2013			1991–2013		
Европейский Север	-91452	-3729	-87723	-1319787	-297981	-1021806
Республика Карелия	-8180	-5263	-2917	-157057	-95447	-61610
Республика Коми	-27158	4195	-31353	-367828	-34108	-333720
Архангельская об- ласть	-33095	-3656	-29439	-377175	-134294	-242881
Мурманская область	-23019	995	-24014	-417727	-34132	-383595
Азиатский Север	61514	106647	-45133	-513372	482411	-995783
Республика Саха (Якутия)	-3455	23843	-27298	-164180	136706	-300886
Республика Тыва	3629	14582	-10953	7302	61919	-54617
Камчатский край	-1795	1097	-2892	-158677	-1581	-157096
Магаданская область	-6222	-138	-6084	-234213	-3825	-230388
Сахалинская область	-5712	-1827	-3885	-224306	-42016	-182290
Ханты-Мансийский АО – Югра	60114	50954	9160	317109	228386	88723
Ямало-Ненецкий АО	14746	17748	-3002	51094	97674	-46580
Чукотский АО	209	388	-179	-107501	5148	-112649

Север России, имея отрицательный миграционный баланс практически со всеми регионами России, с 2005 г. стал иметь положительный миграционный прирост со странами дальнего и ближнего зарубежья (суммарно). Особое место в миграционном приросте занимают страны Средней Азии и Закавказья. С ними Север России имеет положительный прирост с 2004 г., а в 2005 г. он перекрыл убыль с другими странами. Картина стала меняться в 2012 г. Так, если миграционный прирост в 2011 г. составлял 17503 человека, то в 2012 г. – уже 13077. Частично это можно объяснить тем, что Россия для отдельных стран стала менее привлекательной в миграционном отношении. По мнению Веч-

канова, это связано с расширением сферы занятости в странах, которые в недалеком прошлом либо активно перемещали мигрантов в Россию, либо переориентировались на рынки рабочей силы в других странах. В первом случае речь идет, например, об Азербайджане, во втором – о Молдавии. Если несколько лет назад в России работали 70% мигрантов-молдаван, на Западе – 30%, то теперь положение обратное [2, с. 48]. Действительно, если миграционный прирост с Азербайджаном в 2011 г. составил 21061 человек, то в 2012 г. – 18102.

В силу специфики формирования населения северных территорий здесь сложилась отличная от страны в целом возрастная структура населения. На Севере выше доля детей и лиц в трудоспособном возрасте и ниже доля лиц старших возрастов. Однако это преимущество постепенно сводится на нет (табл. 1.5).

Таблица 1.5

Удельный вес возрастных групп в общей численности населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, по данным переписей населения за 1989, 2002 и 2010 гг., %

Год	Население в возрасте	Российская Федерация	Север России	Европейский Север	Азиатский Север
1989	моложе трудоспособного	24,5	29,3	27,0	31,5
	трудоспособном	57,0	61,8	60,6	63,1
	старше трудоспособного	18,5	8,9	12,4	5,4
2002	моложе трудоспособного	18,2	21,2	18,7	23,5
	трудоспособном	61,3	66,2	64,9	67,5
	старше трудоспособного	20,5	12,6	16,4	9,0
2010	моложе трудоспособного	16,2	19,2	16,7	21,2
	трудоспособном	61,6	64,9	63,2	66,4
	старше трудоспособного	22,2	15,9	20,1	12,4

Объективные и субъективные факторы жизнедеятельности населения северных районов создают трудности в их адаптации, обуславливают предпосылки для сохранения высокого миграционного оборота и низкой приживаемости [10, с. 12]. Высокая миграционная подвижность населения поддерживает здесь существование достаточно молодой возрастной структуры. Если в среднем по России доля лиц старше трудоспособного возраста в 2010 г. составляла 22,2% согласно

переписи населения 2010 г., то в районах Крайнего Севера – всего лишь 15,9%.

За средней величиной скрывается значительное отличие районов, заселение и освоение которых происходило в разные исторические периоды. В относительно обжитых районах Севера, где постепенно формируется стабильное в миграционном отношении население, видна тенденция приближения к российским возрастным пропорциям. Так, в Архангельской области и Республике Карелии доля пожилого населения превышает 20%. Выше доля пожилых людей, в таких субъектах, как: Магаданская, Мурманская и Сахалинская области; Камчатский край и Республика Коми, чем в среднем по районам Крайнего Севера. Доля лиц старше трудоспособного возраста колеблется здесь от 16,7 до 19,6%.

К числу самых молодых относятся регионы Азиатского Севера: Ямало-Ненецкий (7,8%), Чукотский (10,3%), Ханты-Мансийский (10,6%) АО и Республика Тыва (9,8%). В этих регионах возрастная структура населения до последнего времени в наибольшей степени зависела от миграции, которая поддерживала постоянный рост численности и удельного веса молодых возрастных контингентов.

В последние годы наряду с отрицательным естественным приростом свой вклад в убыль населения вносит и миграция. Однако структура миграционных потоков по-прежнему способствует поддержанию на Севере более молодой возрастной структуры. Так, среди прибывших с 2005 по 2013 г. шло уменьшение доли лиц старшего возраста и увеличение доли лиц молодого возраста. В структуре выбывших уменьшалась доля лиц молодого возраста при одновременном увеличении доли лиц старшего возраста. Структура миграционного прироста (убыли) по возрастам также показывает свое положительное влияние на возрастную структуру населения (табл. 1.6).

Таблица 1.6

Возрастной состав мигрантов северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, в 2005 и 2013 гг., %

Регионы	2005 г.			2013 г.		
	Мигранты в возрасте					
	молоче трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного	молоче трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного
Российская Федерация	Прибывшие					
Север России	13,8	73,8	12,4	15,2	74,9	9,9
Европейский Север	14,5	78,0	7,5	14,8	78,2	7,0
Азиатский Север	12,5	78,7	8,8	16,2	75,1	8,7
	15,7	77,6	6,7	13,9	80,0	6,1
	Выбывшие					
Российская Федерация	13,8	74,2	12,0	15,7	74,5	9,8
Север России	13,5	76,3	10,2	13,3	76,0	10,7
Европейский Север	12,3	77,2	10,5	14,8	74,1	11,1
Азиатский Север	14,3	75,7	10,0	12,3	77,1	10,6
	Общий миграционный прирост (убыль)					
Российская Федерация	12,7	66,7	20,6	9,1	80,5	10,4
Север России	-8,9	-68,5	-22,6	-5,2	-63,9	-30,9
Европейский Север	-11,7	-72,3	-16,0	-9,3	-70,1	-20,6
Азиатский Север	-5,8	-64,3	-29,9	-1,2	-57,7	-41,1

Однако, несмотря на позитив миграции, в северных субъектах имеет место старение населения (увеличение доли лиц старшего возраста) и, как следствие, рост среднего возраста. Вот ряд примеров по наиболее типичным северным территориям. За период 1979–2010 гг. существенно увеличился средний возраст населения: в Якутии – с 27,2 до 33,0 лет, в Ханты-Мансийском АО – Югра – с 26,4 до 33,7 лет и в Республике Коми – с 29,2 до 37,2 лет. Следует обратить внимание, что сохранение отмеченных негативных явлений может создать ряд проблем для инновационного развития экономики Севера.

В районах Севера намного выше российского уровня доля трудоспособного населения. Она составляет здесь 64,9% против 61,6% для

России в целом (перепись населения 2010 г.). Максимальна доля трудоспособного населения в районах Азиатского Севера (66,4%), где самые тяжелые условия труда и жизни. В число территорий, где доля трудовых ресурсов выше среднего, входит Магаданская обл., а также Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа. В период с 1989 по 2010 г. в населении северных территорий доля детей уменьшилась с 29,3 до 19,2%, или на 34,5%. По России доля детей уменьшилась с 24,5 до 16,2%, или на 34,3%. Следует также отметить, что в 2010 г. доля детей на Европейском Севере была на 4,5 процентных пункта (пп) ниже, чем на Азиатском Севере.

На Севере России в период с 1979 по 2010 г. была отмечена повышенная доля мужчин, чем по стране в целом. На Азиатском Севере выше доля мужчин, чем на Европейском Севере. Такое положение можно объяснить интенсивностью миграционных потоков, на Севере она выше, чем по России в целом, а на азиатской части население более подвижно, чем на европейской (табл. 1.7). В 1979 г. 9 регионов имели мужской перевес: Республики Коми и Саха (Якутия); Камчатская, Магаданская и Сахалинская области; Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО; в 2010 г. мужчин было больше только в Чукотском АО.

Таблица 1.7

Удельный вес мужчин в общей численности населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, по данным переписей населения за 1979, 1989, 2002 и 2010 гг., %

Регионы	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Российская Федерация	46,0	46,7	46,6	46,2
Север России	49,8	50,2	48,5	47,9
Европейский Север	48,9	49,3	47,6	46,9
Азиатский Север	51,1	51,0	49,4	48,8

На Российском Севере в демографическом развитии и обеспечении отраслей народного хозяйства трудовыми ресурсами складывается крайне неблагоприятная ситуация [14, с. 204], и если для ее исправления не приложить максимум усилий, в первую очередь со стороны государства, то последствия могут быть самыми плачевными. Это каса-

ется заселенности стратегически и геополитически важных земель, наполняемости бюджета, сохранения уникальных северных народов.

Сегодня осваивать Север прежними методами: числом, а не умением – не представляется возможным. Демографический кризис подтолкнул организации искать иные пути в первую очередь через развитие человеческих ресурсов, их образование. По переписи населения 2010 г. уровень образования населения в возрасте 15 лет и старше в северных субъектах, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, был немного выше общероссийского уровня: 996 против 994 в расчете на 1000 человек. Однако если посмотреть на уровни профессиональной подготовки, то можно заметить, что Российский Север проигрывает по населению, имеющему послевузовское, высшее и незаконченное высшее образование: 257 против 280 в расчете на 1000 человек, и выигрывает по среднему и начальному профессиональному образованию: соответственно 406 и 368.

Заключение

Проведенный анализ динамики численности населения и его социально-демографических характеристик позволяет сделать ряд выводов и предложений.

В современных условиях нужен принципиально новый социально-экономический механизм привлечения и закрепления населения во вновь осваиваемые районы Севера и Арктики. Необходимо найти точки соприкосновения для согласования интересов государства, корпораций, общества, семьи и личности в этом вопросе.

Для привлечения и закрепления населения и в первую очередь молодежи во вновь осваиваемые районы Севера и Арктики необходимо предложить комплекс экономических стимулов и социальных гарантий, позволяющих сделать Арктику и Север России привлекательными и конкурентоспособными при определении своих жизненных стратегий населением страны. В качестве рабочих инструментов могли бы стать «Концепция молодежной миграционной политики», «Экономический механизм кредитования демографических и миграционных мер привлечения и закрепления населения во вновь осваи-

ваемые районы Севера и Арктики» и ряд других. В настоящее время подобных документов нет.

Учитывая тот факт, что уже на протяжении более двух десятилетий идет уменьшение численности населения, обусловленное как естественной, так миграционной убылью населения, необходимо принять срочные меры по улучшению ситуации. Изменить ситуацию с рождаемостью маловероятно, она будет оставаться на низком уровне, не обеспечивающем даже простое воспроизводство населения. Снизить смертность вполне реально. Для этого необходимо сконцентрировать усилия здравоохранения на тех направлениях смертности, которые уносят больше жизней, и работать с причинами заболеваемости, которые ведут к потере трудоспособности и инвалидности. Необходимо вести плановую работу с населением за здоровый образ жизни, что реально снизит смертность и инвалидность.

Надеяться на положительный миграционный баланс с регионами России, не изменив государственную политику по отношению к северным территориям, не реально. Страны Средней Азии и Закавказья также снизили интенсивность миграции в Россию и на Север соответственно. Выходом из положения может стать программа по использованию вахтового метода. Но не как сегодня, когда он используется стихийно, на уровне крупных корпораций; вахтовый метод как инструмент обеспечения организаций человеческими ресурсами должен регулироваться государством и региональными правительствами.

Представленный Росстатом прогноз численности населения до 2031 г. (высокий вариант) показывает, что численность населения по Северу России сократится с 7 млн 885 тыс. (на 01.01.2014 г.) до 7 млн 801 тыс. человек, в том числе по Европейскому Северу с 3 млн 469 тыс. до 2 млн 855 тыс. человек. Что касается Азиатского Севера, то здесь население возрастет с 4 млн 416 тыс. до 4 млн 946 тыс. человек.

1. Архангельский В.Н. Репродуктивное поведение населения Свердловской области на современном этапе демографического развития // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения : сборник материалов IV Уральского демографического фо-

рума с международным участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – С. 142–150.

2. Вечканов Г. Актуальные проблемы российской миграции // Экономист. – 2013. – № 5. – С. 35–50.

3. Вишневский А.Г., Васин С.А., Зайончковская Ж.А. Демографический и трудовой потенциал населения России // Путь в XIX век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики) / под ред. Д.С. Львова. – М.: Экономика, 1999. – 181 с.

4. Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003. – 352 с.

5. Демографический потенциал, человеческий и социальный капитал в условиях глобализации / С.Ю. Солодовников, Т.В. Кузьмицкая, А.А. Раков и др.; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2006. – 396 с.

6. Демографический энциклопедический словарь / редкол.: Д.И. Валентей (гл. ред.) и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 608 с.

7. Дрошнев В.В., Извозчикова С.А. Теоретические подходы к оценке человеческого потенциала // Основы формирования региональной политики развития человеческого потенциала. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. – С. 84–86.

8. Коробицын Б.А., Куклин А.А., Манжуров И.Л., Никулина Н.Л. Оценка ущерба от сокращения ожидаемой продолжительности жизни в результате онкологических заболеваний // Экономика региона. – 2013. – № 3. – С. 257–264.

9. Кузьмин А.И. Перспективы рождаемости на Урале в XXI веке // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения : сборник материалов IV Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – С. 150–161.

10. Лыткина Т.С. Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2014. – № 3. – С. 9–14.

11. Народонаселение : энциклопедический словарь / гл. ред. Г.Г. Меликьян. – М.: Большая Российская энцикл., 1994. – 640 с.: рис., табл.

12. Рыбаковский Л.Л. Исследования миграции населения в России. – М.: ИСПИ РАН, 2000. – 38 с.

13. Сукнёва С.А. Демографический потенциал развития населения северного региона. – Новосибирск: Наука, 2010. – 168 с.

14. Терентьева М.А. Методические подходы к оценке трудового потенциала региона // Федерализм. – 2012. – № 3. – С. 198–204.
15. Фаузер В.В. Государственное регулирование рождаемости // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 5. – С. 58–64.
16. Фаузер В.В. Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми. – Сыктывкар, 2007. – 40 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; вып. 492).
17. Фаузер В.В. Оценка демографического и трудового потенциалов Республики Коми // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук : научный журнал. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2010. – № 1. – С. 105–111.
18. Чаленко А. Демографический потенциал и экономическое развитие // Капитал страны: федеральное интернет-издание. URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/204908> (дата обращения: 21.03.2014).
19. Эдиев Д.М. Теория и приложения демографических потенциалов : автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. – М., 2008. – 36 с.

ГЛАВА 2

ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ В СЕВЕРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ. РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ*

Введение

О демографическом кризисе второй половины XX и начала XXI вв. написано и сказано много. Среди множества работ особо следует выделить следующие: «Демографическое развитие России в XXI веке» [3], «Программа действий по улучшению демографической ситуации» [7], «Стратегия демографического развития России» [9], «Демографические контуры регионов России» [1], «Демографическое настоящее и будущее России» [2]. Регионам Севера посвящены монографии: «Формирование и использование человеческих ресурсов северного региона: социально-демографический анализ» [14], «Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение» [15].

По демографической тематике ежегодно проводятся конференции – от регионального до всероссийского уровня. Здесь можно выделить Уральский демографический форум, проводимый Институтом экономики УрО РАН; Всероссийскую конференцию «Национальная идентичность России и демографический кризис» (Отделение общественных наук РАН); «Миграционные мосты в Евразии» (ИСПИ РАН). На самом деле и монографий и конференций можно насчитать не один десяток, здесь лишь привели основные, наиболее представительные и проводимые ежегодно.

Демографической тематике уделял много внимания и «гуру» современного менеджмента Питер Друкер. В своих трудах он выделил проблему рождаемости как одну из важнейших. В небольшой по объему монографии «Задачи менеджмента в XXI веке» он пишет: «Самая характерная черта нашего времени – хотя бы в силу абсолютной беспрецедентности в мировой истории – это резкое снижение рождаемости в развитых странах. Снижение рождаемости несет с собой также

* Глава подготовлена при участии И.А. Панариной.

гигантские политические и социальные последствия, о которых мы пока не имеем никакого представления. Но этот процесс неизбежно скажется на экономике и бизнесе – некоторые аспекты влияния сегодня уже изучаются, и кое-какие результаты исследований даже применяются на практике. Кроме того, любой вид подготовки сегодняшних ресурсов к возможностям, которые могут открыться в будущем, должен начинаться с демографии, а точнее с рассмотрения проблемы падения рождаемости в развитых странах. Изю всех современных процессов этот наиболее заметен, непредсказуем и абсолютно беспрецедентен» [4, с. 69, 77]. И еще он обратил внимание на одну важную особенность, связанную с рождаемостью: «В ближайшие 20–30 лет демографическая ситуация в развитых странах будет определять политическую. И политика будет очень нестабильной. Ни одна из стран не готова к проблемам, к которым приведет снижение численности населения. Об этом можно судить по тому, что ни в одной стране мира нет политических партий или движений, которые целью своей деятельности поставили бы решение проблем, связанных с демографическим кризисом» [4, с. 72]. Как видим, П. Друкер обращает внимание на две актуальные проблемы современности: на падение рождаемости и на снижение численности населения. При этом он выделяет эти две проблемы шире чисто демографических, он их обозначает как важные политические и экономические проблемы современности. В настоящей главе рассмотрим эти проблемы (сокращение численности населения и падение рождаемости) на примере регионов Российского Севера.

Динамика численности населения северных регионов России. Говоря о численности населения северных регионов страны, надо, прежде всего, исходить из того, что экономика России зависит и в обозримом будущем будет зависеть от экономического потенциала северных регионов, их вклада в общий объем ВВП страны. Достаточно сказать, что на Севере России сосредоточено: 80% запасов всех полезных ископаемых России, в т.ч.: 93% газа, 90% алмазов и платиноидов, 83% серебра, 72% нефти и газового конденсата, 63% золота, 43% угля; производится более 20% ВВП, 18% электроэнергии, 25% лесной продукции; добывается более 90% природного газа, 75% нефти, 80% зо-

лота, 90% меди и никеля, почти все алмазы, кобальт, платиноиды, апатитовый концентрат. В федеральном бюджете доля доходов от использования минерально-сырьевой базы Севера превышает 40%, а доля валютных поступлений – 80% [11, с. 20].

Следовательно, в северных регионах страны надо иметь достаточный и эффективный демографический и трудовой потенциал, способный обеспечить необходимый уровень развития экономики Севера для удовлетворения потребности страны в углеводородном сырье, золоте, алмазах, иных стратегически важных ресурсах.

Уровень рождаемости в северных регионах России

Причиной убыли населения наряду с миграционным оттоком и высокой смертностью стало падение рождаемости до недопустимо низкого уровня. Здесь можно привести слова проф. Л.Л. Рыбаковского: «Будь у России такая же смертность населения, как в Дании, Нидерландах, Норвегии, Финляндии, Канаде и др., она бы уже забыла о депопуляции, по крайней мере, на ближайшие 5–10 лет, хотя это не устранило бы проблемы демографического развития в будущем» [8, с. 13]. При этом важно подчеркнуть, что если на уровень смертности и миграционную подвижность населения государство может реально влиять, вкладывая соответствующий или достаточный объем финансовых средств, то с рождаемостью все сложнее. В ходе реализации приоритетных национальных проектов государство вложило огромные финансовые средства в повышение рождаемости, так «материнский капитал» продолжает свое действие и сегодня. Результат оказался положительным. «И хотя к настоящему времени благодаря росту рождаемости поколение детей может обеспечить замещение поколение родителей почти на 80% (в 2005 г. было 60%), тем не менее это еще даже не простое воспроизводство населения» [8, с. 13]. Меры, стимулирующие рост рождаемости, как правило, краткосрочны, эффект ведет к демографическим волнам, что в итоге негативно сказывается на всех социально-экономических процессах.

Приступая к анализу уровня рождаемости, необходимо подчеркнуть, что установленным фактом является то, что границе простого воспроизводства населения соответствует общий коэффициент рождаемости равный 16,0‰. В 2013 г. общий коэффициент рождаемости

в целом по Северу России составил 15,1‰. При этом он был выше на Азиатском Севере – 16,9‰ и значительно ниже на Европейском Севере – 12,8‰. Из тринадцати северных регионов он намного ниже этой границы: в Республике Карелия и Мурманской обл. он равен 11,9‰, Магаданской обл. – 12,6‰, Архангельской обл. – 12,8‰, Сахалинской обл. – 12,9‰, Камчатском крае – 13,0‰, Чукотском АО – 13,1‰ и в Республике Коми – 14,2‰. В остальных пяти он выше этой нормы. В Республике Тыва – 26,1‰; Республике Саха (Якутия) и Ханты-Мансийском АО – Югра – 17,5‰; Ямало-Ненецком АО – 16,6‰; Ненецком АО – 16,4‰ (2013 г.).

Кроме того, важно отметить, что общий коэффициент рождаемости в 2013 г. по абсолютному значению был ниже, чем в 2012 г. По Северу в целом он уменьшился с 15,2 до 15,1‰, в том числе по Азиатскому Северу с 17,1 до 16,9‰, на Европейском Севере его величина осталась неизменной.

Наряду со снижением общего коэффициента рождаемости за период с 1990 по 2013 г. произошло абсолютное сокращение числа родившихся детей. Если для сравнения взять крайние даты 1990 г. и 2013 г., то можно отметить следующее. В 2013 г. на Севере России в целом родилось на 26,0 тыс. детей меньше, чем в 1990 г., соответственно на Европейском Севере – на 17,5 и Азиатском Севере – на 8,5 тыс. детей. Самое масштабное сокращение числа родившихся было отмечено в Чукотском АО – в 3,3 раза и Магаданской обл. – в 2,8 раза (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Число родившихся в северных субъектах, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям в 1990–2013 гг., тыс. человек*

Регионы	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.
1	2	3	4	5	6	7
Российская Федерация	1988858	1363806	1266800	1457376	1788948	1895822
Север России	145131	95211	87133	99598	114398	119125
Европейский Север	62000	39705	36450	40341	44226	44504
Республика Карелия	10553	6729	6374	6952	7792	7553
Республика Коми	16930	11105	9906	10975	11648	12436

Окончание табл. 2.1

1	2	3	4	5	6	7
Архангельская область	21216	13275	12150	13898	15466	15305
Ненецкий АО	917	602	541	607	699	705
Мурманская область	13301	8596	8020	8516	9320	9210
Азиатский Север	83131	55506	50683	59257	70172	74621
Республика Саха (Якутия)	21662	15731	13147	13591	16109	16704
Республика Тыва	8116	6172	4871	5979	8262	8111
Камчатский край	5905	3806	3426	3868	3880	4160
Магаданская область	5282	2234	1925	1908	1807	1905
Сахалинская область	10114	5873	5210	6010	6016	6354
Ханты-Мансийский АО – Югра	21812	14418	15579	19958	25089	27770
Ямало-Ненецкий АО	8032	6337	5839	7148	8263	8955
Чукотский АО	2208	935	686	795	746	662

* *Российский статистический ежегодник 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – С. 94–107.*

На сокращение рождаемости наряду с объективными причинами социально-экономического характера существенное влияние оказывают широко распространенные аборты. К сожалению, в нашей стране в течение многих десятилетий аборт оставался основным методом регуляции рождаемости. В разные годы их количество в Российской Федерации колебалось от четырех млн в 1990-е гг. до одного млн в последние годы (1990 г. – 4103,4 тыс. абортов; 2000 г. – 2138,8; 2010 г. – 1186,1; 2013 – 1012,4 тыс. абортов). Но здесь важно подчеркнуть, что аборты не просто вредят здоровью женщины, но и могут унести жизни женщин, которые на них решились: в 2000 г. в структуре причин материнской смертности они составляли 24,3%, а в 2013 г. – 6,0% (прогресс вроде бы налицо, но и 6,0% величина не малая). Частота абортов на 1000 женщин фертильного возраста в России существенно превышает аналогичный показатель в европейских странах. По северным регионам число абортов на 1000 женщин фертильного возраста

превышало российский показатель и колебалось от 56 в Магаданской обл. до 25 в Мурманской обл. при среднем по стране – 28 (2013 г.).

Для большинства регионов России, в том числе и северных территорий, характерна демографическая ситуация с нестабильным уровнем рождаемости, его недостаточной величиной для простого замещения поколений. И этот уровень сохраняется за счет числа искусственных аборт, приходящихся на 1000 родов (табл. 2.2).

Таблица 2.2

Число прерываний беременности (абортов) в северных субъектах, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, в 1995–2013 гг., тыс. человек

Регионы	Число аборт на 100 родов				
	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.
Российская Федерация	203	169	121	67	54
Республика Карелия	216	201	154	87	78
Республика Коми	192	193	136	80	63
Архангельская область	210	199	153	96	73
Ненецкий АО	–	–	–	85	67
Мурманская область	154	166	112	58	51
Республика Саха (Якутия)	151	158	124	80	71
Республика Тыва	103	104	85	56	55
Камчатский край	240	180	157	103	71
Магаданская область	254	228	158	129	113
Сахалинская область	248	196	162	115	98
Ханты-Мансийский АО	–	–	124	61	54
Ямало-Ненецкий АО	–	–	136	82	67
Чукотский АО	184	141	122	75	106

– - нет данных

В отличие от других стран мира в России не произошла так называемая контрацептивная революция – замещение аборт в структуре методов планирования семьи современными эффективными методами контрацепции.

Большое значение в работе по изучению причин прерывания беременности (аборт) имеет выявление факторов, определяющих формирование неправильных репродуктивных установок и в конечном счете неоптимального репродуктивного поведения значительной части женского населения, что приводит к тяжелым последствиям, с которыми медицина страны наиболее часто сталкивается в последние го-

ды: снижение рождаемости; значительное число аборт; рост числа заболеваний репродуктивной сферы женщин, в немалой степени связанный с отрицательными последствиями абортов; повышение частоты случаев женского бесплодия также в значительной мере за счет последствий перенесенных абортов, в том числе прерывания первой беременности; появление новой проблемы в стране – беременность у подростков, также являющаяся значительным фактором риска потери жизни и здоровья молодой матери и ее ребенка; снижение уровня здоровья детей и новорожденных.

К настоящему времени хорошо изучены причины предпочтения аборта рождению ребенка, среди которых первое место занимает выраженная в большинстве современных семей установка на малодетность. Данные последних лет свидетельствуют о том, что супруги стремятся ограничить число детей в семье до двух, а нередко – одного ребенка в связи с желанием более полного удовлетворения своих материальных и культурных потребностей и др. Второе и третье места среди причин выбора аборта занимают неблагоприятные отношения в семье и невозможность сочетания учебы с рождением и воспитанием ребенка, причем в молодых семьях эта причина при прерывании первой беременности – основная. Высок удельный вес и других причин, таких как маленький ребенок, многодетность, болезнь одного из супругов и др.

С увеличением возраста растет вероятность наличия в анамнезе женщин искусственного аборта: если в возрасте до 20 лет только 15% женщин имели искусственный аборт, то к 25 годам – уже 30%, к 30 годам – 80% женщин. К концу репродуктивного периода на каждую женщину приходится в среднем по 3,6 аборта [5, с. 37].

Разрабатывая региональную демографическую политику, необходимо учесть и рассмотреть все демографические процессы, начиная от миграции и заканчивая брачностью или разводимостью. Однако стоит заметить, что, прежде чем совершить определенные демографические события (сменить место жительства, жениться, развестись или умереть), люди сначала должны родиться и прожить определенное число лет, чтобы совершить указанные действия. Поэтому, на наш взгляд, в стратегическом плане социально-экономического развития территории центральное место в блоке «управление челове-

скими ресурсами» должна занимать рождаемость, так как существующий сегодня уровень рождаемости будет определять степень обеспеченности отраслей народного хозяйства человеческими ресурсами через 16–20 лет, в зависимости от срока профессионального обучения. Кроме того, на уровень обеспеченности человеческими ресурсами хозяйствующих субъектов будут влиять масштабы выхода за пределы трудоспособного возраста тех, кто родился 50–60 лет назад. Следовательно, для полноты и точности прогнозирования обеспеченности отраслей экономики человеческими ресурсами необходимо знать репродуктивные установки населения [10, с. 60–61]. Ниже рассмотрим репродуктивные установки студенческой молодежи, т. е. тех, кто сегодня, в своем большинстве, еще не имеет семьи и детей, но в ближайшие годы создаст ее и будет решать для себя вопрос, сколько детей иметь в семье и иметь ли их вообще.

Репродуктивные установки студенческой молодежи

Описание выборки. Учитывая недопустимо низкий уровень рождаемости и важность решения задачи увеличения количества детей в семьях, была поставлена цель – определить, какую демографическую политику необходимо проводить государству, региональным правительствам, отдельным хозяйствующим субъектам для повышения уровня рождаемости и каких аспектов жизнедеятельности человека она может касаться. Для реализации поставленной цели – выявления направлений и аспектов демографической политики, которые могли бы регулировать и проводить государство, регионы и хозяйствующие субъекты, в 2011, 2012, 2013 г. по репрезентативной выборке был проведен опрос студентов вузов Республики Коми в возрасте 16–27 лет. Опрос проводился в 4 городах: Воркуте, Усинске, Ухте и Сыктывкаре, сотрудниками лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН совместно с учеными Сыктывкарского государственного университета, Ухтинского государственного технического университета, Коми государственного педагогического института, Сыктывкарского лесного института, Коми республиканской академии государственной службы и управления, филиала

Санкт-Петербургского государственного горного института им. Г.В. Плеханова (технического университета) «Воркутинский горный институт». В заключительный период – в 2013 г. – в обследовании приняли участие 582 студента в возрасте 18–27 лет.

Большая часть студентов учились в г. Сыктывкаре – 60,1%, из них в СыктГУ – 21,5%, КГПИ – 0,5%, СЛИ – 23,5%, Сыктывкарском филиале СПбГЭУ – 14,6%. 29,6% опрошенных являются студентами УГТУ и 10,3% – его Усинского филиала. По возрасту респонденты распределились так (%): 18–19 лет – 9,8; 20–21 лет – 54,8; 22–24 лет – 22,6; 25–26 лет – 2,1; 27 лет и старше – 10,7. Средний возраст студентов составил 21,7 лет.

Примерно половина студентов проживают с родителями – 46,9%, живут в общежитии – 19,7%, имеют благоустроенную отдельную квартиру – 19,6%, снимают квартиру – 7,4%, комнату – 2,1%, у остальных есть разного вида благоустроенное и неблагоустроенное жилье.

По месту нахождения учебного заведения контингент студентов сформирован на 54,4% уроженцами данного населенного пункта, а на 45,6% – иногородними студентами.

На момент опроса основными источниками доходов студентов являлись (%): родители и родственники – 63,9; заработная плата – 42,4; стипендия – 28,2; случайные заработки – 15,6 и пенсия – 8,1. Содержит друг или подруга – 5,8%, муж или жена – 6,9%; указали на другие источники – 0,7% респондентов. Имеющиеся источники доходов позволили опрошенным студентам так оценить свой уровень доходов (%): денег достаточно для приобретения продуктов и одежды – 67,7; денег достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать, – 16,6; денег хватает лишь на покупку продуктов питания – 14,0; денег не хватает даже на приобретение продуктов питания – 1,7.

По национальности среди студентов преобладают (в %) русские – 72,7, затем следуют коми – 16,4; украинцы – 4,5; татары – 2,1; азербайджанцы – 1,0; немцы – 0,9; белорусы – 0,2; представители других национальностей – 2,2.

Важность проведения такого опроса обусловлена тем, что Республика Коми в демографическом плане не является лидером в области рождаемости. Среди 83 субъектов Российской Федерации она занима-

ет 28 место (14,2 рождений на 1000 человек населения). Лучше обстоят дела в области смертности – 24 место, при общем коэффициенте смертности 12,0 случаев на 1000 человек населения (2013 г.).

Результаты опроса. На желание иметь или не иметь детей, а если иметь, то сколько, оказывает влияние, помимо социально-экономических и институциональных факторов, восприятие молодежью материнства. Обычно под материнством понимается функция женского организма, направленная на продолжение человеческого рода и включающая биологические (вынашивание, рождение и вскармливание ребёнка) и социальные (воспитание ребёнка) аспекты.

Высоко оценивая институт материнства, молодежь осознает, что рождение детей изменит их жизнь, придаст ей новые черты, наложит ответственность за жизнь и благополучие их ребенка. Значимым является то, что большинство опрошенных респондентов считает, что рождение детей не ухудшит их материальное положение (57,7%), не ограничит свободу и возможности самореализации личности (58,5%), не будет препятствовать карьерному росту (57,6% – 2013 г.). Увеличилась доля тех, кто считает, что рождение детей ухудшит их материальное положение с 24,1% до 26,6%.

В идеальной семье, по мнению более чем половины респондентов – 64,4% (2011 г. – 61,8%, 2012 г. – 60,5%), должно быть 2 ребенка, еще 22,4% говорят о трех, а «ни одного» – только 0,7%. Можно отметить, что следовать идеалу готовы практически все респонденты: иметь 2-х детей хотели бы 58,4%, трех – 21,0%, четырех и более – 2,6%, «ни одного» ребенка – 1,7%.

На этом фоне возникает закономерный вопрос: «Почему многие семьи не хотят иметь много детей?». По значимости причины, препятствующие иметь много детей, распределились следующим образом (% , 2013 г.): трудности материального порядка, так как содержание детей становится все дороже – 74,7; считают, что у них плохие жилищно-бытовые условия – 56,4; чувство неуверенности в завтрашнем дне – 40,5; боятся трудностей ухода за детьми – 24,9; не уверены в прочности своей семьи – 18,9; страх остаться без работы – 16,2; супруги считают, что дети мешают им жить так, как хочется, – 10,8; женщины стали слабее здоровьем – 8,6.

На репродуктивные установки молодежи оказывает влияние состояние их здоровья. Опрос показал, что, несмотря на молодость, только у 70,8% опрошенной молодежи хорошее здоровье и особых жалоб нет; каждый пятый (21,1%) отметил, что в последнее время здоровье стало хуже; страдают хроническими заболеваниями – 5,5%; постоянно себя плохо чувствуют – 2,6%. В продолжение темы здоровья можно отметить, что на вопрос: «Есть ли у Вас какие-либо заболевания, препятствующие рождению детей?», 76,4% ответили – нет; не знают – 19,2% и только 4,4% знают о своей проблеме.

Ответы респондентов показывают, что будущий репродуктивный потенциал молодежи хоть и не находится под явной угрозой, но доля больных, на наш взгляд, значительна. Поэтому респондентам было предложено определить, какие меры должно предпринять государство, чтобы улучшить здоровье подрастающего поколения. Приведем меры, предложенные респондентами (%): развивать спортивную инфраструктуру (строительство спортивных комплексов с футбольными/хоккейными площадками, бассейнами и др.) – 83,3; прекратить рекламу табака и алкоголя, запретить курение в общественных местах – 62,0; ввести обязательное ежегодное медицинское обследование детей (диспансеризация) – 48,1; пропагандировать в газетах, на телевидении преимущества здорового образа жизни – 40,9; прекратить пропаганду сексуальной распущенности в СМИ – 39,7.

Говоря о репродуктивном здоровье населения, нельзя не коснуться проблемы контрацепции и аборт, поскольку незнание основ контрацепции часто ведет к аборту, а последний – к бесплодию. Судя по опросу, 91,0% студенческой молодежи о средствах контрацепции осведомлены достаточно хорошо, 6,9% имеют поверхностное представление и лишь 0,5% осведомлены очень плохо. В то же время на вопрос: «Известны ли Вам факты, когда девушкам из вашего окружения приходилось делать аборт?», положительно ответили 65,6%. Как видим по ответам на последний вопрос, имеет место широкое распространение абортов как средства контрацепции (велика доля девушек, прошедших через аборты).

Безусловно, аборт – крайняя и вынужденная мера. Это хорошо осознает студенческая молодежь. На поставленный вопрос: «В случае

наступления незапланированной (нежелательной) беременности что Вы предпримите или посоветуете партнеру?», были получены следующие ответы: родить ребенка и оформить брачные отношения – 44,7%; трудно сказать, не сталкивались с такой ситуацией – 38,3%; родить ребенка без оформления брачных отношений – 11,4%; сделать аборт – 5,6%. Как видим, молодежь предпочитает, несмотря на возможные трудности, дать жизнь ребенку.

В программе исследования были вопросы о роли государства в регулировании рождаемости. В ходе опроса респондентам был задан следующий вопрос: «Имеет ли государство право влиять на уровень рождаемости и число детей в семье в случае, если низкая рождаемость ведет к сокращению численности населения и несет в себе угрозу государственным интересам?». Студенческая молодежь на него ответила так (%): да, имеет право, но в строго определенных рамках, не нарушая прав личности, – 30,6; никогда об этом не думали – 30,1; нет, ни при каких объективных условиях – 12,5; да, безусловно, имеет право – 11,8; да, в критической (кризисной) ситуации – 8,2; такая политика безнравственна – 5,4 (2013 г.). Как видим, большая часть респондентов считает, что государство имеет право «вмешиваться» в семейную жизнь населения (табл. 2.3).

Таблица 2.3

Распределение ответов на вопрос: «Имеет ли государство право влиять на уровень рождаемости и число детей в семье в случае, если низкая рождаемость ведет к сокращению численности населения и несет в себе угрозу государственным интересам?», опрос 2011–2013 гг., %

Мнение респондентов	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Никогда об это не думали	23,1	33,2	30,1
Да, безусловно	15,6	18,3	11,8
Да, в критической (кризисной) ситуации	7,5	8,6	8,2
Да, но в строго определенных рамках, не нарушая прав личности	36,8	26,4	30,6
Нет, ни при каких объективных условиях	8,3	7,8	12,5
Такая политика безнравственна	6,8	5,2	5,4
Другое мнение	1,9	0,5	1,4

Среди аспектов демографической политики, которые должно регулировать государство, респонденты выделили следующие (%): выплаты пособий на детей – 67,7; выплату алиментов – 53,8; возраст вступ-

ления в брак – 30,4; доступность аборт – 18,7; право на развод – 10,1; число детей в семье – 11,2; возраст при рождении первого ребенка – 8,9; доступность средств предупреждения беременности – 8,6 (табл. 2.4).

Таблица 2.4

Распределение ответов на вопрос: «Аспекты демографической политики, которые должно регулировать государство», опрос 2011–2013 гг., %

Аспекты демографической политики	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Возраст вступления в брак	34,7	36,5	30,4
Возраст при рождении первого ребенка	11,3	10,5	8,9
Число детей в семье	14,7	12,7	11,2
Право на развод	12,7	10,1	13,1
Доступность аборт	22,6	17,9	18,7
Доступность средств предупреждения беременности	11,3	11,1	8,6
Выплата алиментов	54,4	49,9	53,8
Выплата пособий на детей	69,9	61,5	67,7
Затруднились ответить	9,5	13,1	12,2

По мнению студенческой молодежи, наибольшую поддержку могут получить следующие меры стимулирования рождаемости (%): увеличение пособий (разовых и ежемесячных) на каждого ребенка – 58,6; предоставление бесплатного жилья многодетным семьям – 47,8; рост доходов (заработной платы, стипендий и т.п.) – 46,6; различные формы льготного кредитования жилья – 37,5; предоставление бесплатного жилья молодым бездетным и однопдетным семьям – 37,3; частичное изменение трудового законодательства (например, льготный возраст выхода на пенсию для матерей, родивших троих и более детей; увеличение ежегодных отпусков для женщин, имеющих детей и т.д.) – 21,1; налоговые льготы для работающих матерей и отцов – 17,4; пропаганда многодетности – 5,0 (табл. 2.5).

Таблица 2.5

Распределение ответов на вопрос: «Какие меры стимулирования рождаемости, на Ваш взгляд, могут получить наибольшую поддержку населения?», опрос 2011-2013 гг., %

Меры стимулирования рождаемости	2011 г.	2012 г.	2013 г.
1	2	3	4
Различные формы льготного кредитования жилья	43,2	39,7	37,5
Предоставление бесплатного жилья молодым бездетным и однопдетным семьям	39,3	41,7	37,3

Окончание табл. 2.5

1	2	3	4
Увеличение пособий (разовых и ежемесячных) на каждого ребенка	57,4	53,5	58,6
Частичные изменения трудового законодательства (например, льготный возраст выхода на пенсию для матерей, родивших трое и более детей; увеличение ежегодных отпусков для женщин, имеющих детей и т.д.)	17,0	20,9	21,1
Пропаганда многодетности	6,0	5,9	5,0
Налоговые льготы для работающих матерей и отцов	19,7	17,6	17,4
Рост доходов (зарботной платы, стипендий и т.п.)	59,4	46,9	46,6
Другое мнение	0,9	0,7	0,2

Определившись с мерами стимулирования рождаемости, в ходе опроса мы попытались выяснить, каким семьям государство должно оказывать помощь в первую очередь. Ответы по мере важности распределились так (%): малообеспеченным семьям – 58,2; многодетным семьям – 46,4; всем семьям независимо от числа детей – 39,7; молодым бездетным и однодетным семьям – 34,0; семьям, состоящим из детей и одного родителя, – 33,0; социально здоровым семьям – 9,8; семьям, имеющим официальный брачный статус, – 8,9; семьям коренных народов Севера – 5,0.

Респондентам был также задан вопрос: «Могут ли семьи с детьми существовать без помощи государства?». В своем большинстве респонденты считают, что помощь государства семье на современном этапе нужна. Необходимость помощи государства молодым семьям подчеркивают 64,7% респондентов; семьям с 1–2 детьми – 51,8%; семьям с 3 детьми – 77,7%; с 4 и более детьми – 91,9%; городским семьям – 44,7%; сельским семьям – 57,8%.

Материалы опроса позволили получить информацию о демографической политике, которую должно проводить государство, чтобы повысить рождаемость. Так, большая часть респондентов считает, что «государство должно помочь семье иметь столько детей, сколько она сама хочет», – 49,0%; или «если число детей в семьях слишком мало, то государство должно попытаться заинтересовать семьи иметь большее число детей, создав, естественно, и необходимые условия для этого», – 36,7. Однако часть респондентов считает, что «государство ни в коей степени и никаким образом не должно влиять на рож-

дение в семьях того или иного числа детей» – 14,3% (2013 г.), табл. 2.6.

Таблица 2.6

Распределение ответов на вопрос: «Мнение о политике государства в отношении рождаемости», опрос 2011–2013 гг., %

Политика государства в отношении рождаемости	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Государство должно помочь семье иметь столько детей, сколько она сама хочет	51,8	53,7	49,0
Если число детей в семьях слишком мало, то государство должно попытаться заинтересовать семьи иметь большее число детей, создав, естественно, и необходимые условия для этого	36,4	31,1	36,7
Государство ни в коей степени и никаким образом не должно влиять на рождение в семьях того или иного числа детей	13,8	17,2	14,3

Следует также обратить внимание на то, что проблема низкой рождаемости, помимо демографических потерь, неблагоприятно скажется на основных показателях социально-экономического развития страны и ее северных регионов, прежде всего на темпе роста валового внутреннего продукта и обеспеченности отраслей народного хозяйства человеческими ресурсами, потребует структурных и качественных изменений в системе оказания медицинской и социальной помощи с учетом увеличения доли граждан старшего возраста. Снижение рождаемости повлечет существенное изменение этнической структуры, ряд других негативных социальных последствий.

Приведем мнение респондентов о мерах, которые могут (или нет) повысить рождаемость, и позитивные оценки (вопрос предполагал два ответа: либо «да», либо «нет»). Так, по мнению опрошенных студентов, запрет аборт до рождения первого ребенка – 37,6%; полный запрет абортов положительно скажется на рождаемости – 31,1%; введение налога на бездетность – 30,5%; ограничение доступности различных средств предупреждения беременности – 20,6%; снижение брачного возраста – 13,4%; запрет разводов – 7,4%.

В заключение приведем иерархию жизненных ценностей студентов (%): иметь хорошее здоровье – 81,6; материальное благополучие – 74,6; иметь детей – 64,9; хорошие жилищные условия – 58,2; достичь успехов в работе – 53,8; чтобы брак был стабильным – 51,7; реализо-

вать себя в различных сферах жизни – 41,4; состоять в браке – 37,3; интересно проводить досуг – 25,4 (2013 г.). Как видно из опроса, дети занимают 3-ю позицию в системе ценностей. Все логично, есть материальный достаток и здоровье – можно подумать и о рождении детей.

1. Демографические контуры регионов России / под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: Экон-информ, 2009. – 176 с.
2. Демографическое настоящее и будущее России / под ред. В.Ф. Колбанова и Л.Л. Рыбаковского. – М.: Экон-информ, 2012. – 417 с.
3. Демографическое развитие России в XXI веке / под ред. акад. Г.В. Осипова и проф. Л.Л. Рыбаковского. – М.: Экон-информ, 2009. – 340 с.
4. Друкер Питер Ф. Задачи менеджмента в XXI веке: пер. с англ. : учеб. пособие. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2001. – 272 с.
5. Мануйлова И.Л., Сотникова Е.И., Троицкая И.А., Крутьковская Н.П. Эпидемиология искусственного аборта и контрацепция // Акушерство и гинекология. – 1990. – № 8. – С. 37–40.
6. Рыбаковский Л.Л. Исследования миграции населения в России. – М.: ИСПИ РАН, 2000. – 38 с.
7. Рыбаковский Л.Л. Программа действий по улучшению демографической ситуации: Реализация Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года. – М.: МАКС Пресс, 2006. – 168 с.
8. Рыбаковский Л.Л. Результаты современной демографической политики России // Народонаселение. – 2014. – № 1. – С. 4–18.
9. Стратегия демографического развития России / под ред. В.Н. Кузнецова и Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2005. – 208 с.
10. Фаузер В.В. Государственное регулирование рождаемости // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 5. – С. 58–64.
11. Фаузер В.В. Демографический потенциал северных регионов России как фактор экономического освоения Арктики // Арктика и Север. – 2013. – № 10. – С. 19–25.
12. Фаузер В.В. Демографический потенциал северных регионов России – фактор и условие экономического освоения Арктики // Экономика региона. – 2014. – № 4. – С. 69–80.
13. Фаузер В.В. Социологическое измерение репродуктивных установок студенческой молодёжи // Стратегия демографического развития Рос-

сии: рождаемость и семейная политика. – М.: Экон-информ, 2013. – С. 55–61. – (Вып.4).

14. Фаузер В.В., Стукалов И.Е. Формирование и использование человеческих ресурсов северного региона: социально-демографический анализ. – М.: Экон-информ, 2009. – 310 с.

Фаузер В.В., Фаузер Г.Н., Назарова И.Г., Коршунов Г.В. Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение / отв. ред. д.э.н., профессор В.В. Фаузер. – М.: Экон-информ, 2012. – 311 с. (Б-ка демографа, вып. 15).

ГЛАВА 3

ИССЛЕДОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ТЕОРИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ

Теоретические подходы к изучению миграции населения

В социологии и демографии большинство ученых различают три вида движения населения: социальное, естественное и миграционное. В данной главе рассмотрим лишь одно – миграционное движение. В широком смысле слова под миграцией понимают любое территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности. В узком смысле миграция представляет собой законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства, т.е. в буквальном смысле слова означает переселение.

Миграция представляет собой пространственное перемещение населения, изменение его территориального распределения, т.е. географии. В этом смысле миграция не меняет численности населения всей территории, в рамках которой происходит его перемещение. Меняется численность и структура населения лишь отдельных частей данной территории (страны).

Внешняя миграция – это выезд населения за границу (эмиграция) или въезд из-за границы в данное государство (иммиграция). Внутренняя миграция объединяет миграционные процессы внутри страны. С точки зрения административного деления миграции подразделяются на внутриобластные, межобластные и межрайонные.

По степени организации различают два вида миграций: организованную и неорганизованную. Основными видами организованной миграции являлись: общественные призывы, сельскохозяйственные переселения, организованный набор рабочей силы, переводы по службе в другие районы, распределение выпускников ПТУ, техникумов и вузов. Неорганизованная, или индивидуальная, миграция – это территориальные перемещения населения, вызванные такими причинами, как

стремление на новом месте улучшить свое материальное положение, создать семью, получить образование и т.д.

По времени перемещения все виды миграций населения подразделяются: на безвозвратную, т.е. перемену места жительства окончательно, навсегда, и временную миграцию [3].

Факторы и причины миграции. Чтобы ответить на вопрос о необходимости государственного регулирования миграционных процессов, их направленности и форм, понять сущность и мотивы движения населения из одних регионов в другие, необходимо хотя бы в общих чертах рассмотреть такие понятия, как «факторы» и «причины» миграции.

В качестве посыла можно рассмотреть следующую трехчленную схему: условия – факторы – причины. Вся окружающая среда (естественная и социальная) может быть объединена одним понятием – условия жизни. Среди них выделяются условия, которые воздействуют на тот или иной процесс, или собственно факторы. Наконец, то, что вызывает конкретное действие, есть причина.

Льготы – это компенсация частичная, полная или даже превышающая те материальные и духовные потери, которые несет население, вселяясь в малообжитые, удаленные и имеющие суровые природные условия районы. Льготы должны способствовать обеспечению трудовыми ресурсами интенсивно развивающихся отраслей народного хозяйства малоосвоенных районов и создавать условия для нормального режима воспроизводства населения.

Все факторы, сколь разнообразны они ни были бы, в зависимости от возможностей и формы их регулирования со стороны государства так или иначе распадаются на три группы:

К первой группе относятся факторы, состоящие из таких компонентов условий жизни, которые либо невозможно изменить, либо если и можно, то в течение очень длительного времени или с огромными затратами средств. Это характерно для природных условий и географического положения.

Вторая группа включает факторы, которые могут быть изменены постепенно, в течение, по крайней мере, 10–15 лет. Таков уровень ос-

военности территории, включающий также создание производственной и социальной инфраструктур.

Третья группа – это факторы оперативного регулирования. Они могут меняться в течение одного – нескольких лет. Например, установление или отмена комплекса льгот, повышение заработной платы, введение пенсионных льгот и т.д.

Относительно природы последней группы факторов миграции сформулированы принципиальные положения, опираясь на которые, можно с той или иной степенью надежности регулировать миграционные процессы.

Во-первых, на миграцию влияет комплекс факторов, интенсивность которых различна для разных районов, разного времени и разных групп населения.

Во-вторых, основными выступают экономические факторы. Несмотря на признание первоочередного значения для миграции экономических факторов, тем не менее еще до середины 1970-х гг. велись споры, какие из них более важные – условия жизни населения или трудообеспеченность.

В-третьих, с позиций управления миграцией значение имеют не факторы уровня жизни, трудообеспеченность в их абсолютном выражении, а территориальные различия между ними.

Причины миграции выясняются при проведении либо специальных социологических опросов, либо при проведении переписей (микрореперисей) населения путем включения вопросов о территориальном движении населения. С помощью них делается попытка установить причины перемещения. Такой подход далек от попыток делать выводы относительно причин миграции на основе данных о различиях в миграции или на основе сопоставимых характеристик районов происхождения и принимающих районов.

Основные проблемы измерения причин миграций заключаются в следующем: в выборе значимых совокупностей при проведении обследования и подсовокупностей для расчета зависимостей; в выборе разумного числа заранее определенных взаимоисключающих друг друга и исчерпывающих причин; в выборе целесообразных с точки зрения анализа группировок причин.

Причина миграции выступает как особая форма отношений между объективными факторами и субъективными характеристиками, в частности потребностями. В контексте поведения факторы выступают как объективное явление, а причины – объективно-субъективное явление. Именно потому, что причина носит объективно-субъективный характер, она может не сопровождаться действием, несмотря на достижение необходимой остроты противоречия между факторами и потребностями. Это связано с действием социальных норм (подробнее смотри: [2]).

Миграционные процессы в Республике Коми: социологический анализ

Вселение мигрантов в новый для них район связано с целым рядом демографических, социальных и экономических изменений. Мигранты становятся жителями района вселения, участвуют в воспроизводстве его населения, в освоении природных ресурсов, в развитии экономики и т.д. Мигранты прибывают в новый для них район, обладая опытом и знаниями, приобретенными в районах выхода, имея разветвленные родственные и имущественные связи и др. В новом районе все это или многое из этого надо приобретать. Поэтому для того, чтобы повысить приживаемость новоселов и добиться лучших миграционных результатов, необходимо знать причины, по которым население приезжает конкретно в данный район, а именно в республику и каждый город в отдельности [4, с. 248-256].

Для мигрантов, приезжающих в Республику Коми, на первом месте стоит материальный мотив, но особенно он значим для тех, кто едет в Усинск – 43,9% и Ухту – 28,1%. Считают возможным найти работу себе и другим членам семьи те, кто приезжает в Ухту – 15,7% и Усинск – 14,0%. Образование является важным мотивом при выборе места жительства, так считает 16,2%, приехавших в Сыктывкар, 15,0% – в Печору и 13,0% – в Ухту. Среди приехавших в Ухту (15,1%) и Воркуту (14,3%) выделили и такую причину, как «в связи с замужеством, женитьбой, разводом». Не столь значима, но имеет место причина возвращения на родину, в Сыктывкар – 7,5% и в Воркуту – 5,2%. Интересен факт, что и в предполяный Усинск возвращаются «по со-

стоянию здоровья» 0,9% респондентов; приезжающие в Воркуту и Печору эту причину не называют (табл. 3.1).

Таблица 3.1

Распределение ответов на вопрос: «Почему местом жительства Вы выбрали этот населенный пункт?», %

Причины приезда	В целом по выборке	В том числе				
		Сыктыв-кар	Ухта	Воркута	Усинск	Печора
Рассчитывали повысить заработок	26,6	20,2	28,1	22,1	43,9	25,0
Надеялись найти работу себе или членам семьи	12,3	12,6	15,7	7,8	14,0	2,5
Учиться, дать образование детям	12,0	16,2	13,0	7,8	3,5	15,0
В связи с замужеством, женитьбой, разводом	11,3	10,7	15,1	14,3	7,0	10,0
Улучшить жилищные условия	7,2	7,9	5,5	1,3	11,4	10,0
По направлению	7,1	6,3	6,2	13,0	7,0	5,0
Вернулись на родину	4,9	7,5	4,1	5,2	0,9	2,5
По состоянию здоровья	1,0	1,6	0,7	0,0	0,9	0,0
Другие причины переезда	17,6	17,0	11,6	28,5	15,8	30,0

Цель миграционной политики относительно Республики Коми заключается в том, чтобы сделать Республику Коми привлекательной для жителей регионов России, а также в повышении приживаемости населения, приехавшего сюда жить и работать. Поясним, что приживаемость – это явление, характеризующее переход новосела в состав старожилов и, стало быть, постоянного населения района вселения. Это не только процесс приспособления человека к новым условиям жизни, но и приспособление условий жизни к потребностям человека.

Приехав на новое место жительства, мигранты проходят сложный период адаптации, одни, успешно его пройдя, переходят в состав старожилов, другие, наоборот, начинают вновь думать о смене места жительства и поиска лучшей доли. Хорошо известно, что если человек не смог реализовать то, зачем он приехал в тот или иной регион, то он потенциальный мигрант и при благоприятных обстоятельствах непременно осуществит свое желание.

Материалы опроса показали, что жители городов имеют высокий настрой на отъезд из республики. Достаточно сказать, что почти половина опрошенных респондентов (45,5%) ответили утвердительно «да, хотели бы уехать» (табл. 3.2).

Таблица 3.2

Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из населенного пункта, где живете?», %

Установка на отъезд	В целом по выборке	В том числе				
		Сыктывкар	Ухта	Воркута	Усинск	Печора
Нет, не хотели бы	35,6	47,9	34,2	17,8	14,0	36,8
Да, хотели бы	45,5	33,6	48,1	64,4	64,9	40,0
Не знают	18,9	18,5	17,7	17,8	21,1	23,2

Из ответов респондентов видно, что выше доля желающих уехать среди жителей приполярного Усинска – 64,9% и заполярной Воркуты – 64,4%, где самые экстремальные природно-климатические условия; по мере продвижения на «юг» республики эти настроения плавно переходят в желание остаться здесь жить и работать дальше. Многочисленные исследования последних лет подтверждают положение о том, что жителям Крайнего Севера не рекомендуется менять климатические условия проживания кардинальным образом. Специалисты, близкие к проблемам населения, трудовых ресурсов и переселению, считают, что жителям Воркуты и Усинска предпочтительнее переехать либо в Ухту, либо в Сыктывкар, а ухтинцам в Сыктывкар, то есть жители высоких широт не должны резко менять климат, это вредно для их здоровья. Хотя практика и опрос показали другое – большая часть респондентов стремится уехать за пределы республики.

Есть существенные различия в установках на перемену места жительства между местным населением и мигрантами. Среди местных уроженцев доля желающих уехать составляет 41,7%, а среди пришлого населения – 49,1%. Еще больше разница в доле желающих остаться в месте постоянного жительства: у местных она составляет 41,3%, у пришлых – 29,7%. В то же время можно отметить такую особенность: среди решивших уехать в ближайшие два года доля местных уроженцев составляет 7,6%, в то время как у пришлых всего 2,9%. В течение ближайших пяти лет соответственно 22,3 и 19,9%; в течение 5–10 лет соот-

ветственно 14,4 и 18,6%. Из этого следует, что местные уроженцы настроены более решительно осуществить свои миграционные намерения.

Между периодом проживания мигрантов и их установками на отъезд также просматривается определенная закономерность. Доля желающих остаться максимальная среди проживших на новом месте два года – 40,0% и минимальная среди проживших 6–9 лет – 20,3%; затем она вновь увеличивается до 35,9% среди проживших более 20 лет. Установка на отъезд максимальная у респондентов, проживших от 2 до 19 лет, она колеблется от 52,0 до 57,8%. Наибольшая доля респондентов, принявших решение о смене места жительства, которые намерены осуществить это в ближайшие пять лет, те, кто прожил менее двух лет, – 50,0%.

Решив сменить место жительства, большинство жителей городов намерено переехать за пределы республики – 86,5% (в т.ч. в регионы России – 74,2%; в страны СНГ – 12,3%). Внутри республики чаще, чем жители других городов, будут совершать миграции сыктывкарцы. По интенсивности внутренних миграций им уступают жители Воркуты и Печоры, Ухты и Усинска (табл. 3.3).

Таблица 3.3

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы решили уехать, то, что было бы для Вас предпочтительнее?», %

Хотели бы переехать	В целом по выборке	В том числе				
		Сыктывкар	Ухта	Воркута	Усинск	Печора
В города или поселки городского типа Республики Коми	8,5	9,1	6,5	12,5	4,2	10,7
В сельскую местность Республики Коми	5,0	9,1	3,9	0,9	4,2	1,8
В города или поселки городского типа других областей России	69,5	60,8	68,6	72,3	78,1	85,7
В сельскую местность других областей России	4,7	4,1	5,2	3,6	8,3	1,8
В города или поселки городского типа стран СНГ	9,6	15,5	7,9	8,9	5,2	0,0
В сельскую местность стран СНГ	2,7	1,4	7,9	1,8	0,0	0,0

Выше мы уже отмечали, что мощным выталкивающим фактором является положение дел, при котором мигранты, приехав на новое место жительства, не смогли реализовать свои потребности. Следовательно, оправданно оценить степень реализации потребностей мигрантов на новом месте жительства и работе, применив несложный методический прием – сравнив ранг значимости причин приезда и отъезда.

Среди причин приезда на первом месте стоял материальный мотив (26,6%), среди причин отъезда он стоит на 4-м месте – 8,1%, т. е. значимость уменьшилась в три раза. Поиск работы стоял на 2-м месте (12,3%), у потенциальных мигрантов он стоит на 6-м месте (5,5%) – двойное уменьшение. В-третьих, респонденты хотели решить проблемы образования (своего или детей) (12,0%), в причинах отъезда они стоят на 5-м месте (5,7%), также двойное уменьшение.

В целом можно заключить, что респонденты в основном реализуют свои притязания. Поэтому не случайно ранг значимости причин отъезда иной, чем у причин приезда.

Действительно, чтобы население мигрировало из районов выхода, нужны достаточно сильные противоречия между потребностями населения и теми условиями, в которых оно живет, т.е. противоречие определенной остроты. Более того, нужны определенные психологические усилия, чтобы рискнуть мигрировать из привычного района, особенно если мигрант его уроженец, в малознакомую местность.

Противоречие возникает либо в том случае, когда базовые потребности личности возвышаются в результате дальнейшей социализации, например получения образования в населенном пункте более высокого ранга, либо когда ухудшаются условия жизни, например, вследствие житейских катастроф. Однако устранить противоречие и удовлетворить эти потребности можно и без миграции, в рамках того населенного пункта, где проживает индивид. Большая часть населения так и поступает. Имеется какая-то часть населения, которая, не имея возможностей удовлетворить свои потребности на месте, тем не менее и не мигрирует, потому что миграционное поведение – это поведение, предполагающее чрезвычайные условия, чрезвычайную деятельность, редкую в общем контексте жизнедеятельности населения. Переезд остается событием

исключительным, требующим особых обстоятельств, а миграция – лишь один, специфический способ удовлетворения потребностей.

Следовательно, чтобы новоселы прижились на новом месте, а местное население не мигрировало, необходимо создавать условия, при которых их потребности будут удовлетворены. То есть необходимо воздействие общества на миграционные процессы.

Для принятия управленческих решений на уровне региона или отдельного хозяйствующего субъекта в исследовании были изучены причины, по которым население республики собирается мигрировать за ее пределы или внутри республики (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Распределение ответов на вопрос: «Какие причины заставляют Вас думать об отъезде?», %

Причины отъезда	В целом по выборке	В том числе				
		Сыктыв-кар	Ухта	Воркута	Усинск	Печора
1	2	3	4	5	6	7
Желание сменить климат, место жительства, север на юг или среднюю полосу	46,9	39,6	54,0	54,1	65,8	44,0
Желание вернуться на родину, к родителям, родственникам	12,4	12,0	14,6	11,0	14,9	14,7
У населенного пункта, в котором проживают, нет будущего, так как не развивается производство	10,3	10,2	6,5	18,5	7,9	13,4
Нет возможности материально обеспечить семью	8,1	10,2	6,5	9,6	8,8	5,3
Нет возможности дать образование детям и найти им работу по месту жительства	5,7	6,8	4,9	6,8	5,3	5,3
Угроза потери работы и отсутствие возможности трудоустроиться	5,5	7,9	3,8	5,5	5,3	4,0
По семейным обстоятельствам (развод, брак, нет возможности создать семью и т.д.)	4,7	4,8	5,4	4,1	5,3	5,3
По состоянию здоровья	4,2	5,1	3,2	2,7	5,3	6,7
Другие причины	2,2	3,4	1,1	3,4	0,9	1,3

На первом месте в причинах отъезда стоит желание населения сменить место жительства: север на юг. Это желание особенно ярко выражено у жителей Крайнего Севера: в Усинске – 65,8%, в Воркуте – 54,1% и в Ухте – 54,0%. Желание вернуться на родину, к родителям, родственникам имеет большее значение для жителей Усинска – 14,9%, Печоры – 14,7% и Ухты – 14,6%. И еще одна причина заслуживает рассмотрения, когда респонденты отмечают, что у населенного пункта, где они проживают, нет будущего, так как не развивается производство. Здесь выделяются два города: Воркута – 18,5% и Печора – 13,4%.

Довольно часто, когда вопрос задается непосредственно респонденту о его планах, то может возникнуть «соблазн» дать не совсем верный ответ. Поэтому в социологии есть такой прием – использование косвенных вопросов. Косвенный вопрос ставится в случае, если затронуты проблемы, по которым опрашиваемые не склонны высказываться откровенно. Такие вопросы называют «сенситивными» (чувствительными). Способы перевода из прямой в косвенную форму зависят от содержания темы. Наиболее распространенный способ замены прямых вопросов косвенными – перевод из личной формы в безличную.

Этот прием был использован при выяснении миграционных установок не у респондентов непосредственно, а косвенно, в плане территориальной мобильности относительно их коллег по работе или знакомых. В анкете респондентам был задан косвенный вопрос: «Знаете ли Вы, где бы хотели жить в ближайшем будущем большинство ваших коллег и знакомых?». Ответы на этот вопрос представлены в табл. 3.5.

Таблица 3.5

Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли Вы, где бы хотели жить в ближайшем будущем большинство ваших коллег и знакомых?», %

Миграционные установки	В целом по выборке	В том числе				
		Сыктыв-кар	Ухта	Воркута	Усинск	Печора
1	2	3	4	5	6	7
Хотели бы жить здесь постоянно	21,3	36,4	12,2	8,4	5,4	13,0
Некоторое время проживут здесь, а потом уедут	31,3	22,1	33,2	42,6	45,1	35,9

Окончание табл. 3.5

1	2	3	4	5	6	7
Собираются уехать отсюда в ближайшее время	10,2	8,1	10,5	14,7	15,3	5,4
Затруднились ответить	37,2	33,4	44,1	34,3	34,2	45,7

Из данных таблицы 3.5 следует, что выше, чем в среднем по выборке, доля респондентов, желающих и дальше жить в населенном пункте, где они живут сегодня, жителей Сыктывкара – 36,4%. Ниже всего доля желающих остаться жить постоянно в месте своего пребывания: в Усинске – 5,4% и в Воркуте – 8,4%. В этих же городах выше среднего доля тех, кто некоторое время поживет, а потом уедут: в Усинске – 45,1% и в Воркуте – 42,6%. К этим же городам относится установка их жителей уехать в ближайшее время: в Усинске – 15,3% и в Воркуте – 14,7%.

Результаты опроса экспертов – 2013 год

Для целей количественного формирования трудового потенциала региона необходимо привлечение граждан на работу в северные районы из других регионов страны. Для повышения эффективности этого процесса должна быть создана система экономических и социальных стимулов, которые бы сделали работу на Севере привлекательной и оправданной и в полной мере обеспечивали компенсацию материальных и моральных потерь, вызванных экстремальными природно-климатическими условиями Севера, более низким, чем во многих других регионах страны, качеством жизни, повышенными затратами, обусловленными проживанием в северных районах. Данные социологических исследований, проведенных в северных регионах в последние годы, фиксируют зависимость выбора места проживания от качества социально-экономических условий жизни; также должны быть созданы механизмы стимулирования и одновременно повышения ответственности работодателей в вопросах привлечения работников в северные регионы и их социальной поддержки.

Основные результаты опроса экспертов, проведенного в Республике Коми в 2013 г. Всего опрошено 177 экспертов. В выборке представлены четыре из десяти городов республики, доля каждого соста-

вила (%): Сыктывкар – 36,8; Усинск – 19,9; Ухта – 13,1; Воркута – 8,0. Сельские районы представлены экспертами из Сыктывдинского, Ижемского и Усть-Цилемского муниципалитетов – 22,2%. В численности населения доля жителей этих городов и сельских районов составляет 64,2% от всего населения республики (2013 г.).

На мужчин приходится 44,9%, на женщин – 55,1%. По возрасту респонденты распределились следующим образом (%): до 24 лет – 2,3; 25–29 лет – 14,1; 30–34 года – 16,4; 35–39 лет – 18,6; 40–44 года – 15,8; 45–49 лет – 10,2; 50–54 года – 8,5; 55–59 лет – 6,8; 60 лет и старше – 7,3. Средний (медианный) возраст респондентов составляет 41,4 года.

По национальности среди респондентов преобладают русские – 55,9%; затем следуют коми – 25,4%; украинцы – 8,5%; татары – 2,3%; белорусы – 1,7%; азербайджанцы – 1,7%; немцы – 1,1%; представители других национальностей – 3,4%. Для сравнения приведем данные переписи населения 2010 г. по Республике Коми (%): по национальности среди населения преобладают русские – 65,1; затем следуют коми – 23,7; украинцы – 4,2; татары – 1,3; белорусы – 1,0; немцы – 0,6; азербайджанцы – 0,6; представители других национальностей – 3,5.

Материалы опроса показали, что среди экспертов большинство имеют экономическое образование – 34,5%; техническое образование – 28,2%; значительна доля лиц, обладающих педагогическим образованием – 15,3%; а также юридическим образованием – 14,7%.

Распределение экспертов по занимаемым должностям представлено следующим образом: руководители структурных подразделений – 27,3%; затем идут ведущие специалисты – 25,0%; директора/руководители организаций – 14,2%; заместители директоров/руководителей – 13,6%; заместители руководителей структурных подразделений – 9,1%; занимают другие должности – 9,8%.

По статусу эксперты распределились так (%): работодатели – 51,7; госслужащие – 14,2; ученые и педагоги – 9,7; общественники – 4,5 ; имели иной статус – 19,9.

Среди экспертов 47,5% являются местными уроженцами, а 52,5% не являются уроженцами данного населенного пункта. По месту исхода большая часть экспертов прибыла в нынешнее место жительства

из областей России – 36,5%; из бывших республик СССР (СНГ) – 32,3%; из населённых пунктов Республики Коми – 31,2%.

Проживающие в данном населенном пункте не с рождения распределены следующим образом: проживают более 20 лет – 69,4% экспертов; проживают 10–19 лет – 21,5%; проживают менее 10 лет – 9,0%.

Влияние миграции на социально-экономические процессы в Республике Коми. Учитывая тот факт, что сегодня и в обозримом будущем миграции станут неотъемлемой частью жизнедеятельности населения республики, в т.ч. формирования трудового потенциала, экспертам был задан вопрос: «Считаете ли Вы, что миграционные процессы создают или создадут в будущем сложную социально-экономическую ситуацию?». Ответы распределились следующим образом: да, создадут в отдельных муниципалитетах – 31,7%; нет, не создадут – 29,9%; да, создадут в целом по республике – 28,8%; затруднились ответить – 9,6%.

Программой исследования было предусмотрено выяснить, какие трудности создадут или уже создали мигранты при въезде и выезде из республики. Так, уточняя полученные ответы на предыдущий вопрос, у экспертов спросили: «Если будут создаваться трудности, то в чем конкретно это может выразиться при въезде в республику?». На данный вопрос были получены следующие ответы: повышается уровень преступности – 41,8%; растет уровень безработицы – 33,3%; увеличивается нагрузка на социальную инфраструктуру – 28,8%; ломается привычный образ жизни у местного населения – 25,4%; снижается общий уровень культуры населения – 23,2%; возникает этническая нестабильность – 20,3%; ухудшаются условия рынка жилья – 16,4%; возрастет экологическая нагрузка на регион – 5,6%; другое – 4,0%.

Также были получены ответы на вопрос: «Если будут создаваться трудности, то в чем конкретно это может выразиться при выезде из республики?». Эксперты ответили следующим образом: ухудшится трудовой потенциал (по образованию, возрасту, полу) – 41,2%; вызовет потери населения и его трудоспособной части – 40,7%; изменится этническая структура в худшую сторону – 13,6%; изменится этническая структура в лучшую сторону – 10,7%; улучшится возрастная структура населения – выедут пенсионеры – 5,6%; другое – 1,7%.

В настоящее время нет однозначной оценки роли миграции для республики, его населения. В связи с чем экспертов спросили: «Как вы считаете, являются ли мигранты конкурентами местному населению на рынке труда?». По мнению экспертов: да, являются конкурентами, но лишь в отдельных отраслях – 57,7%; да, практически во всех отраслях – 22,0%; нет, не являются конкурентами – 20,3%. Как видим, мигранты составляют серьезную конкуренцию местному населению на региональном рынке труда.

У экспертов уточнили: «Если “допустить, что являются”, то ответьте почему?»: мигранты готовы трудиться за меньшую оплату труда – 72,9%; мигранты готовы трудиться на непрестижном месте работы – 46,3%; мигранты стараются держаться за место работы – 27,1%; мигранты менее требовательны к социальной сфере – 24,9%; мигранты более активно ищут работу – 15,3%; мигранты более дисциплинированы – 11,3%; мигранты стремятся сделать карьеру на новом месте жительства – 10,2%; мигранты более квалифицированные работники, чем местное население, – 7,3%; другое – 0,6%.

В ходе опроса экспертов ставилась задача выяснить: «Почему работодатели привлекают мигрантов для работы в республике?». На данный вопрос были получены следующие ответы: мигрантам можно платить меньше – 69,5%; работодателям можно не заботиться о соблюдении прав мигрантов – 31,6%; среди местного населения нет достаточного числа необходимых работников – 26,0%; мигранты всегда приезжали сюда работать – 24,3%; квалификация мигрантов для такой работы выше, чем у местных жителей, – 12,4%; республика активно развивается, поэтому здесь нужны рабочие руки – 10,2%; другое – 1,7%.

Самочувствие мигрантов в Республике Коми. Следует отметить, что программа исследования включала блок вопросов, выясняющих, как чувствуют себя мигранты на новом месте жительства и с какими проблемами они сталкиваются, интегрируясь в новое сообщество. На поставленные вопросы получены следующие ответы. Распределение ответов на вопрос: «Как, на Ваш взгляд, ощущают себя мигранты, проживая в республике?»: ощущают временно проживающими, готовыми уехать в любой момент – 51,5%; ощущают себя посторонними

по отношению к местным жителям – 23,1%; ощущают себя своими, как и местные жители, – 22,5%; другое суждение – 2,9%. И распределение ответов на вопрос: «Укажите, какие проблемы испытывают мигранты в Республике Коми наиболее остро?»: проблемы, связанные с оформлением документов на работу, – 48,0%; проблемы, связанные с условиями быта, – 42,9%; проблемы, связанные с правами и социальными гарантиями, – 36,2%; проблемы, связанные с оплатой труда – 21,5%; проблемы, связанные с отсутствием семьи, – 20,3%; проблемы, связанные с отношением к мигрантам местных жителей, – 20,3%; проблемы, связанные с условиями работы, – 19,8%; другое – 1,1%.

Оценка результативности и перспектив миграции в Республике Коми. Для оценки результативности миграционных процессов экспертам был задан ряд вопросов. Например: «Что на взгляд экспертов наиболее существенно влияет на состояние миграционной обстановки в республике?». Ответы выглядят так: миграция граждан нового зарубежья (стран СНГ) – 52,6%; миграция между республикой и регионами России – 31,6%; миграция граждан старого зарубежья – 15,8%.

Было уточнено: «Какие категории мигрантов наиболее благоприятно повлияют на социально-экономическое развитие республики?». По мнению экспертов благоприятно повлияют на социально-экономическое развитие республики специалисты высшей квалификации – 76,3%; мигранты-россияне – 28,2%; бывшие «северяне» – 19,2%; мигранты внутри республики – 16,9%; мигранты предприниматели – 11,3%; вахтовые рабочие – 5,6%; иностранные рабочие – 5,6%; вынужденные переселенцы – 2,3%; другие – 0,6%.

Экспертам был задан вопрос: «Как Вы считаете, какой результат миграционного баланса должен быть в республике?». Ответы выглядят так: примерно одинаково приезжать и уезжать – 68,4%; в республику должны больше приезжать, чем уезжать, – 26,0%; из республики должны больше уезжать, чем приезжать, – 5,6%. То есть эксперты больше склонны считать, что республика должна больше получать мигрантов, чем отдавать и это вполне экономически обоснованно.

Представляют интерес ответы на вопрос: «Сколько мигрантов хотели бы остаться в республике?». По мнению экспертов, хотели бы остаться: меньшинство – 32,3%; большинство – 31,2%; примерно по-

ловина – 24,3%; почти все – 8,7%; почти никто – 3,5%. Текущая статистика и материалы Всероссийской переписи населения 2010 г. показывают, что представителей Средней Азии и Закавказья в республике стало меньше.

Причины миграционной подвижности. Распределение ответов на вопрос: «Какие причины могут лежать в основе миграции в республику?»: приезжают подзаработать на время (на сезон, на вахту и т.д.) – 71,2%; приезжают работать на постоянной основе – 49,2%; приезжают по семейным обстоятельствам – 19,2%; приезжают на учебу – 11,9%; приезжают из-за межнациональных конфликтов – 10,2%; приезжают из-за правовой дискриминации – 2,3%; приезжают из-за экологической катастрофы – 3,4%.

Распределение ответов на вопрос: «Какие причины могут лежать в основе миграции из республики?»: уезжают учиться, больше возможностей и качественнее образование – 65,0%; у населенного пункта, в котором проживают, нет будущего, так как не развивается производство, сложно найти работу, есть угроза ее потери – 49,2%; уезжают из-за климата – 49,2%; уезжают по состоянию здоровья – 27,7%; желание вернуться на родину, к родителям, родственникам – 23,7%; нет возможности материально обеспечить семью – 19,2%; уезжают по семейным обстоятельствам (развод, брак, нет возможности создать семью) – 17,5%; уезжают из-за этнического дискомфорта – 0,6%; другое – 1,7%.

Рекомендации экспертов. 1. Для закрепления мигрантов в Республике Коми необходимо создавать новые рабочие места с достойной заработной платой. 2. Проводить политику на рынке труда, направленную на «сглаживание» дискриминации в оплате труда, в карьерном росте/служебном продвижении, при приеме/увольнении с работы. 3. Проводить активную политику на рынке труда по защите социально-экономических интересов коренного и старожильского населения. 4. Совершенствовать сеть образовательных учреждений, позволяющую удовлетворить основные потребности выпускников школ в получении профессионального образования. 5. Через национально-культурные автономии, средства массовой информации, иные возможности проводить работу на скорейшую интеграцию мигрантов в

местные сообщества, а местное население – к положительному восприятию пришлого населения.

Выводы и предложения

Для привлечения граждан на работу в северные районы из других регионов страны должна быть создана система экономических и социальных стимулов, которые бы сделали работу на Севере привлекательной и оправданной и в полной мере обеспечивали компенсацию материальных и моральных потерь, вызванных экстремальными природно-климатическими условиями Севера, более низким, чем во многих других регионах страны, качеством жизни, повышенными затратами, обусловленными проживанием в северных районах. Также должны быть созданы механизмы стимулирования и одновременно повышения ответственности работодателей в вопросах привлечения работников в северные регионы и их социальной поддержки. Такая государственная политика стимулирования граждан, привлекаемых на работу в северные районы, должна строиться по следующим основным направлениям:

1. Решение задачи повышения качества жизни как основного условия привлечения и закрепления трудоспособного населения – за счет комплексного развития территорий, особенно депрессивных и вновь осваиваемых районов. Обязательным условием хозяйственной деятельности на таких территориях должно быть развитие социальной и производственной инфраструктуры – транспорта, дорог, энергетики, связи, строительства жилья, объектов здравоохранения, образования и т.п. Большое значение необходимо уделять развитию малого предпринимательства, в том числе в целях создания рабочих мест для членов семей привлекаемых специалистов. Перспективным направлением реализации комплексного подхода к развитию территорий является создание территориальных и производственных кластеров.

2. Необходимо создать механизмы материального стимулирования для привлекаемых на Север граждан, которые могут включать в себя:

- дополнительные денежные вознаграждения или процентные надбавки, особенно в первоначальный период адаптации к северным условиям;

- сокращение стажа, учитываемого при выплате процентной надбавки к заработной плате;
- дополнительные льготы по уплате налога на доходы физических лиц и налога на имущество физических лиц;
- ежегодная оплата проезда в отпускной период до прежнего места жительства и обратно;
- увеличение продолжительности дополнительного отпуска и др.

Система дополнительного материального стимулирования должна быть внедрена не только за счет фонда оплаты труда, поскольку это подорвет конкурентоспособность экономики Севера, но и за счет бюджетных источников.

3. В целях решения жилищной проблемы для граждан, привлекаемых на работу в северные районы, должны быть созданы особые льготные системы ипотечного кредитования, долгосрочного кредитования молодых семей и других видов жилищного кредитования, в том числе со снижением платы за ипотечный кредит по мере роста стажа работы в северных районах.

4. Необходимо ускорить процесс переселения из северных территорий неработающих граждан с передачей освобождаемого ими жилья привлекаемым на работу гражданам. Для этого должен быть выработан комплекс мер, включающий в себя, помимо действующего механизма предоставления жилищных субсидий, предоставление жилья по найму с гарантированной оплатой государством его содержания и жилищно-коммунальных услуг, строительство жилья за счет кооперации средств бюджетов всех уровней и частных инвесторов, заинтересованных в привлечении трудовых ресурсов, и др.

5. Должна быть внедрена, особенно в регионах России с избыточной рабочей силой и крупных учебных центрах, система набора и подготовки за счет бюджетных средств и средств частного бизнеса высококвалифицированных рабочих кадров и специалистов с высшим и средним специальным образованием с обязательной отработкой в северных районах установленного в договоре срока.

6. Учитывая воздействие на здоровье человека, приезжающего из других регионов страны, экстремальных природно-климатических условий Севера, наличие специфических «северных» заболеваний,

должны быть предусмотрены обязательная регулярная диспансеризация, дополнительное медицинское обслуживание и консультации. В связи с этим необходимо разработать и внедрить систему государственного страхования здоровья граждан, привлекаемых на работу в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, и членов их семей.

Завершая анализ опроса экспертов, еще раз отметим, что реализация предлагаемых мер возможна только на основе объединения усилий государства и частного бизнеса и четкого разделения полномочий и ответственности между Правительством Российской Федерации, региональными властями и хозяйствующими субъектами.

Государственное регулирование миграционных процессов

В современный период многие методы государственного управления миграционными процессами советского периода в известной степени дискредитированы. Это послужило основанием достаточно распространенной либеральной точки зрения, что государство должно устраниться от управления миграционными процессами. С ней согласиться нельзя по причинам наличия многих острых проблем, связанных с миграцией, отсутствия естественных регуляторов миграции и необходимых условий для свободного перемещения населения как в пределах России, так и за ее пределами.

В связи с этим существует настоятельная потребность в выработке новых форм и методов управления (регулирования) миграции населения исходя из реалий современной российской действительности и использования богатого исторического опыта.

Миграционные процессы как особый объект управления имеют ряд специфических особенностей.

1. Прежде всего, миграция населения – очень чуткий социально-демографический процесс, мгновенно реагирующий на изменение различных факторов. При управлении миграцией, в отличие от управления многими иными социальными процессами, эффект управленческих воздействий, равно как и эффект действия факторов, затрудняющих их осуществление, достигается за очень короткий промежуток времени. Чтобы достичь должного эффекта, необходим оператив-

ный мониторинг состояния управляемой системы, большую важность имеет информационное обеспечение процесса управления.

2. Несмотря на то что миграциям всегда был присущ высокий элемент стихийности, они поддаются регулированию. Однако государственное управление миграцией не может и не должно охватывать все виды миграционных перемещений населения по территории страны, а только наиболее «проблемные» миграционные процессы. Критерий проблемности должен стать краеугольным камнем миграционной политики в силу объективных ограничений возможностей к ее осуществлению.

3. При управлении миграцией необходимо использовать (или создавать) территориальную дифференциацию «уровней жизнеощущения» в широком понимании комплекса социально-экономических условий жизни людей (Дальний, Средний и Ближний Север).

4. Управление миграцией не может осуществляться только в рамках социально-экономической или расселенческой, или демографической политики. Оно синтезирует в себе их элементы, равно как и само является важным компонентом в комплексе проводимых ими мер.

5. Управление миграцией населения может состоять из следующего комплекса воздействий: формирования миграционных установок населения; определения оптимальных масштабов, направлений миграции, формирования переселенческих контингентов; содействия процессу адаптации населения.

6. Миграционные процессы тесно связаны с потоками информации, прежде всего о местах вселения и средствах их достижения, не случайно любая из моделей миграции увязывает направления миграционных потоков с путями распространения информации. Поэтому важна информационная поддержка принятия управленческих решений, направленная на объект управления.

7. Наконец, нельзя не учитывать, что государство имеет определенные обязательства при управлении миграционными процессами, особенно в сфере внутренней социально-экономической миграции, это прежде всего относится к северным регионам.

В зависимости от целей, средств и ресурсов, имеющихся у государства для управления миграционными процессами, оно задействует определенную систему мер регулирования миграции населения. При-

менительно к управлению миграционными процессами в нашем недавнем прошлом эти меры можно подразделить на административно-организационные и экономические.

Под государственной миграционной политикой понимается научно обоснованная идеология действий государственных органов власти, исходящая из понимания миграции населения как сложного социально-экономического процесса и концептуально объединяющая механизмы регулирования миграционных процессов. Под регулированием (управлением) миграцией понимается комплекс мер по стимулированию или ограничению перемещений людей в объемах и направлениях, отвечающих текущим и перспективным потребностям страны и обеспечивающих реализацию прав мигрантов.

При разработке государственной или региональной миграционной политики нужно в первую очередь провести определенную «инвентаризацию» территорий, которая дала бы точное представление о возможностях использования миграции населения как механизма позитивного воздействия на социально-экономическую жизнь того или иного региона (муниципального образования). В самое ближайшее время следует:

- определить перспективы развития экономики, в том числе региональных (локальных) рынков труда, перспективную потребность в рабочей силе и степень ее удовлетворения за счет собственных ресурсов;
- уточнить перечень населенных пунктов, подлежащих ликвидации в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях;
- уточнить перечень территорий, неблагоприятных для проживания по экологическим условиям.

Миграционная политика должна решать проблему перспективного (ближайшие 5–10 лет) сокращения трудовых ресурсов и увеличения доли лиц в пенсионном и старшем трудоспособном возрасте. Необходимо уже сейчас продумывать конкретные механизмы реализации иммиграционной политики, направленной на содействие привлечению в северные регионы необходимых трудовых ресурсов.

Миграционная политика может строиться от общих целей, принципов и направлений к частным, которые впоследствии преломляются на конкретных территориях, т.е. по принципу – от общего к частному.

Основными сквозными направлениями государственной миграционной политики должны являться:

- создание условий для свободного межтерриториального перераспределения населения и трудовых ресурсов (обеспечение территориальной мобильности населения);
- проведение продуманной селективной иммиграционной политики, основанной на необходимости привлечения в регион иммигрантов в установленных масштабах и определенного качества на легальной основе;
- содействие в адаптации переселенцев на новом месте жительства, включая социальную поддержку вынужденных мигрантов;
- осуществление иммиграционного контроля и противодействие незаконной миграции, носящей околोकриминальный характер.

Для Республики Коми (имеется в виду Крайний Север) приоритетной задачей миграционной политики является содействие переселению населения, высвобождаемого с предприятий, в новых условиях оказавшихся неконкурентоспособными, и содействие привлечению необходимых трудовых ресурсов на эффективно функционирующие предприятия.

Приоритетные направления миграционной политики заключаются в реструктуризации системы расселения и поселений, создании нового опорного каркаса расселения с учетом перспектив развития экономики республики; содействии переселению пенсионеров, содействии переселению населения, проживающего в населенных пунктах, подлежащих ликвидации, развитию ротационной системы формирования трудовых ресурсов, а также вахтового метода ведения работ.

Также можно отметить, что воздействие общества на миграционные процессы, представляющие собой совокупности территориально локализованных и совершающихся в определенное время миграционных актов, может осуществляться с помощью следующих регуляторов миграционного поведения.

Первым наиболее гибким регулятором является изменение территориальных и поселенных различий в уровнях объективных компонентов условий жизни, удовлетворяющих различные, прежде всего базовые, потребности людей. Это изменение может являться объектом государственного планирования и служить дополнением балан-

совых разработок территориального перераспределения населения. Различия в условиях жизни и ситуативно влияют на миграцию как объективные факторы и воздействуют постепенно на потребности и ценностные ориентации, т.е. имеют перспективную направленность.

Другим направлением регуляции поведения является воздействие на потребности и ценностные ориентации потенциальных мигрантов, т.е. объектов управления. В этом отношении должны быть выделены три разных уровня воздействия на миграционное поведение. На индивидуальном уровне, бесспорно, должны учитываться психические и иные особенности субъектов, надо вести соответствующий подбор переселенцев. На групповом уровне важным регулятором могут служить социальные нормы, в частности, направленные на нейтрализацию обычаев, традиций, мешающих реализации общественно необходимого миграционного поведения. Наконец, на массовом уровне, т.е. по отношению к населению в целом, речь должна идти о таких воспитательных мерах, с помощью которых личность воспринимала бы ценностные ориентации, равнозначные долгу перед Родиной. Примером могут служить поездки на целину, на строительство БАМа и т.д. Это по сути – реализация определенных ценностных ориентаций высокой социальной значимости (подробнее смотри: [1, с. 9–15, 19, 22–27]).

Что необходимо сделать в ближайшее время научной общественности и практике? Предложить и обосновать законодательные инициативы, перечень экономических стимулов и социальных гарантий, направленных на привлечение молодежи в Республику Коми, во вновь осваиваемые районы Севера и Арктики. Разработать эффективный механизм финансирования мероприятий, связанных с решением демографических и миграционных проблем Российского Севера. Предложить уровни ответственности и размер финансирования (софинансирования) демографических и миграционных мероприятий по сохранению молодежного контингента северных территорий.

1. Регент Т.М. Проблемы государственного управления миграционными процессами России : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – М.: ИСПИ РАН, 2001. – 45 с.
2. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. – М.: Наука, 1987. – 200 с.
3. Фаузер В.В. Социальный менеджмент: вопросы теории : учеб. пособие. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 2004. – 216 с.
4. Фаузер В.В., Фаузер Г.Н., Назарова И.Г., Коршунов Г.В. Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение / отв. редактор д.э.н., проф. В.В. Фаузер. – М.: Экон-информ, 2012. – 311 с. (Б-ка демографа; вып. 15).

ГЛАВА 4

ОЦЕНКА РОЛИ МИГРАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ*

Введение

Из всех социально-демографических процессов, на наш взгляд, миграция представляет наибольший интерес, она является объектом исследований широкого круга ученых. Как социально-экономическое явление, как процесс она многогранна и требует к себе самого пристального внимания: со стороны ученых, со стороны государственных служащих и топ-менеджеров крупных, градообразующих организаций.

Рассматривая миграцию в пространственном измерении относительно российских регионов, можно выделить два её аспекта или две проблемы. Одна касается территорий исхода мигрантов, другая – принимающих сообществ. Важной проблемой для территорий исхода является вопрос – способствуют или препятствуют миграции их развитию? Если регион покидает молодежь, наиболее образованная и квалифицированная часть человеческих ресурсов, то это не будет способствовать его дальнейшему развитию, наоборот, приведет к стагнации. Образно говоря, отдающие территории уменьшают свой человеческий капитал и трудовой потенциал.

Ситуация в принимающих сообществах может быть также неоднозначной. Принимающие регионы выигрывают, когда получают квалифицированные и высокообразованные человеческие ресурсы. Не вкладывая собственные финансовые ресурсы, они получают существенное приращение человеческого капитала и потенциал экономического роста. В случае же, когда регионы принимают человеческие ресурсы с низким образовательным уровнем и недостаточной квалификацией, они теряют перспективу роста. Можно выделить также часть регионов, куда направлены потоки переселенцев из районов Крайнего Севера и местностей, к ним приравненных. В данных субъектах ухудшается возрастная структура, растет конкуренция на рабочие

* Глава подготовлена при участии к.э.н. Н.В. Клепикова.

места для старших поколений, существенно возрастает нагрузка на социальную сферу.

Но можно выделить одно общее, что характерно для всех регионов и сообществ, подверженных миграционной эрозии. В них коренным образом меняется социально-экономическая структура населения, а приток представителей разных этнических групп создает проблему обеспечения стабильной совместной жизни в общем социуме. В местных сообществах появляются анклавные с отличительными жизненными позициями, уровнем потребностей и возможностями по их реализации. Это обстоятельство также не улучшает условия совместного проживания.

Цель настоящей главы – описать хронологию исследований миграции населения в Республике Коми (Коми крае) и раскрыть влияние миграций на численность и основные демографические структуры населения.

Хронология основных публикаций по миграционной тематике

До XX в. основные вопросы миграции населения в Коми крае нашли отражение в трудах И.Л. Жеребцова [1; 2].

К числу первых работ по миграции населения, описывающих процесс заселения Коми края до XX в. и в последующие годы, можно отнести препринт «Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми» [3]. В нем рассматривается влияние миграции на формирование населения в исторической ретроспективе, точнее с 1646 г. Раскрывается влияние миграции на структуры населения, в первую очередь на этнический состав населения. Главным достоинством этой работы является то, что в ней приводятся расчеты численности населения при разных сочетаниях сальдо миграционного прироста и коэффициента естественного прироста за 1646–1926 гг., то есть период, когда не было налаженного статистического учета

Среди монографических исследований по демографии и миграции населения можно выделить работу «Проблемы формирования населения Республики Коми» [4]. В ней сделан анализ динамики численности населения с 1926 г., основных демографических процессов начи-

ная с 1920 г. или с периода, имеющего достоверный статистический учет. Анализ был сделан в разрезе городов и районов республики, что существенно обогатило информационную базу по демографической тематике. Впервые был описан генетический состав населения: распределение населения на местных уроженцев и пришлое население, а также распределение неместных уроженцев по количеству прожитых лет в республике, начиная с 1926 г. Динамика миграционного движения населения представлена с 1930 г., а прирост населения с выделением естественного и миграционного прироста – начиная с 1927 г.

Следующей монографической работой стала книга «Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция» [5]. В монографии рассмотрены особенности формирования населения; проанализирована его численность и состав, воспроизводство и миграция; отдельный раздел посвящен расселению населения, его взаимосвязи с характером размещения производительных сил. Приводится богатый статистический и социологический материал. Подробно анализируются миграционные процессы, приводятся данные по структуре мигрантов в разрезе экономических районов начиная с 1961 г. по всем демографическим структурам, а также представлены количественные и качественные показатели миграции населения.

Миграционной тематике посвящена брошюра «Роль миграции в формировании населения северных территорий» [6]. В ней рассмотрены теоретические и практические вопросы миграции населения Российского Севера и Республики Коми. Особое внимание уделено миграционным процессам городского населения Дальнего и Среднего Севера республики. В научный оборот вводится оригинальная информация социологического опроса работников нефтегазового сектора Республики Коми.

Одной из последних работ стала монография «Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение» [7]. В монографии рассмотрены теоретические аспекты становления и развития социально-трудовых отношений; аргументированы приоритеты и инструменты государственного регулирования социально-трудовых отношений; проанализирован зарубежный опыт регулирования трудовых отноше-

ний; показано демографическое развитие северных регионов России; анализ статистической и социологической информации позволил раскрыть территориально-отраслевые особенности развития социально-трудовых отношений на городских предприятиях Республики Коми; в отдельный блок вынесены вопросы расселения и миграции населения. Отличает монографию от аналогичных работ по данной проблематике то, что социально-трудовые отношения рассмотрены с позиций демографического развития общества и складывающегося миграционного баланса северных территорий с регионами России и странами дальнего и ближнего зарубежья.

Миграционная тематика нашла отражение и на страницах журнала [8; 9]. Прежде чем перейти к анализу миграционных процессов в Республике Коми, отметим, что при желании с указанными работами можно ознакомиться в библиотеке Коми НЦ УрО РАН или на сайте в сети Интернет: <http://vvfauzer.ru>.

Оценка миграционных процессов до начала 1990-х гг.

В Коми крае в 1920-е и до середины 1940-х гг. формирование населения шло в основном за счет выходцев из села. Это определялось проводимой в стране индустриализацией на слабой материально-технической базе, что постоянно требовало привлечения значительного количества новой рабочей силы. Взять ее можно было лишь в сельской местности, поскольку городские жители составляли в довоенные годы менее 10% общей численности населения республики (в 1920 г. – 3,0%, в 1926 г. – 4,4%, в 1939 г. – 9,1%) [5, с. 9, 14].

Начавшийся в стране процесс урбанизации привел к ускоренному созданию в республике сети городских поселений, что изменило структуру мигрантов по прибытию – стало больше приезжать выходцев из городской местности России. К тому же промышленная специализация части сельских поселений также притягивала горожан на постоянное место жительства. Подобное формирование населения и трудовых ресурсов позволило в кратчайшие сроки укомплектовать строящиеся в республике предприятия относительно квалифицированными кадрами с более высоким образовательным уровнем.

По прошествии времени можно отметить, что прослеживается определенная территориальная зависимость вселения мигрантов в конкретные районы Республики Коми от мест их выхода. Например, при освоении лесных массивов формирование постоянного населения шло прежде всего за счет тех территорий страны, где в той или иной степени были распространены занятия в лесной промышленности. К ним можно отнести в первую очередь Татарстан, Удмуртию, Чувашию, Кировскую, Костромскую, Пермскую и Нижегородскую области, затем Белоруссию, Тверскую, Псковскую, Вологодскую и Архангельскую области. И наконец, часть переселенцев в эти районы дала Закарпатская Украина. В своем большинстве (87,6%) это уроженцы села [10, с. 23].

Правда, необходимо отметить одну методическую особенность. Структура мигрантов определяется автором не на основе их последнего места жительства, а исходя из мест рождения.

Аналогично шло формирование населения на территории Печорского угольного бассейна. В составе жителей городов Воркуты и Инты преобладают выходцы из угледобывающих районов Украины и ряда областей Российской Федерации. В структуре мигрантов в нефтегазовые районы республики (в городах Усинск и Вуктыл) выделяются уроженцы Башкирии, Татарстана, Азербайджана. Таким образом, наличие соответствующей информации по миграции населения в разрезе городов и отдельных районов, наложение структуры мигрантов по районам их выхода на структуру мест вселения позволяют проследить территориальный обмен населением в исторической ретроспективе, отраслевые факторы в движении населения по обширной территории СНГ.

В динамике структуры миграции по районам выхода в 1960–1990-е гг. следует отметить ее стабильность. Основная часть мигрантов в 1960–1990-е гг. приходилась на те области и края Российской Федерации, которые отличались интенсивным обменом населения: Центральный, Уральский, Волго-Вятский и Северо-Кавказский экономические районы. Среди бывших союзных республик главными поставщиками населения в Республику Коми являлись Украина, Молдова и Белоруссия (табл. 4.1).

Таблица 4.1

**Структура мигрантов, прибывших в Республику Коми,
по районам их выхода за 1961–1990 гг., %**

Экономические районы	Годы					
	1961- 1965	1966- 1970	1971- 1975	1976- 1980	1981- 1985	1986- 1990
Российская Федерация, всего	70,8	73,3	71,0	68,3	66,3	66,1
в том числе:						
Северо-Западный	4,2	5,2	4,7	4,9	4,7	5,1
Северный	9,0	9,9	9,0	7,6	6,9	8,0
Центральный	15,5	14,5	12,8	12,1	12,0	12,4
Волго-Вятский	9,7	9,8	8,9	7,9	8,6	8,3
Центрально-Черноземный	4,8	4,0	3,2	2,9	2,5	2,4
Поволжский	6,3	5,5	6,5	7,5	6,7	5,6
Северо-Кавказский	8,6	9,6	9,0	8,4	7,9	7,6
Уральский	6,0	7,4	9,5	10,1	10,3	9,4
Западно-Сибирский	4,0	4,0	3,9	4,0	3,7	3,7
Восточно-Сибирский	1,8	2,0	2,0	1,7	1,6	1,7
Дальневосточный	1,1	1,3	1,3	1,3	1,4	1,9
Украина	19,3	17,1	19,1	20,2	20,9	19,1
Молдова	0,7	1,2	2,0	2,8	3,3	4,1
Белоруссия	3,2	2,4	2,2	2,9	3,4	3,8
Казахстан	2,7	2,5	2,4	2,3	2,5	2,4
Закавказский р-н	0,6	0,8	0,7	0,8	1,3	1,6
Прибалтийский р-н	2,0	1,6	1,6	1,5	1,2	1,5
Среднеазиатский р-н	0,7	1,1	1,0	1,2	1,1	1,4

Подтверждено практикой, что в структуре мигрантов преобладают мужчины трудоспособного возраста. При этом половозрастные диспропорции наиболее ярко выражены в период пионерного освоения территории. По мере заселения территории, создания разветвленной сети городов и поселков городского типа (пгт), развития социальной инфраструктуры в миграционных потоках увеличивается доля женщин и детей (табл. 4.2).

Таблица 4.2

**Половозрастная структура мигрантов по прибытию
в Республику Коми за 1966-1990 гг., %***

Годы	Доля мужчин			Доля лиц в возрасте		
	во всем населении	в городском	в сельском	моложе трудоспособного	в трудоспособном	старше трудоспособного
1966-1970	60,1	59,7	61,3	9,6	87,5	2,9
1971-1975	61,0	60,5	62,4	8,8	88,1	3,1
1981-1985	56,4	56,2	57,2	14,9	81,8	3,3
1986-1990	56,3	55,2	59,9	16,2	79,7	4,1

* За 1976–1980 гг. отсутствуют данные.

Однако в миграционных потоках «город–село» до 1990 г. по-прежнему сохранялась высокая доля мужчин, что лишний раз свидетельствовало о более низком уровне социально-экономического развития села. Таким образом, можно заключить, что половозрастная структура мигрантов для определенного исторического периода может служить одним из критериев оценки освоенности территории и стадии формирования там постоянного населения.

Отмеченные особенности структуры мигрантов по прибытию нашли свое непосредственное отражение в структуре населения Республики Коми. На протяжении десятилетий в составе населения преобладали мужчины: 1959 г. – 52,1%, 1989 г. – 50,6% (в Российской Федерации – 44,6 и 46,7% соответственно). Особенно деформирована структура по полу в молодых дееспособных возрастах: в 1989 г. в возрасте 20–29 лет доля мужчин составляла 55,9%, в возрасте 30-39 лет – 54,3%. Последствия этих диспропорций республика ощущает и сегодня в виде повышенной смертности одиноких и разведенных мужчин, нестабильности брачно-семейных отношений в силу деформированности брачного рынка, излишней подвижности населения, где одним из мотивов миграции является мотив создания семьи.

Наряду с отрицательными воздействиями на ход отдельных демографических процессов миграция дает принимающим территориям ряд преимуществ. Например, благодаря миграции Республика Коми выгодно отличалась от ряда районов страны повышенным удельным весом лиц трудоспособного возраста (в 1989 г. в Республике Коми – 62,1%, Российской Федерации – 56,9%) и пониженным – предпенси-

онного и пенсионного возрастов (доля лиц старше трудоспособного возраста в 1989 г. составляла в республике 10,0%, в Российской Федерации – 18,5%). Однако если в предстоящие годы не будет в полной мере юридически и экономически урегулирован вопрос о значительном выезде пенсионеров за пределы республики, их доля в населении может существенно возрасти (2021 г. – 23,5%, 2031 г. – 23,9%). Эту тенденцию нельзя рассматривать как благоприятную для развития экономики и бюджета республики.

Оценка новых тенденций в миграции населения. Новым этапом в миграционных процессах следует считать начало 1990-х гг. Переход от плановой экономики к рыночной, распад Союза ССР, локальные военные конфликты и ряд других, не менее важных событий, предопределили направленность многих социальных явлений. Это в первую очередь коснулось миграции, являющейся индикатором социально-экономического развития страны; политической стабильности и безопасности социума.

В 1990-е гг. резко сократился общий объем миграции. Только за 1991–1995 гг. он уменьшился по сравнению с 1986–1990 гг. на 294,8 тыс. человек, или на 37%; за 1996–2000 гг. – на 180,6 тыс. человек; за 2001–2005 гг. – на 124,5 тыс. человек; за 2006–2010 гг. – на 10,9 тыс. человек. Однако в период с 2011 по 2013 г. объем миграции увеличился на 12,3 тыс. человек по отношению к 2006–2010 гг. Вызван он был увеличением числа прибывших в республику на 9,6 тыс. человек. В целом можно отметить, что с 1991 по 2013 г. число выбывших превысило число прибывших на 218,2 тыс. человек (табл. 4.3).

Таблица 4.3

**Объем, интенсивность и сальдо миграции населения
Республики Коми за 1986–2013 гг.**

Годы	Объем миграции, тыс. человек			Сальдо миграции, тыс. человек	Интенсивность миграции на 1000 населения		
	прибыло	выбыло	миграционный оборот		прибытия	выбытия	миграционного оборота
1	2	3	4	5	6	7	8
1986-1990	403,6	395,0	798,6	8,6	322	315	637
1991-1995	217,5	286,3	503,8	-68,8	176	232	408
1996-2000	137,2	186,0	323,2	-48,8	119	161	280

Окончание табл. 4.3

1	2	3	4	5	6	7	8
2001-2005	83,7	114,8	198,5	-31,1	83	113	196
2006-2010	74,7	112,9	187,6	-38,2	78	117	195
2011-2013	84,3	115,6	199,9	-31,3	95	131	226

Оценивая направленность миграционных потоков, можно отметить следующее. С 1991 по 2005 г. миграционный оборот определяла внешняя миграция, но ее объем постоянно снижался: 1991–1995 гг. – 62,2%; 1996–2000 гг. – 56,0%; 2001–2005 гг. – 53,0%. В последующие восемь лет преобладала внутренняя миграция: 2006–2010 гг. – 51,1%; 2011–2013 гг. – 50,5% (табл. 4.4).

Таблица 4.4

**Структура миграционных потоков населения Республики Коми
за 1991–2013 гг.**

Годы	Миграционный оборот, человек	в том числе миграция		Удельный вес миграции, %	
		внутренняя	внешняя	внутренней	внешней
1991-1995	503823	189828	313995	37,7	62,3
1996-2000	323237	142166	181071	44,0	56,0
2001-2005	198473	93364	105109	47,0	53,0
2006-2010	187625	95878	91747	51,1	48,9
2011-2013	199851	101012	98839	50,5	49,5

К числу новых тенденций следует отнести то, что миграции перестали способствовать росту численности городского населения. Если во второй половине 1980-х гг. население городов увеличивалось за счет миграции в среднем на 3,3 тыс. человек в год, то в 1991–1995 гг. оно сократилось на 11,6 тыс. человек; в 1996–2000 гг. – на 7,8 тыс. человек; в 2001–2005 гг. – на 5,5 тыс. человек; 2006–2010 гг. – на 5,1 тыс. человек; 2011–2013 гг. – на 6,9 тыс. человек. Потери сельского населения во все рассматриваемые годы были в пределах 1–3 тыс. человек в год, величина вроде незначительная. Однако миграционный оборот имел куда более значимые размеры: 1986–1990 гг. – 200,5 и 2011–2013 гг. – 50,7 тыс. человек (табл. 4.5).

Таблица 4.5

**Структура сельско-городской миграции населения
Республики Коми за 1986–2013 гг., тыс. человек**

Годы	Город			Село		
	прибы- ло	выбы- ло	миграционный прирост (-убыль)	при- было	выбы- ло	миграцион- ный прирост (-убыль)
1986-1990	307,4	291,0	16,4	96,2	104,3	-8,1
1991-1995	172,7	230,7	-58,0	44,8	55,6	-10,8
1996-2000	107,8	146,8	-39,0	29,4	39,2	-9,8
2001-2005	64,8	92,1	-27,3	18,9	22,7	-3,8
2006-2010	59,6	85,3	-25,7	15,1	27,6	-12,5
2011-2013	64,3	84,9	-20,6	20,0	30,7	-10,7

Рыночные отношения наиболее болезненно отразились на сельских жителях, их жизненном укладе, системе хозяйствования. На селе в своем большинстве перестали существовать государственные сельхозпредприятия, резко снизились объемы лесозаготовок, была свернута сеть социально-бытовых учреждений. Все это отразилось на уровне жизни, занятости и безработице сельского населения. Как следствие, возрос миграционный отток сельских жителей в города республики и частично за ее пределы. Миграционные потери понесли все районы, исключение составил Сыктывдинский район, имеющий выгодное географическое положение, как прилегающий к г. Сыктывкару (табл. 4.6).

Таблица 4.6

**Сальдо миграции сельского населения в Республике Коми
за 2007–2013 гг., человек**

Районы	Год						
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское население – всего	-1680	-2865	-2994	-3178	-3711	-3351	-3661
в т. ч. по районам	-1120	-2278	-2472	-2642	-2930	-2780	-2828
Ижемский	-276	-339	-341	-351	-486	-287	-355
Княжпогостский	-178	-219	-247	-291	-332	-228	-356
Койгородский	-74	-84	-98	-123	-132	-104	-145
Корткеросский	-85	-221	-255	-273	-301	-66	-88
Прилузский	-164	-354	-387	-353	-530	-510	-447
Сыктывдинский	414	243	126	230	377	137	66

1	2	3	4	5	6	7	8
Сысольский	-101	-201	-196	-168	-167	-196	-179
Троицко-Печорский	-103	-135	-120	-201	-257	-182	-212
Удорский	-59	-202	-137	-255	-236	-321	-266
Усть-Вымский	-111	-99	-190	-187	-118	-221	-164
Усть-Куломский	-176	-373	-339	-405	-451	-485	-450
Усть-Цилемский	-207	-294	-288	-265	-297	-317	-232

Объяснить постоянный отток сельских жителей можно, с одной стороны, разочарованием жителей села и горожан в фермерском движении, а с другой – сохранением притягательной силы городских поселений для селян: более развита социальная инфраструктура, шире возможности для профессионального обучения и трудоустройства, а также для первоначальных накоплений, необходимых для организации собственного дела (вложение в землю или другие формы собственности). Поэтому сельско-городская миграция по-прежнему будет оказывать существенное влияние на демографические процессы в сельской местности республики, изменять расселение коренного этноса – коми, образ жизни жителей села и, естественно, их общую численность.

Завершая анализ сельской миграции, следует отметить, что основная часть сельских мигрантов перемещается в пределах республики. Доля внутренней миграции в общем объеме перемещений сельского населения составила: в 1986–1990 гг. – 45,3%; в 1996–2000 гг. – 66,2%; в 2001–2005 гг. – 70,9%; в 2006–2010 гг. – 78,5%; в 2011–2013 гг. – 81,1%. Следует, что первый миграционный опыт жители села получают, мигрируя внутри республики.

Со второй половины 1980-х гг. по 2000 г. изменилась роль экономических районов и бывших союзных республик в структуре прибывающих мигрантов. В 1986–1990 гг. четыре района: Уральский, Северный, Волго-Вятский и Дальневосточный – давали 76,8% миграционного притока. В последующие годы в качестве регионов-доноров выступили Закавказье, Средняя Азия, Казахстан и Дальневосточный район. В 1991–1995 гг. их доля в поставке мигрантов оценивалась в 77,2%, а в 1996–2000 гг. – 79,1%. Отток населения имеет также ста-

бильную направленность: в Центральный, Поволжский, Северо-Западный и Северо-Кавказский районы (табл. 4.7).

Таблица 4.7

Ранжирование экономических районов по величине сальдо межрайонной миграции населения Республики Коми за 1986–2000 гг., %*

1986–1990 гг.		1991–1995 гг.		1996–2000 гг.	
Районы притока					
Уральский	26,3	Средняя Азия	26,0	Закавказье	29,5
Северный	21,8	Закавказье	25,7	Средняя Азия	19,2
Волго-Вятский	15,3	Казахстан	14,6	Казахстан	16,3
Дальневосточный	13,4	Дальневосточный	10,9	Дальневосточный	14,1
Казахстан	10,3	Северный	8,9	Украина	11,8
Молдова	3,8	Молдова	7,1	Молдова	4,5
Средняя Азия	3,3	Государства Балтии	6,7	Восточно-Сибирский	2,5
Восточно-Сибирский	3,2	Восточно-Сибирский	0,1	Балтия	1,9
Закавказье	2,6				
Районы оттока					
Центральный	27,1	Центральный	23,4	Центральный	32,2
Украина	19,2	Северо-Кавказский	14,5	Поволжский	11,5
Северо-Кавказский	15,4	Поволжский	12,9	Волго-Вятский	11,1
Северо-Западный	11,9	Украина	12,5	Северо-Западный	10,7
Поволжский	9,3	Центрально-Черноземный	9,6	Северо-Кавказский	10,0
Центрально-Черноземный	7,0	Уральский	8,2	Центрально-Черноземный	9,9
Беларусь	3,6	Волго-Вятский	7,0	Уральский	9,2
Западно-Сибирский	3,3	Северо-Западный	5,9	Беларусь	3,2
Балтия	3,2	Беларусь	4,4	Западно-Сибирский	1,8
		Западно-Сибирский	1,6	Северный	0,4

* За 100% принят миграционный приток (- убыль) по принимающим и отдающим районам отдельно. Районы расположены в порядке убывания величины притока или оттока.

В период с 2003 по 2013 г. изменений в направлении миграций не произошло: сохранился приток населения из бывших союзных республик (Закавказье – 38,0%; Средняя Азия – 36,0%; Молдова – 7,2%; Украина – 7,3%; Казахстан – 5,8%) и отдельных территорий России

(Северо-Кавказский ФО – 4,4% и Дальний Восток – 1,3%). Отток населения также имеет традиционную направленность: в Центральный ФО он составил 46,7%; в субъекты Федерации Северо-Западного ФО – 19,1%; в Приволжский ФО – 19,6% (табл. 4.8).

Таблица 4.8

Ранжирование территорий по величине сальдо внутрироссийской миграции и стран ближнего зарубежья населения Республики Коми в 2003–2013 гг., % *

2003–2005 гг.		2006–2010 гг.		2011–2013 гг.	
Территории притока					
Средняя Азия	33,2	Закавказье	42,0	Закавказье	31,1
Дальневосточный ФО	25,7	Средняя Азия	33,9	Средняя Азия	28,4
Северо-Кавказский ФО	22,3	Молдова	8,4	Украина	22,5
Казахстан	17,7	Украина	7,2	Северо-Кавказский ФО	10,3
Молдова	1,1	Казахстан	6,9	Молдова	5,2
		Дальневосточный ФО	1,6	Казахстан	1,9
				Балтия	0,6
Территории оттока					
Центральный ФО	53,5	Центральный ФО	46,3	Центральный ФО	42,3
Северо-Западный ФО	12,9	Приволжский ФО	19,7	Северо-Западный ФО	23,2
Приволжский ФО	17,1	Северо-Западный ФО	18,0	Приволжский ФО	20,2
Южный ФО	9,5	Южный ФО	11,0	Южный ФО	11,7
Украина	3,0	Уральский ФО	2,5	Уральский ФО	1,9
Уральский ФО	1,2	Сибирский ФО	1,0	Сибирский ФО	0,4
Беларусь	2,1	Беларусь	1,0	Дальневосточный ФО	0,2
Сибирский ФО	0,4	Северо-Кавказский ФО	0,5	Беларусь	0,1
Закавказье	0,2	Балтия	0,0		
Балтия	0,1				

*За 100% принят миграционный приток (- убыль) по принимающим и отдающим территориям отдельно. Территории расположены в порядке убывания величины притока или оттока, включая страны Балтии и Грузии.

1990-е гг. стали новой вехой и в международной миграции. Россия стала более открытой страной, приватизация госсобственности привлекла в страну зарубежный капитал, новых собственников и, как следствие, иностранную рабочую силу. Возрос и миграционный по-

ток из России в страны дальнего зарубежья: на работу, учебу и на постоянное место жительства. Этому во многом способствовали принятые федеральные законы, нормативно-правовые акты, упростившие правила выезда/въезда в страну, в том числе на постоянное место жительства. Если не брать в расчет трудовую миграцию, то в обмене населением республика пока в постоянном минусе.

Миграционный обмен со странами дальнего зарубежья можно разбить на два периода. Первый период – это 1990–2000 гг., когда миграционные потери в обмене населением со странами дальнего зарубежья составили 18570 человек. Чтобы понять масштабы эмиграции, достаточно отметить, что величина потерь сравнима с численностью наличного населения Усть-Цилемского района на начало 2000 г. – 16,9 тыс. человек. Среди покинувших Республику Коми в 2000 г. более 3/4 (79%) выбрали страной пребывания Германию, Болгарию – 6%, Израиль – 4%. Наибольшая доля в потоке эмигрантов приходилась на немцев (46%), каждый третий, выехавший за рубеж, – русский, каждый пятнадцатый – украинец.

Второй период приходится на 2001–2013 гг., когда миграционные потери в обмене населением со странами дальнего зарубежья составили всего 2200 человек, или 169 человек в год, что в 10 раз меньше среднегодовых миграционных потерь за 1990–2000 гг. (табл. 4.9).

Таблица 4.9

**Миграционный обмен населением Республики Коми со странами
дальнего зарубежья за 1990–2013 гг., человек***

Год	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост, убыль (-)	Год	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост, убыль (-)
1	2	3	4	5	6	7	8
1990	3319	5670	-2331	2002	48	472	-424
1991	2625	7410	-4785	2003	54	493	-439
1992	2890	4507	-1617	2004	32	475	-443
1993	2221	4926	-2705	2005	43	273	-230
1994	482	4548	-4066	2006	45	126	-81
1995	115	756	-641	2007	95	111	-16
1996	68	750	-682	2008	48	111	-63
1997	94	632	-538	2009	34	69	-35
1998	84	431	-347	2010	24	93	-69
1999	60	531	-471	2011	66	106	-40

1	2	3	4	5	6	7	8
2000	56	443	-387	2012	73	57	16
2001	46	389	-343	2013	57	90	-33

** без учета стран Балтии и Грузии.*

В 2013 г. всего эмигрировало в страны дальнего зарубежья 90 человек. Наиболее предпочтительной страной остается Германия (37 человек, или 41,1%). Почти десятую часть составляли эмигранты, выехавшие в Сербию, по 6,7% – в Болгарию и США.

Заключение

Анализ миграционных процессов и их тенденций в Республике Коми позволяет сделать ряд выводов: реформирование экономики, непродуманная политика по отношению к северным территориям привели к смене главного направления миграций – с Севера России начался массовый устойчивый отток населения, положительное сальдо миграции сменилось в Республике Коми отрицательным, прекратился миграционный рост городов; среди многообразия факторов, влияющих на миграции, определяющую роль стали играть социально-экономические факторы; изменение направлений и интенсивности миграций с федеральными округами России и странами ближнего зарубежья привело к повышению роли в формировании населения республики государств Закавказья и Средней Азии, к увеличению в составе населения представителей этих государств.

1. Жеребцов И.Л. Внутренние миграции в Коми крае в конце XVI – начале XVII вв. // Проблемы этногенеза народа коми. – Сыктывкар: КФАН СССР, 1985. – С. 133–147 (Труды ИЯЛИ КФАН СССР; вып. 36).

2. Жеребцов И.Л. Население Коми края в конце XV – начале XX века: численность, миграции, этнический состав. – Сыктывкар, 2000.

3. Фаузер В.В. Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми. Серия препринтов «Научные доклады» / Коми научный центр Уро Российской академии наук. – Сыктывкар, 1992. – Вып. 293. – 32 с.

4. Фаузер В.В. Проблемы формирования населения Республики Коми. – М., 1993. – 93 с.
5. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. – Сыктывкар, 2001. – 124 с.
6. Фаузер В.В., Назарова И.Г., Климочкина Н.И. Роль миграции в формировании населения северных территорий. – Сыктывкар; Ухта, 2007. – 34 с. (Б-ка демографа; Вып. 8).
7. Фаузер В.В., Фаузер Г.Н., Назарова И.Г., Коршунов Г.В. Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение / отв. ред. д.э.н., профессор В.В. Фаузер. – М.: Экон-информ, 2012. – 311 с. (Б-ка демографа; вып. 15).
8. Фаузер В.В. Роль миграции в формировании населения во вновь осваиваемых районах Севера и Арктики // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2010. – № 1.
9. Фаузер В.В. Теория и практика исследования миграционных процессов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2013. – № 3.
10. Загайнова Г.В. Роль миграции в формировании населения лесных районов Коми АССР // Изв. Коми фил. ВГО. – 1967. – № 11. – С. 19–28.

ГЛАВА 5

СЕВЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ – ЧЕРЕЗ СУДЬБЫ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ, ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕВЕРНЫХ СООБЩЕСТВ

ЧЕЛОВЕК НА СЕВЕРЕ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР: ОТ ПРИЗНАНИЯ К ИГНОРИРОВАНИЮ

Прошло более двадцати лет после распада Советского Союза. По мнению Б. Кагарлицкого, прошедшее время позволяет взглянуть на советскую повседневность с некоторой степенью отстраненности, преодолев идеологические и политические штампы, которыми зачастую нагружена дискуссия о советском [1]. Подобная дистанция позволяет признать, что Советский Союз, прошедший в течение своей истории целый ряд радикальных поворотов, был крайне противоречивым историческим феноменом, именно поэтому предлагается рассматривать его в динамике, а не как статичное целое. Жизнь в сталинский период (репрессии, ГУЛАГ, коллективизация, период Великой Отечественной войны и ее последствия) резко отличается от хрущевского периода 1960–1970-х гг., «золотого века» социализма в период правления Брежнева и горбачевской перестройки конца 80-х гг. прошлого века. В настоящее время рассматриваются различные аспекты трансформации советской культуры в постсоветские времена с точки зрения антропологов, географов, искусствоведов, историков, культурологов, политологов и социологов, филологов и философов. Однако вопросы восприятия советского прошлого в постсоветский период, формы исторической преемственности и исторических разрывов остаются актуальными. Весьма важным также представляется обсуждение встраивания советских практик в постсоциалистическую модернность, представляющую сложную конфигурацию неолиберальных и социалистических порядков. Следует отметить и то, что на протяжении 1990-х г. «наследие советских норм» рассматривалось в качестве чуть ли не единственной причины слабой адаптации населения к

рынку [2, 3]. Однако, на наш взгляд, потенциал данного социологического объяснения исчерпан.

В данной главе мы пытаемся доказать, что ностальгия по советскому прошлому жителей Севера сохраняется, поскольку российский рынок резко ограничил возможности жителей в решении материальных проблем, профессиональной самореализации и должностной карьеры, что противоречит провозглашаемым ценностям свободы и индивидуализма при широко распространенной критике скептицизма по отношению к социалистической идеологии и практике. Основная задача – предоставить возможность быть услышанными тем, кого иногда называют «нерассуждающим большинством» или «обывателями» [4, 5], в нашем случае – это жители одного из моногородов Республики Коми, прежде они имели статус покорителей Севера.

Через первичный анализ эмпирического материала, собранного в традициях качественной методологии с использованием стратегии кейс-стади (развернутого монографического исследования), проведена реконструкция повседневного опыта проживания советских покорителей Севера в позднесоветский и современный периоды. В фокусе анализа 39 полуструктурированных глубинных интервью с жителями г. Инты и десять интервью с экспертами, преимущественно с представителями органов власти.

Динамика модернизации северного региона: от традиции к распределению и рынку

Динамика исторического развития свидетельствует о существенном влиянии государственного регулирования на промышленное освоение северных территорий и городов России, Республика Коми не исключение. Именно на советские годы пришлось развернутое широкомасштабное промышленное освоение республики, богатой природными ресурсами. С распадом СССР промышленность Коми пережила глубокий социально-экономический кризис. На 01.01.2014 г. в республике, в составе которой пять городских округов и 15 муниципальных районов, проживало 872,1 тыс. чел., что на 30,2% меньше, чем в 1990 г.

Рыночные реформы усилили экспортно-сырьевую ориентацию региональной экономики. События 1990-х гг. показали, насколько чре-

вато возникновение ситуации, когда падение мировых цен на природные ресурсы откликается сворачиванием социальных программ, шоком бюджетной сферы республики, ростом социальной напряженности, обострением экономического кризиса [6]. Экономическое развитие осложняет тот факт, что до 90% предприятий республики зарегистрированы за ее пределами [7] и не заинтересованы в развитии территорий производственной деятельности. С 2010 г. существенно сокращены отчисления в региональный бюджет от налога на добычу полезных ископаемых. По оценкам экономистов Института СЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, после глубокого кризиса 1990-х гг. последнее десятилетие экономика республики находится в стагнации. Темпы роста ВРП, напрямую зависящие от инвестиций, в этот период не превышали 5% [8]. Динамика роста совокупного ВМП региона имеет скачкообразный характер и резко дифференцирована по городам и районам [9]. Республика постепенно теряет демографическую массу [10] и снижает трудовой потенциал [11].

В главе представлены результаты исследования, проведенного в монопрофильном угледобывающем г. Инте, центре городского округа, богатом и другими природными ресурсами. В ходе исследования выделено шесть этапов социально-экономического развития Инты. *До 1930-х гг.* преобладал традиционный (сельско-промысловый) образ жизни коми населения, в основе которого лежала аграрная экономика, основанная на домашнем хозяйстве. Инта образована на месте обитания кочевых племен оленеводов. Дальнейшее развитие территории (*с 1930 до середины 1950-х гг.*) характеризуется ускоренной индустриализацией. Освоение месторождений каменного угля проводилось силами заключенных. Было заложено 10 шахт и в 1943 г. отправлен первый эшелон с углем. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. появляются новые шахты. Строится инфраструктура для обеспечения угледобычи, ТЭЦ, паровозное депо, шлакоблочный и кирпичный заводы. 4 октября 1954 г. рабочий поселок Инта преобразован в город.

Во второй половине 1950-х – до 1970-х гг. происходит смена государственной политики по привлечению трудовых ресурсов с созданием комфортных условий для работы и проживания на Севере. На дан-

ном этапе советское государство с мер принуждения переходит к поощрительным мероприятиям, обеспечивающим привлекательность работы на Севере: высокая оплата труда, ранний выход на пенсию, продолжительные отпуска. Индустриализация «по призыву» ознаменована созданием инфраструктуры города. На протяжении 1960–1970-х гг. Инта развивается ускоренными темпами. Строятся жилые дома, детские сады, школы, магазины, кафе. В 1963 г. образован индустриальный техникум, в 1969 г. открыт краеведческий музей. Введены в действие широкоэкранный кинотеатр «Север», «Дом культуры железнодорожников» и ДК «Октябрь», дворец спорта «Шахтер» с плавательным бассейном. Увеличилась численность населения. В период 1970–1990-х гг. индустриальное развитие города сопровождается устойчивым притоком рабочих кадров. Наиболее активный приток населения в город наблюдается в 1960-е гг. В 1990 г. его численность достигла или 70,5 тыс. чел. (табл. 5.1). С учетом положительной динамики естественного прироста населения город имеет достаточное количество человеческих ресурсов для собственного внутреннего развития [12,13,14].

Таблица 5.1

Численность населения городов Республики Коми, тыс. человек

	1897	1939	1959	1970	1980	1990	2000	2010	2014
Воркута	-	-	175,9	184,9	199,3	216,7	146,5	99,4	84,7
Инта	-	-	66,4	61,5	63,0	70,5	51,7	36,4	31,3
Усинск	-	-	-	-	47,6	71,6	53,8	47,9	45,8
Сыктывкар	-	30,1	74,5	138,3	192,4	237,5	249,6	248,1	257,9
Республика Коми	170,7	319,0	815,8	964,8	1121,1	1248,9	1057,7	912,0	872,1

Крах угольной промышленности Севера России связан с переходом страны к рынку в 1990-е гг. Ситуация резко меняется. Город признан нерентабельным и дотационным. С целью сокращения государственных расходов на содержание города началась политика переселения избыточного населения, т.е. начались административные попытки оптимизации численности города. К 2000-м гг. интерес к северным городам с точки зрения реализации здесь экспортно-сырьевой стратегии развития возродился, в том числе к Интинскому району, богатому такими природными ресурсами, как уголь, золото, марганец,

кобальт, кварц, хрусталь, кварцито-песчаник, пигментные красители минерального происхождения. Началось обсуждение возможности использования инфраструктуры городов для комфортной жизни вахтовых работников. В то же время на государственном уровне обсуждаются вопросы эффективного использования всех имеющихся ресурсов (не только природных) территории в условиях рынка и замены ресурсодобывающей стратегии развития экономики на диверсификационную.

Прошлое Инты: теплые воспоминания о советском и по-советски

Советский Союз закончился, все закончилось (муж.)

Представленные ниже воспоминания респондентов относятся к периоду 1970-х – началу 1990-х гг. Для них советское прошлое ассоциируется с выбором места работы, возможностями самореализации, поступления в вуз до 28 лет, в том числе по комсомольским путевкам, через рабфак, профессиональной и должностной мобильности на протяжении трудовой биографии. Особую гордость вызывала трудовая «траектория» от рабочего до директора предприятия. Опыт работы на предприятии и полученные профессиональные знания ценились высоко. Иными словами, самоопределение выпускника общеобразовательного звена не заканчивалось вместе с окончанием школы или другого учебного заведения, так же как будущие перспективы не заканчивались представлениями жизни одного поколения.

В советское время родители не настаивали на получении высшего образования для своего ребенка не потому, что ценность высшего образования была низкой, а потому что рабочая профессия позволяла жить безбедно и сохранялась возможность при желании повысить уровень образования позже. Выбор рабочей специальности и, соответственно, раннее начало трудовой биографии представляет собой реализацию краткосрочной перспективы в воплощении жизненных стратегий советских людей – решение материальных проблем семьи с началом трудовой карьеры. Получение высшего образования определяло доступ к социальным благам [15, 16, 17]. В условиях масштабно-

го освоения северных территорий и строительства новых городов неравенство нивелировалось благодаря различным мерам стимулирования жизни и работы человека на Севере.

Одной из поощрительных мер являлся высокий статус рабочего-шахтера, покорителя Севера – человека могучего силой и духом. В рамках пространства города это способствовало формированию территориальной общности. При этом сохранялась сопричастность к гражданам Союза, государству, где статус «покорителя», «шахтера», по мнению респондентов, выравнивался – *«все были равны»*, а значимость денег снижалась. *«Деньги – это было не самое главное»*.

Следующим отрывком из интервью хотелось бы озвучить опыт проживания рабочих на Севере: возможность выбора профессиональной самореализации без ущерба для материального достатка семьи.

*Романтика закончилась вместе с Советским Союзом и комсомолом. Как только макнули лицом в действительность, в зарабатывание денег, на этом романтика и закончилась. Когда **все были равны**, была романтика, тогда **было интересно**. Дома сидеть или в леса податься куда-нибудь, в геологическую партию или там в геодезическую. Вот особенно геодезические, очень **интересная работа была**. А сейчас-то что? Сейчас только деньги (муж.).*

Примечательно, что эти слова из интервью принадлежат весьма успешному сегодня местному жителю с высшим образованием, имеющему свой бизнес не только внутри изучаемой территории, но и за ее пределами, он работает по весьма востребованной и хорошо оплачиваемой специальности, однако даже у него советское прошлое вызывает ностальгию.

Материальные стимулы на Севере занимали особое место. Высокие заработки позволяли не только тратить деньги на повседневные нужды и отдых, но и откладывать деньги на приобретение жилья за пределами региона, как правило, «на родине» поближе к родственникам. Такие долгосрочные планы и их успешная реализация представляли альтернативную экономику советского государства, позволяющую решать материальные проблемы семьи и самостоятельно зарабатывать деньги на покупку жилья в лучших климатических условиях без помощи государства. Иногда происходила трансформация «города-

рабочего места» в «родной дом», но практически все приехавшие на заработки планировали возвращение на родину. Иными словами, в отличие от большинства советского населения, «покорители Севера» сами себе зарабатывали средства на приобретение жилья в более комфортной климатической зоне («на материке»). Работа на Севере становилась долгосрочной вахтой. В сознании населения прочно укрепился стереотип «*богатый дядя с Севера*», который должен был поддерживать свой статус и щедро одаривать родственников подарками.

Высокие заработки в Инте (и на Севере в целом) соотносятся со справедливой оценкой системы оплаты труда, учитывающей тяжелые климатические условия проживания и работы, связанные с подрывом здоровья и риском для жизни.

Обращает внимание тот факт, что, несмотря на достаточно высокий миграционный приток населения, новые горожане не нуждались в долгой социальной адаптации. Каждый новый житель быстро включался в трудовой коллектив и легко находил себе друзей. Именно трудовой коллектив являлся механизмом консолидации социальных сил в советский период [18]. Через трудовой коллектив формировались не только трудовые отношения, но и повседневные практики взаимоотношений людей.

Очень хорошо было, все очень хорошо.<...> Все очень хорошо. Хороший город, добрые люди. Шахтерский город, привыкать не приходилось. Длинная зима, очень здорово. Вот. А летом всегда на юг. Каждый год (муж.).

*Отношения людей... ну, может, я был помоложе, был **круг общения широкий, шахтеры, люди неординарные все такие, открытые, свободные**, так чтобы кто-то своей **тормозок один съел** – так не бывало, пошли и все (муж.).*

Несмотря на замкнутость, северные территории не были отягощены ощущениями периферийности, отдаленности от Центра, отрезанности от внешнего мира. Большие расстояния легко преодолевались прямыми авиаперелетами не только внутри республики, но и далеко за ее пределами. Самолеты всегда были переполнены пассажирами. Конечно, как и все советские люди, они не могли выехать за рубеж (за

исключением стран Восточной Европы), но у них имелись альтернативы для поездок на отдых.

А я в минус 5 в Таллинне, хорошо. Балтика не замерзшая, пляж, м-м, песня. Ликерчик, кофе, все дела. Я говорю, Советский Союз вспоминаешь, прелесть. Даже еще в 90-х, когда на шахту устроился работать, было интересно. Я с армии пришел в 90-м, до декабря поработал, надоело. Устал... Устал, надоело, точнее. Думаю, дай-ка я что-нибудь замучу. Пришел, взял 5 дней отпуска за свой счет, у меня 2 дня отгула еще было, неделя, на следующее утро на самолет, через 4 часа я в Адлере. И неделю в Сочи в декабре месяце. Плюс 16, хорошо, красное вино. Девчонки местные, замечательно. 58 рублей билет стоил при зарплате в 700... Причем, до Москвы 27 рублей билет стоил на самолет. Утренним рейсом улетел, вечерним прилетел. Всё, пообедали в ресторане, пивка попили в «Печоре», например. Сумасшедших денег стоило блюдо – супчик из черепаш, целых 5 рублей 80 копеек. Бутылка водки 9 рублей стоила, а тут 5,80 стоил супчик из черепаш. Эксклюзив (муж.).

В качестве недостатков советского прошлого информанты приводят дефицит товаров. Автор следующего отрывка отмечает, что снабжение города было «питерским» и на прилавках магазинов в изобилии были представлены предметы длительного пользования. Проблема, с точки зрения респондента, была не в наличии товара, а в его однообразии. К такому положению дел относились с юмором как возможности идентификации «своих» (интинцев) за пределами города.

*Здесь было **однообразие, но дефицита не было**. То есть просто было как бы в старое советское время, хорошо вспоминается, разовые акции. То есть, вот, приходит зима, зимняя одежда, «аляски», дубленки, шубы, кроссовки импортные зимние. Обувь любая: итальянская, венгерская, болгарская, все, пожалуйста, просто все это было, партию, ух, завезли. И **все одинаковые. Нормально** (муж.).*

Несмотря на идеализацию прошлого, респонденты признают, что советская система нуждалась в реконструкции, но не в столь радикальном виде, как это произошло.

Я всегда на все смотрел прогрессивно, я считал, что тот строй, который был при социализме, он уже застыл, что нужно было, что видоизменить, очень многие вещи тормозились наглухо, совсем не так, как

хотелось тоже <...> Я спрашивал: почему бы нам не сделать частные магазины, частные кафе, столовые, частные ателье? Но ни в коем случае как сейчас – отдавать железную дорогу, энергетику – это отдавать в частные руки нельзя. Стратегическое все это. Тяжелая промышленность. Все это должно быть как минимум под государственным контролем и с государственным управлением» (муж).

С нашей точки зрения, это означает присутствие критической рефлексии населения на переломе двух социальных систем: сравнение рыночных возможностей и соотнесение их с жизненным опытом в советский период, осознание утраты стабильности и социальной защищенности, изменение ценностных ориентиров и способов социального взаимодействия. Что особенно ярко проявилось в словах другого специалиста, жителя города: *«Нет, не все было хорошо в советское время, но крепкую четверку поставить можно, а сейчас только двойку. Верните нам Советский Союз»* (муж), а также в характеристиках повседневной жизни горожан сегодня, которая будет описана ниже.

Настоящее Инты: признаки «умирающего» города

Все считают, что, если я приезжаю с Севера, у меня мешок с деньгами.

Я говорю: приезжайте, дам мешок с лопатой, гребни!

Пожалуйста, мне не жалко <...>

Так что живем мы фиговенько! (жен.)

В настоящее время северные города находятся в режиме социального исключения (термин С. Ярошенко [19]). Неслучайно, что осмысление современного периода происходит посредством ограничения выбора жизненных стратегий и возможностей самореализации человека в обмен на широкий выбор потребительских товаров. Сегодня объемы доходов определяют социальный статус человека, а должность – стабильность позиции в социальной структуре общества. Если для жителей крупных российских городов становятся актуальными долгосрочные стратегии поведения, направленные на зарабатывание денег, профессиональную и должностную карьеру, то свобода выбора

форм жизнеобеспечения и стратегий профессиональной самореализации северянами ставится под сомнение. Приходит осознание, что выгоды от рынка извлекают лишь избранные, незначительная часть населения [18]. Она же устанавливает правила игры в обществе. В результате, советскому прошлому противопоставляется современная действительность, порождающая незнакомые ранее ощущения периферийности, чувства отдаленности от Центра, отрезанности от внешнего мира, социальной исключенности и ненужности. Данные чувства находят свое отражение в повседневных практиках безразличия к территории и сообществу.

*Очень сильные последние 3–4 года присутствуют **пессимистические настроения** в городе. Просто-напросто, причем у всех, что депутаты, что просто жители, единицы, старики наши, еще как-то об Инте вспоминают, потому что в хорошие времена жили. Всем остальным уже все равно. Я говорю, мне уже стало все равно (муж.).*

Восприятие реальности в качестве социально несправедливой снижает уровень удовлетворенности жизнью населением, усугубляя отток наиболее квалифицированных специалистов в более благополучные регионы России. Молодежь, получившая образование в центральных вузах, не видя перспектив профессиональной самореализации в родном городе, стремится закрепиться по месту учебы или в другом городе, но только не в Инте. Родители их поддерживают в этом.

Оставайся там (респондент рассказывает о старшей дочери, которой 25 лет, училась в Санкт-Петербурге, сейчас там живет и работает. – прим. Т.Л.). Живи там, потому что здесь делать нечего. Работы здесь нет. Куда ей идти здесь работать? Некуда. <...> В Питере осталась, а смысл ехать сюда? Здесь смысла нет, оставаться на Севере, особенно молодым. Вот сейчас кричат власти: надо молодым оставаться! За каким лешим им здесь оставаться? Здесь перспективы никакой нет (жен.).

Родители осознают, что их дети для того, чтобы адаптироваться к условиям жизни большого города, вынуждены работать на трех работах с надеждой, что в будущем они смогут сделать профессиональную карьеру, получать достойный заработок. И родители, и дети готовы испытывать серьезные лишения ради призрачных надежд, пото-

му что их место проживания, несмотря на экономический потенциал территории, больше не предоставляет тех благ, на которые они рассчитывали. Происходит осознание эксплуатации территории и человеческих ресурсов. Данное ощущение привязано к конкретному месту проживания: *«как можно жить в такой богатой природными ресурсами республике и жить так бедно?» (жен.), «почему вся страна живет на трубе, а те, кто добывают, живут так бедно?» (муж.)*. Падение уровня жизни населения, низкое качество услуг (транспортных, здравоохранения) воспринимается как признак разрушения среды проживания.

Снижение социального самочувствия населения вызвано контрастом сопоставления возможностей развития территории и результатов реальной хозяйственной практики. В ходе исследования респондентами были названы следующие перспективные стратегии развития территории: дальнейшее освоение природных ресурсов, развитие сельского хозяйства и туризма, развитие легкой промышленности.

Освоение природных ресурсов: *Далеко ходить не надо. Вот, пожалуйста, рядом у нас предприятие добывает кварц. Кварц находится в Желанном. Минерально-сырьевая база ресурса у нас в республике, мы должны как в Кувейте жить. Почему-то китайцы делают уже из него хрустальные бокалы, которые звенят 47 секунд. А мы что, на это не способны? <...> Почему у нас буксует все? Почему? Почему у нас месторождения в частные руки ушли, проданы? Почему? (жен.)*.

Развитие сельского хозяйства и туризма. *Почему вокруг этого оленя туризм не организовать? Да создайте инфраструктуру некоторую! Сюда будут ездить. Почему бы не приехать? Не покататься на оленях? Вокруг этого, допустим, оленьего стада организовать катание на снегоходах. <...> А там какая красота в горах. Для того чтобы туда поехать, посмотреть, как этот кварц добывают, эти штольни. Там все играет, все светится. А в каких красивых местах это все находится? А какая вода там льется? Вот сейчас я оттуда ехала. Там голубой лед от чистоты этого снега, от чистоты всего вокруг (жен.)*.

Развитие легкой промышленности. *Из нее (шкуры оленя) надо делать замшу. <...> Швеция сегодня делает из оленьих шкур такую замшу, что у них Версаче покупает на платье (жен.)*.

Вахта. *Ну уже сейчас многие ездят на вахту... Вы знаете сейчас человеческий фактор не очень-то учитывается. Ездить на вахту со средней*

полосы России... очень вредно для здоровья, это климатические перепады. И вы не знаете, сколько семей рушится из-за этого. Да и вахта вдали от дома... нет в этом особой радости. Поэтому такие города, построенные в советское время, хоть и говорят сейчас, что это нерентабельно, но точно гуманней по отношению к человеку (муж).

Также осознается необходимость инвестиций в развитие локальности, неспособной уже сегодня самостоятельно генерировать доходы внутри территории. В то же время примеры сотрудничества с предприятиями-варягами, зарегистрированными за пределами республики, ведущими производственную деятельность на территории северных городов, хорошо демонстрируют незаинтересованность руководителей предприятий в развитии территории, в том числе с точки зрения привлечения трудовых ресурсов на местах.

Основных специалистов они привозят своих. Наши идут туда только, ну скажем, так, с большим трудом попадают туда, потому что в основном, видно, специфика, что нужно.<...> На том моменте они пригодились бы, ну работали водителями, электриками, сторожами. Такая работа (муж.).

В свою очередь жители города, не востребованные в качестве трудовой силы по месту проживания, *вынуждены* трудоустраиваться тем же вахтовым методом в другие населенные пункты. Другие *вынуждены* приспосабливаться, предоставляя свободное жилье в аренду, открывая частные магазины по продаже предметов первой необходимости¹. Данные возможности «открываются» благодаря привлечению трудовой силы извне, но следует отметить, что для локальности такие виды сотрудничества являются краткосрочными стратегиями развития территории, не компенсирующими ущерба от добычи природных ресурсов. Получаемые муниципалитетом доходы недостаточны для развития альтернативных способов жизнеобеспечения территории. Местный рынок труда остается ограниченным.

С каждым последующим годом происходит депрофессионализация и снижение уровня мотивации среди работников, в то время как у работодателя появляется серьезный аргумент в пользу дальнейшей политики привлечения дешевой рабочей силы «извне». В результате

¹ Аналогичная ситуация в соседнем северном городе Воркуте [20].

вахтовый метод работы, который однозначно оценивается сегодня как наиболее экономичный и рациональный метод организации производства по сравнению с традиционной «оседлой» моделью [21], не учитывает риски и последствия принимающей территории. Иными словами, взаимосвязь частных инвестиций и извлечение максимальной выгоды обоснованы рынком, но они противоречат формированию долгосрочных стратегий развития территории. По сути, мы наблюдаем эффект бумеранга, отражающий отношение к местному населению в глубоких экономических преобразованиях страны, и если в советский период пострадали коренные жители региона, то на этот раз в число «исключенных» попадают бывшие покорители Севера, которые становятся его заложниками, и спасение утопающих становится делом рук самих утопающих [22].

Таким образом, динамика исторического развития свидетельствует о существенном влиянии государства на промышленное освоение северных территорий и городов. Советская политика 1970–1980-х гг. по отношению к Северу рассматривается респондентами как справедливая и гуманная: *«Если бы не деньги Союза, то Инта такой бы не стала. Нормальным таким, хорошим городом»*. Нарративы респондентов носят оценочный, сравнительный характер прошлого и настоящего. Почти двадцатилетнее отсутствие перспектив обуславливало «чемоданное» настроение его жителей и ностальгию по советскому прошлому, которое ассоциируется с возможностями самореализации, выбора места работы, отдыха и жительства, а также ощущением социальной значимости в большой стране. Ностальгия по советскому прошлому сохраняется, но только потому, что рынок резко ограничил возможности жителей в достижении материального благополучия, профессиональной самореализации и должностной карьеры.

1. Кагарлицкий Б. Загадка советского сфинкса // СССР: Жизнь после смерти / под ред. И.В. Глушеченко, Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: ВШЭ, 2012. – С. 8–16.
2. Тихонова Н.Е. На пути к новой стратификации российского общества // Общественные науки и современность. – 1998. – № 3. – С. 30.

3. Балабанова Е. С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегия «негативной адаптации» // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 46–57.
4. Виноградский В.Г. Крестьянские семейные хроники // Социологический журнал. – 1998. – №1/2. – С. 130–144.
5. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От Обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. – М., 2010.
6. Кротов П.П. Симптомы «Голландской болезни», найдется ли лекарство? Возможности экономической стабилизации ресурсного региона // Республика Коми: власть, бизнес, политика. Социологические этюды : сб. статей. – Сыктывкар, 1998. – С. 8–30.
7. Стыров М. Экстерриториальность финансового капитала промышленности: угрозы безопасности Севера России (по материалам Республики Коми) // Материалы VII Северного социально-экологического конгресса. – М.: ООО «Первая Оперативная Типография», 2012. – С. 302–307.
8. Гаджиев Ю.А., Акопов В.И. Тенденции экономического роста северных регионов России // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере. – Сыктывкар, 2013. – С. 182–188.
9. Колечков Д.В. Динамика производства валового муниципального продукта в Республике Коми // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере. – Сыктывкар, 2013. – С. 58–67.
10. Фаузер В.В. Негативный вектор миграции // Регион. – 2011. – № 5. – С. 36–39.
11. Попова Л.А., Терентьева М.А. Сравнительная характеристика динамики трудового потенциала регионов Северо-Западного федерального округа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 5 (29). – С. 98–111.
12. Города и районы РК. Социально-экономические показатели статистического сборника. – Сыктывкар, 2010.
13. Демографический ежегодник Республики Коми: статистический сборник. – Сыктывкар, 2013.
14. Статистический ежегодник РК: статистический сборник. – Сыктывкар, 2001.

15. Кротов П.П., Буравой М., Лыткина Т.С. Жилищная стратификация города: эволюция советской модели. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2003.
16. Лыткина Т.С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации : дис. ... канд. социол. наук. – М., 2005.
17. Лыткина Т.С. Контроль над производством, или Столкновение интересов участников трудовых отношений капиталистического предприятия // Современный менеджмент: проблемы, гипотезы, исследования : сб. науч. тр. – М.: ВШЭ, 2009. – С. 431–439.
18. Лыткина Т.С. Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – Т. XIV. – №1 (54). – С. 87–110.
19. Ярошенко С.С. Северное село в режиме социального исключения // Социс. – 2004. – № 7. – С. 71–83.
20. Нуйкина Е.В. Влияние вахтового метода на принимающие города Российского Севера (на примере г. Воркуты) // Известия Коми научного центра УрО РАН. – Сыктывкар, 2013. – Вып. 2 (14). – С. 107–116.
21. Черепанов Е.В. Особенности использования вахтового метода освоения и эксплуатации газовых месторождений: на примере Ямало-Ненецкого. авт. окр. – М.: Академия народного хозяйства при правительстве Российской Федерации, 1998.
22. Лыткина Т.С. Социальный капитал в решении социальных проблем: практики солидарности бедных в Республике Коми // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. XV. № 3 (62). – С. 130–154.

ГЛАВА 6

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РАЙОНАХ СЕВЕРА*

В понятийном демографическом словаре отмечается, что расселение населения – процесс распределения и перераспределения населения по территории, а также его результат – сеть поселений. Расселение населения включает собственно размещение населения и функциональные территориальные взаимосвязи населенных мест и миграции населения как способ осуществления межтерриториальных связей. Особо подчеркивается, что развитие индустриальной цивилизации, структурные изменения в экономике уменьшают зависимость расселения населения от природно-географических факторов, ведут к изменению в структуре потребностей населения и усиливают тенденцию к его концентрации в определенных районах и крупных городах. В свою очередь, региональные различия в режимах воспроизводства населения также существенно меняют рисунок расселения [13, с. 239–240].

Расселение – это процесс размещения людей по обитаемой территории: распределение поселений по территории, людей по поселениям и, наконец, само их расселение в населенных пунктах. То есть ключевым понятием расселения выступают поселение людей, их место жительства. Расселение тесно связано с интересами и потребностями производства и обусловлено размещением производственных и социальных организаций на той или иной территории. Однако нельзя понимать дословно, что рисунок расселения обусловлен лишь производством. Эта зависимость исторически изменчива. В настоящее время все большее понимание получает точка зрения, что размещение производства должно учитывать особенности жизнедеятельности населения конкретной территории, качество трудового и демографического потенциала.

До XX в. в Республике Коми, да и на Севере России в целом практически не было разделения на город и деревню в том смысле, в ка-

* Глава подготовлена при участии д.э.н. И.Г. Назаровой.

ком оно существует сегодня. В связи с этим важно понять и описать, как менялся характер расселения в Коми крае. Многие тенденции и направленность изменений в расселении, присущие республике, характерны и для Севера России в целом. Данное обстоятельство позволяет нам рассматривать расселение населения Республики Коми в контексте северных проблем в целом. Сложность процесса расселения населения объясняется его широкими взаимосвязями с экономикой, народонаселением и окружающей средой. Специфика расселения в районах Севера обусловлена прежде всего характером производства, отраслевой структурой промышленности и экстремальными природными условиями.

Выполняя ряд важных функций, расселение населения оказывает непосредственное воздействие на формирование населения, его адаптацию к среде обитания. Поэтому для успешного формирования населения необходимо выявить тенденции в расселении и установить, соответствуют ли они задачам эффективного развития и размещения производительных сил, социального развития общества. Важно определить такую организацию населения, которая не только способствовала бы росту эффективности общественного производства, но и обеспечивала благоприятные условия для всестороннего и гармоничного развития личности, полную и эффективную занятость. Расселение и демографические процессы связаны между собой единством субъекта – населением. Выяснение и анализ механизма этой связи необходимы для того, чтобы создать благоприятные расселенческие условия для улучшения демографической ситуации как по стране в целом, так и в региональном разрезе [14, с. 17].

Рассматривая процесс расселения населения в Коми крае, следует отметить, что основой формирования городов и рабочих поселков здесь выступало и выступает производство, а вернее – районы залегания дефицитных для страны полезных ископаемых, последние и определили конфигурацию или рисунок расселения населения.

При освоении и заселении Республики Коми исторически сложились две формы расселения: ленточное и очаговое. Для ленточного расселения характерно размещение населенных пунктов вдоль рек, линий железных и автомобильных дорог. Данный тип расселения был характерен до начала и в первоначальный период промышленного ос-

воения Республики Коми и Севера России в целом. При очаговом расселении населения в качестве основы выступает наличие месторождений каменного угля, нефти и газа, цветных и редких металлов, лесного и других видов природного сырья. Эта форма расселения является основной с момента промышленного освоения территорий.

На первом этапе промышленного освоения северных районов Республики Коми рабочие поселки создавались в непосредственной близости от мест приложения труда, по принципу – «жилье в пешеходной доступности от мест приложения труда» [10, с. 159]. В связи с этим возникло много обособленных мелких, иногда временных, малоблагоустроенных поселений, функционально и планировочно не связанных друг с другом. По численности эти поселки насчитывали менее 3 тыс. жителей, что влекло за собой повышенные градостроительные затраты за счет низкой плотности застройки. По мере выработки месторождений часть поселков ликвидировалась.

Малая общая численность населения, особенности хозяйственного освоения, разбросанность ископаемых богатств, трудность транспортных связей и некоторые другие факторы обусловили формирование на Севере определенной системы расселения, характеризующейся наличием большого числа мелких и мельчайших поселений, специализирующихся на выполнении той или иной функции и часто объединенных в отдельные группы, каждая из которых представляет собой своеобразный хозяйственно-административный комплекс [18, с. 49].

В период с 1979 по 2002 г. насчитывалось более половины числа городских поселений на Севере России с числом жителей до 5,0 тыс. человек, что в полтора раза выше, чем по Российской Федерации в целом. С 1989 г. происходит уменьшение количества городских населенных пунктов. Если в 1989 г. городское население Севера проживало в 463 населенных пунктах, то в 2002 г. уже в 385 (уменьшение на 78, или 16,8% от числа в 1989 г.). За последний межпереписной период количество городских населенных пунктов уменьшилось еще на 82, или на 21,3% от числа в 2002 г., в том числе 68 с числом жителей до 5,0 тыс. человек, но доля их незначительно уменьшилась и согласно данным переписи 2010 г. составила 45,2% (табл. 6.1).

Таблица 6.1

Распределение числа городских поселений по числу жителей северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, по данным переписей населения 1979–2010 гг.

	Год	Городские поселения с числом жителей												
		число							%					
		до 5000	5000- 9999	10000- 19999	20000- 49999	50000- 99999	100000- более	всего	до 5000	5000- 9999	10000- 19999	20000- 49999	50000- 99999	100000- более
Российская Федерация	1979	1127	745	504	379	138	152	3045	37,0	24,5	16,6	12,4	4,5	5,0
Север России		247	77	49	35	9	12	429	57,6	17,9	11,4	8,2	2,1	2,8
Европейский Север		107	28	26	19	7	6	193	55,4	14,5	13,5	9,9	3,6	3,1
Азиатский Север		140	49	23	16	2	6	236	59,3	20,8	9,7	6,8	0,9	2,5
Российская Федерация	1989	1143	795	564	398	165	165	3230	35,4	24,6	17,5	12,3	5,1	5,1
Север России		242	75	75	43	15	13	463	52,3	16,2	16,2	9,3	3,2	2,8
Европейский Север		110	24	27	21	7	7	196	56,1	12,2	13,8	10,7	3,6	3,6
Азиатский Север		132	51	48	22	8	6	267	49,4	19,1	18,0	8,2	3,0	2,3
Российская Федерация	2002	1020	683	524	383	163	167	2940	34,7	23,2	17,8	13,0	5,6	5,7
Север России		205	57	57	41	12	13	385	53,2	14,8	14,8	10,7	3,1	3,4
Европейский Север		66	20	31	18	5	6	146	45,2	13,7	21,3	12,3	3,4	4,1
Азиатский Север		139	37	26	23	7	7	239	58,2	15,5	10,9	9,6	2,9	2,9
Российская Федерация	2010	667	570	444	386	155	164	2386	27,9	23,9	18,6	16,2	6,5	6,9
Север России		137	55	44	43	10	14	303	45,2	18,2	14,5	14,2	3,3	4,6
Европейский Север		48	26	23	18	5	5	125	38,4	20,8	18,4	14,4	4,0	4,0
Азиатский Север		89	29	21	25	5	9	178	50,0	16,3	11,8	14,0	2,8	5,1

Следует отметить, что формирование городских поселений того или иного типа определялось прежде всего хозяйственной специализацией и перспективами дальнейшего развития региона, которые зависели в первую очередь от «жизненности» или «долголетия» градообразующей отрасли. В Республике Коми основными градообразующими отраслями промышленности являются: лесная, нефтегазовая и угольная.

Районы Севера, как и районы республики, сильно различаются объективными условиями хозяйственного развития и проживания людей. Так, на Дальнем Севере пришлое население может функционировать лишь в «сменном режиме», а Арктика вовсе противопоказана для сколько-нибудь значительного заселения. Велики различия в удельных затратах на обустройство населения, на создание объектов производственной и социальной инфраструктуры. Все это предъявляет особые требования к градостроительной политике, к организации системы расселения [11]. Республика Коми является идеальным объектом для исследования системы расселения, занимая промежуточное положение между более южными районами европейской части России и Азиатским Севером [7, с. 45].

Заселение Республики Коми исторически шло по рекам вдоль нижней и средней Вычегды, Сысолы и Лузы, на средней Печоре. С промышленным освоением стали преобладать очаговые формы расселения в местах концентрации природных ресурсов. Большинство городских и значительная часть сельских поселений республики связаны с развитием промышленности или выполнением транспортно-распределительных функций по обслуживанию районов промышленного освоения.

Наибольшее распространение по территории республики получила лесозаготовительная промышленность. Это самая старая отрасль, развитие которой в первоначальный период освоения опиралось на речную сеть и существующие села и деревни. Рассредоточенный характер лесозаготовок создал предпосылки к формированию населенных пунктов небольшой величины и рассредоточенному расселению.

Угольная, нефтяная и газовая отрасли промышленности требуют формирования сети главным образом городских поселений уже в начальной стадии организации предприятий.

Специализация хозяйства на ресурсных отраслях определила специфику расселения в республике: низкую плотность населения, редкую сеть населенных пунктов, их небольшую величину и узкий функциональный профиль, очаговый характер расселения, слабость внутрирайонных социально-экономических связей и недостаточный уровень развития социально-бытовой инфраструктуры (табл. 6.2).

Таблица 6.2

**Основные показатели расселения в Республике Коми
по данным переписей населения 1959–2010 гг.**

Показатели	1959	1979	1989	2002	2010
Динамика численности населения, % к предыдущей переписи					
- всего	100,0	136,1	112,7	81,4	88,5
- городского	100,0	162,4	120,1	81,2	90,5
- сельского	100,0	97,8	94,6	82,3	82,4
Доля городского населения, %	59,4	70,8	75,5	75,3	76,9
Средняя плотность населения, человек на кв. км – всего	2,0	2,7	3,0	2,4	2,2
в том числе сельского	0,8	0,8	0,7	0,6	0,5
Средняя величина поселений, человек					
- городов	42000	72524	71510	62602	58657
- поселков городского типа с населением	6200	5933	5096	4534	4110
- сельских с населением	207	415	415	354	304
Средняя густота поселений с населением на 10000 кв. км.	39	20	19	18	17

Главные особенности расселения в Республике Коми сводятся к тому, что она продолжает оставаться редкозаселенной территорией с распространением очаговых форм расселения и небольших по людности населенных пунктов:

- плотность населения в 3,8 раза ниже, чем в среднем по России (2,2 человека на кв. км), на большей части территории (75,5% площади) она не достигает и 2 человек на кв. км, из них 42,3% площади не достигает 1 человека на кв. км;
- на 10 тыс. кв. км приходится всего лишь 17 поселений;
- средняя людность городских поселений – 19 тыс. человек, сельских – 304 человек.

Рисунок расселения населения Республики Коми существенно изменился с вводом в эксплуатацию Печорской магистрали, которая стала экономической осью и сыграла роль оси расселения. Со строительством ответвлений на Сыктывкар, Кослан, Троицко-Печорск и Усинск возникли новые промышленные и транспортные поселки. Железнодорожная сеть явилась в определенной степени опорным каркасом расселения. На ней размещаются девять городов и преобладающая часть поселков городского типа (пгт).

Начиная с 1950-х гг. экстенсивное освоение месторождений угля, нефти и газа, расположенных в северной части республики, и продвижение лесозаготовок на север привели к резкому росту численности населения, особенно в северных районах. Это изменило и географию расселения в пользу северных территорий. Достаточно отметить, что доля районов Дальнего Севера в населении республики увеличилась с развитием угольной промышленности с 19,4% в 1939 г. до 38,3% в 1970 г.; районов Среднего Севера, заселение которых связано прежде всего с освоением месторождений нефти и газа, – с 22,9 до 29,0%; удельный вес остальных (южных) районов Ближнего Севера, издавна более обжитых, снизился с 57,7% до 32,7%.

После 1939 г. образовалось и большинство городских населенных пунктов. Особенно интенсивный процесс урбанизации наблюдался в 1939–1959 гг., когда возникло 6 городов и 29 поселков городского типа. В 1990-е гг. в республике наметились новые тенденции перераспределения населения внутри республики и его расселении. Генеральное направление изменения размещения населения в последние два десятилетия – это его перемещение в южные районы республики или на Ближний Север и сокращение населения в районах Дальнего Севера.

Если рассматривать сдвиги в расселении в разрезе муниципальных образований городов и районов, то сохраняется тенденция «перелива» населения на территорию городов и, как обратный результат, – сокращения доли сельских районов. На города по сравнению с их удельным весом в площади республики приходится в 1,9 раза больше жителей. Как подтверждают данные таблицы 6.3, изменения в размещении населения определяют в первую очередь гг. Сыктывкар и Ухта.

Таблица 6.3

**Перераспределение населения по территории Республики Коми
в 1980–2014 гг.**

Административно-территориальные образования	Удельный вес в площади, %	Удельный вес в населении, %				
		1980 г. ¹	1990 г. ²	2000 г.	2010 г. ³	2014 г. ⁴
Республика Коми	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Города	39,9	70,6	73,9	73,4	74,1	75,0
Сыктывкар	0,2	17,2	19,0	23,6	27,2	29,6
Воркута	5,8	17,8	17,4	13,8	10,9	9,7
Вуктыл	5,4	2,3	2,2	1,9	1,7	1,5
Инта	7,2	5,6	5,6	4,9	4,0	3,6
Печора	6,9	7,5	7,5	6,7	6,4	6,2
Сосногорск	3,9	5,5	5,0	5,1	5,2	5,2
Усинск	7,3	4,2	5,7	5,1	5,3	5,3
Ухта	3,2	10,5	11,4	12,3	13,4	13,9
Районы	60,1	29,4	26,1	26,6	25,9	25,0
Ижемский	4,4	2,2	1,9	2,1	2,1	2,0
Княжпогостский	5,9	3,3	3,2	2,9	2,6	2,4
Койгородский	2,5	1,3	1,0	1,0	0,9	0,9
Корткеросский	4,7	2,5	2,1	2,3	2,2	2,2
Прилузский	3,2	2,6	2,3	2,4	2,3	2,2
Сыктывдинский	1,8	2,4	2,2	2,3	2,5	2,7
Сысольский	1,5	1,7	1,5	1,6	1,6	1,5
Троицко-Печорский	9,8	2,6	2,1	1,8	1,6	1,4
Удорский	8,6	2,0	1,9	2,3	2,3	2,2
Усть-Вымский	1,2	3,8	3,4	3,3	3,3	3,2
Усть-Куломский	6,3	3,5	3,2	3,1	3,0	2,9
Усть-Цилемский	10,2	1,5	1,3	1,5	1,5	1,4

¹ С учетом пересчета численности от итогов переписи населения 1989 г.

² С учетом пересчета численности от итогов переписи населения 2002 г.

³ С учетом пересчета численности от итогов переписи населения 2010 г.

⁴ Оценка численности населения.

Таким образом, новое явление последних лет – территориальное перераспределение населения с севера на юг: рост концентрации населения в районах Ближнего Севера и сокращение в районах Дальнего Севера.

Республика Коми – один из урбанизированных регионов России. На начало 2014 г. в ее составе насчитывалось 10 городов и 29 поселков городского типа. Доля городского населения (77,5%) в республике выше, чем во многих других областях России. Однако этот про-

стейший показатель урбанизации еще не свидетельствует о высоком уровне урбанизированности территории республики [3]. Подтверждением этого является низкая насыщенность территории городами. На один город приходится свыше 40 тыс. кв. км. Плотность городов (0,24 на 10 тыс. кв. км) много ниже критической нормы. Следует отметить молодость сети городских поселений, 90% которых созданы в послевоенный период, их небольшие размеры и повышенную долю поселков городского типа (более 74%).

Интенсивное промышленное освоение природных ресурсов привело к образованию большого числа узкоспециализированных рабочих поселков. Как правило, они создавались в непосредственной близости от мест приложения труда, были невелики по своим размерам и мало благоустроены, обособлены и функционально не связаны друг с другом. Несмотря на рост мелких поселков, неизбежно шел процесс перерастания некоторых из них в города. Так возникли города Воркута и Инта – центры угольной промышленности, Ухта, Сосногорск, Вуктыл, Усинск – центры нефтегазовой промышленности, Печора, Микунь, Емва – лесопромышленные и транспортные центры. В дальнейшем с расширением производственных и социально-культурных функций Воркута, Печора и Ухта превратились в многофункциональные промышленные центры.

Особое место среди городов занимает Сыктывкар – столица республики и крупный многофункциональный центр. Сыктывкар, возникший в 1780 г., – самый большой город республики с населением свыше 200 тыс. человек.

Города Республики Коми различаются и по своей величине: к большим (более 100 тыс. жителей) относится только Сыктывкар; к средним (от 50 до 100 тыс. жителей) – Воркута, Ухта; к малым (менее 50 тыс. жителей) – Вуктыл, Емва, Инта, Микунь, Печора, Сосногорск, Усинск (без населенных пунктов, подчиненных городской администрации).

Поселки городского типа более узко специализированы, чем города, и невелики по своим размерам. В образовании их особенно большая роль принадлежит лесной, угольной и нефтегазовой отраслям промышленности.

В Республике Коми наблюдался интенсивный процесс урбанизации вплоть до 1980-х гг., когда не только увеличилась численность

городского населения, но и расширялась сеть городских поселений. Так, на территории республики было городских населенных пунктов: в 1939 г. – 3, 1959 г. – 38, 1979 г. – 54, 1989 г. – 55. Одновременно под воздействием социально-экономических потребностей росли взаимосвязи между населенными пунктами, формировались группы поселений в пределах промышленных районов.

В 1990-е гг. процесс урбанизации замедлился. В противовес установившейся ранее тенденции роста численности городского населения впервые за длительный период в абсолютном большинстве городских поселений уменьшилось число жителей, как и само число городских населенных пунктов (табл. 6.4).

Городское население сократилось отчасти и по причине упразднения ряда поселков городского типа, преобразования их в сельские пункты, т.е. уменьшения самого числа городских поселений. За период между переписями населения 1989 г. и 2002 г. были переведены в ранг сельских 15 поселков, один (Хальмер-Ю) с закрытием шахты снят с учета и только вновь образованы два поселка городского типа, общее количество городских населенных пунктов в 2002 г. составило 41.

В результате произошли изменения в соотношении городского и сельского населения (незначительно снизилась доля городского населения с 75,5% в 1989 г. до 75,3% в 2002 г.).

Процессы расселения в Республике Коми характеризуются концентрацией населения как в городской, так и в сельской местности. Доля населения городов возросла в составе городского населения с 75,7% в 1989 г. до 81,7% в 2002 г., но уменьшилась абсолютно с 715,1 тыс. человек в 1989 г. до 626,0 тыс. человек в 2002 г. или на 89,1 тыс. человек (12,5%) при сокращении общей численности городского населения на 177,8 тыс. человек (18,8%). Уменьшение численности городов повлекло перераспределение городов между их группами по величине. С резким сокращением населения Воркута перешла в разряд средних городов (до 100 тыс. человек), а Инта и Печора стали относиться к малым городам (до 50 тыс. человек). Доля проживающих в больших и средних городах снизилась с 48,7% в 1989 г. до 43,5% в 2002 г. и с 13,5% в 1989 г. до 11,1% в 2002 г. соответственно, а в малых городах возросла в 2 раза (с 13,5% в 1989 г. до 27,1% в 2002 г.), и численность населения в них увеличилась с 127,7 до 207,8 тыс. человек.

Таблица 6.4

**Распределение городских поселений Республики Коми по числу жителей
по данным переписей населения 1979–2010 гг.**

Группы поселений по величине, тыс. человек	Число городов и поселков городского типа				Численность населения							
					тыс. человек				%			
	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Города	7	10	10	10	507,7	715,1	626,0	586,6	64,6	75,7	81,7	84,6
большие (100 и более)	2	3	2	1	272,5	459,9	333,3	235,0	34,7	48,7	43,5	33,9
средние (50–99,9)	3	2	1	2	197,4	127,5	84,9	170,2	25,1	13,5	11,1	24,5
малые (49,9 и менее)	2	5	7	7	37,8	127,7	207,8	181,4	4,8	13,5	27,1	26,2
Поселки городского типа	47	45	31	26	278,8	229,3	140,6	106,8	35,4	24,3	18,3	15,4
крупные (20 и более)	1	2	-	-	20,1	46,8	-	-	2,5	4,9	-	-
большие (10–19,9)	10	5	4	1	140,7	62,0	52,9	12,0	17,9	6,6	6,9	1,7
средние (5–9,9)	8	7	5	8	57,2	51,0	38,1	62,7	7,3	5,4	4,9	9,1
малые (4,9 и менее)	28	31	22	17	60,8	69,5	49,6	32,1	7,7	7,4	6,5	4,6
Итого	54	55	41	36	786,5	944,4	766,6	693,4	100,0	100,0	100,0	100,0
Кроме того, поселки городского типа без населения	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-

В первом десятилетии XXI в. темпы сокращения численности городского населения (18,8% в 2002 г. по сравнению с 1989 г., а в 2010 г. по сравнению с 2002 г. – 9,5%) и числа городских поселений замедлились по сравнению с сельским населением, где темпы сокращения численности остались на прежнем уровне (17,7% в 2002 г. по сравнению с 1989 г. и 17,6% в 2010 г. по сравнению с 2002 г.). Соответственно, доля городского населения, согласно данным переписи населения 2010 г., увеличилась с 75,3% в 2002 г. до 76,9%. С 2002 по 2010 г. число городских населенных пунктов уменьшилось всего на два поселка городского типа (пгт Советский, Цементнозаводской) и в настоящее время составляет 39, в т.ч. три поселка городского типа без населения, также подчиненные г. Воркуте. За данный период времени доля населения городов возросла в составе городского населения на 2,9% по сравнению с 2002 г. и составила 84,6% в 2010 г., а в составе всего населения – 65,1% (2002 г. – 61,5%). В 2010 г. в городах проживало 586,6 тыс. человек, что на 39,4 тыс. человек (на 6,3%) меньше, чем в 2002 г. при общем уменьшении численности городского населения на 73,2 тыс. человек (на 9,5%). За счет перехода Ухты в разряд средних городов доля больших городов снизилась с 43,5% в 2002 г. до 33,9% в 2010 г., соответственно, доля средних городов возросла с 11,1% до 24,5%.

Доля поселков городского типа в численности горожан из года в год уменьшается с 24,3% в 1989 г. до 18,3% в 2002 г. и 15,4% в 2010 г. Число жителей в них постоянно сокращается с 229,3 тыс. человек в 1989 г. до 140,6 тыс. человек (на 38,7%) в 2002 г. и до 106,8 тыс. человек в 2010 г. (на 24,0%), т.е. численность жителей в поселках городского типа сократилась на 122,5 тыс. человек или более чем в два раза. Хотя и происходит перераспределение населения между категориями городских поселений, но по их числу продолжают доминировать поселки городского типа (72,2% в сети городских населенных пунктов с населением в 2010 г.; 75,6% – в 2002 г.; 81,8% – 1989 г.).

Причем из 26 поселков 17 имеют людность меньше 5 тыс. человек. Наиболее крупные рабочие поселки: Воргашор (12,0 тыс. человек), Нижний Одес (9,7 тыс. человек), Северный (9,0 тыс. человек) и Жешарт (8,6 тыс. человек). Мелкопоселковая структура – одна из причин низкого уровня комфортности жизненных условий.

Особого внимания требует к себе сеть сельских поселений Республики Коми. Исторически сложилось так, что жителями села являлись лица коренной национальности – коми. Сохраняется эта тенденция и сегодня. По переписи населения 2010 г., из 202,3 тыс. лиц коми национальности в сельской местности проживали 107,6 тыс. человек, или 53,2% от их общей численности (1989 г. – 53,2%, 2002 г. – 53,8%). Данное обстоятельство сказалось на том, что расселение в сельской местности республики имеет свои особенности: сельские районы существенно отличаются от городских социально-демографическим составом населения, своеобразием в территориальной организации и социальной среде обитания [16].

Для оценки региональной среды обитания используют два типа данных: во-первых, общие характеристики регионов, отражающие условия жизни их населения; во-вторых, усредненные показатели развития поселений, в границах которых осуществляется основная часть жизнедеятельности людей [15, с. 161].

Изучение особенностей заселенности сельской местности региона представляет интерес двоякого рода: с одной стороны, характер заселенности отражает степень социальной освоенности территории и возможность взаимного развития групп поселений; с другой стороны, определенный уровень заселенности является необходимым условием экономического развития территории. Важно и то, что обслуживание и эксплуатация пространственно протяженных коммуникаций и инженерных сооружений инфраструктуры при слабой заселенности требуют больших затрат и поэтому не могут быть достаточно эффективными. Для организации межселенного культурно-бытового обслуживания сельского населения также необходим достаточно высокий уровень заселенности территории. Особенности заселения обусловлены множеством факторов, среди которых важнейшими являются сельскохозяйственное освоение земли, наличие путей сообщения, развитость опорных центров расселения, наличие необходимого демографического потенциала [17, с. 56].

Сеть сельских населенных пунктов, связанная в первую очередь с сельскохозяйственным производством, во многом зависит от размещения сельскохозяйственных угодий, характера их использования. В

районах Российского Севера она в большей степени подвержена влиянию экстремальных природных условий [12].

Влияние экстремальных условий на величину сельских населенных пунктов видно по Европейскому и Азиатскому Северу. На Европейском Севере средняя величина сельских населенных пунктов с 1970 по 2002 г. увеличилась, но по-прежнему оставалась меньше, чем по России в целом, и уменьшилась с двух до трех раз по сравнению с Азиатским Севером, где климат намного суровее. За период с 2002 по 2010 г. численность сельского населения Европейского Севера сократилась на 15,8%, а число сельских населенных пунктов с населением сократилось на 6,9%, что повлекло уменьшение средней величины сельских населенных пунктов с 171 человек до 154. Тогда как на Азиатском Севере численность сельского населения увеличилась на 102,6%, а число пунктов уменьшилось на 17,0% и средняя величина сельских населенных пунктов с населением составила в 2010 г. 699 человека, что в 4,5 раза выше, чем на Европейском Севере (табл. 6.5).

Таблица 6.5

Средняя величина сельских поселений северных субъектов, территории которых относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, по данным переписей населения 1970–2010 гг., человек

Регионы	Год			
	1970	1979	2002	2010
Российская Федерация	226	240	272	281
Север России	193	251	269	274
Европейский Север	152	170	171	154
Азиатский Север	295	475	582	699

Что касается увеличения людности сельских населенных пунктов, то по Российскому Северу и Российской Федерации с 1979 по 2010 г. наблюдались одинаковые тенденции: шло уменьшение доли населения, проживающего в населенных пунктах с численностью до 1000 человек, и ее увеличение с числом жителей более 1000 человек. При этом следует отметить, что для Азиатского Севера всегда была характерна повышенная людность населенных пунктов. Здесь сказывается транспортная составляющая и более суровый климат (табл. 6.6).

Таблица 6.6

Удельный вес населения в сельских населенных пунктах по числу жителей северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, по данным переписей населения 1979-2010 гг., %

Год	Регионы	Сельские населенные пункты с числом жителей, чел.		
		200 и менее	201–1000	более 1000
1979	Российская Федерация	16,5	40,9	42,6
	Север России	13,2	42,6	44,2
	Европейский Север	20,2	43,9	35,9
	Азиатский Север	6,3	41,2	52,5
2002	Российская Федерация	11,6	36,6	51,8
	Север России	10,4	39,5	50,1
	Европейский Север	16,8	39,9	43,3
	Азиатский Север	4,5	39,1	56,4
2010	Российская Федерация	11,0	34,2	54,8
	Север России	9,4	37,8	52,8
	Европейский Север	17,4	39,9	42,7
	Азиатский Север	3,2	36,2	60,6

В сложившейся системе расселения в Республике Коми имеют место существенные различия в уровне заселения и сельскохозяйственного освоения отдельных территорий в зависимости от их зонального расположения и исторического периода освоения. Степень освоенности территории республики отличается от Российской Федерации в целом меньшей плотностью сельского населения и густотой сети сельских населенных пунктов, слабой взаимосвязью их друг с другом и т.д., что существенно сказывается на условиях жизнедеятельности людей, режиме их воспроизводства, территориальной и социальной мобильности (табл. 6.7).

Таблица 6.7

Показатели сельского расселения в Республике Коми по данным переписей населения 1979-2010 гг.

Показатели	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
1	2	3	4	5
Численность сельского населения, чел.	323843	306424	252087	207753
Доля сельского населения, %	29,1	24,5	24,7	23,1
Средняя плотность сельского населения, чел. на кв. км	0,8	0,7	0,6	0,5

Окончание табл. 6.7

1	2	3	4	5
Число сельских населенных пунктов	788	748	729	720
в т.ч.				
без населения	8	9	17	36
с населением	780	739	712	684
Средняя величина поселений, чел.				
в т.ч.	411	410	346	289
с населением	415	415	354	304
Средняя густота сельских поселений с населением на 10 тыс. кв. км	19	18	17	16

Для сельского расселения в Республике Коми характерны: низкая плотность населения, мелкоселенность и редкая сеть населенных пунктов, приуроченность к долинам рек, большое число сельских населенных пунктов несельскохозяйственного профиля, неразвитость транспортных связей, низкий уровень развития социальной инфраструктуры и т.д. Плотность сельского населения, рассредоточенного по территории по сравнению с городским, чрезвычайно низкая – 0,5 человека на кв. км, а средняя густота сельских населенных пунктов – всего лишь 16 поселений с населением на 10 тыс. кв. км.

Очень редко заселена обширная восточная часть республики. На территории, занимающей больше половины ее площади (Троицко-Печорский и Усть-Цилемский районы, все города, за исключением Печоры и Сосногорска), средняя плотность сельского населения колеблется от 0,03 до 0,3 человек на кв. км, а густота сельских поселений на 10 тыс. кв. км – от 3 до 9 населенных пунктов (табл. 6.8).

Таблица 6.8

Показатели сельского расселения по административно-территориальным образованиям Республики Коми по данным переписей населения 1989–2010 гг.

Административно-территориальные образования	Доля сельского населения, %			Средняя плотность, чел. на кв. км			Средняя людность поселений, чел.			Средняя густота поселений на 10 тыс. кв. км		
	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Республика Коми	24,5	24,7	23,1	0,7	0,6	0,5	410	346	289	18	17	17

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Города республиканского значения с подчиненной им территорией												
Сыктывкар	0,3	0,5	0,4	1,1	1,7	1,5	387	386	356	29	43	43
Воркута	0,7	1,3	0,6	0,1	0,1	0,0	405	256	88	2	3	3
Вуктыл	31,3	21,1	16,9	0,4	0,2	0,1	742	388	252	5	4	4
Инта	5,2	6,6	5,6	0,1	0,1	0,1	178	153	99	7	7	7
Печора	13,1	16,7	15,3	0,4	0,4	0,3	441	394	313	10	10	10
Сосногорск	19,6	13,8	12,7	0,7	0,4	0,4	647	402	372	12	11	10
Усинск	17,4	11,5	10,9	0,4	0,2	0,2	715	339	286	6	6	6
Ухта	2,6	2,6	2,4	0,3	0,3	0,2	332	238	227	8	11	10
Районы												
Ижемский	82,2	100,0	100,0	1,0	1,2	1,0	600	633	552	17	18	18
Княжпогостский	37,7	33,4	27,2	0,6	0,4	0,3	304	211	142	20	19	18
Койгородский	89,1	100,0	100,0	1,1	1,0	0,8	530	477	401	20	20	20
Корткеросский	100,0	100,0	100,0	1,4	1,2	1,0	469	446	371	29	27	27
Прилузский	100,0	100,0	100,0	2,1	1,9	1,6	297	272	233	72	69	67
Сыктывдинский	96,1	100,0	100,0	3,6	3,3	3,0	517	494	462	69	66	65
Сысольский	100,0	100,0	100,0	3,2	2,8	2,3	236	211	177	136	131	130
Троицко-Печорский	49,7	49,7	47,7	0,3	0,2	0,2	383	265	208	8	8	8
Удорский	77,3	59,4	56,0	0,5	0,4	0,3	362	287	220	15	15	15
Усть-Вымский	41,7	36,2	34,5	3,8	2,6	2,1	334	241	200	112	106	106
Усть-Куломский	94,3	100,0	100,0	1,4	1,2	1,0	598	510	426	24	24	24
Усть-Цилемский	100,0	100,0	100,0	0,4	0,4	0,3	403	416	352	10	9	9

Различия в размещении сельского населения возникли в результате длительного процесса заселения и хозяйственного освоения территории. Издавна сложились наиболее крупные полосы заселения в юго-западных районах Республики Коми, вдоль средней и нижней Вычегды, Сысолы и Лузы; крупный ареал – на нижней Печоре, в местах впадения в нее притоков Ижмы и Цильмы [5, с. 18]. С реками были связаны места рыболовства, развития животноводства на пойменных лугах, благоприятные почвенные условия для земледелия. И именно здесь концентрировалось население коренной национальности – коми.

По данным переписи населения 2010 г., основная часть сельского населения сосредоточена в юго-западных районах республики. Только в Прилузском, Сыктывдинском, Сысольском и Усть-Вымском рай-

онах проживают около 32,5% всего сельского населения, хотя они занимают менее 8% площади республики. Плотность сельского населения колеблется в них от 2 до 3 человек на кв. км. Здесь самая густая сеть сельских поселений: от 65 на 10 тыс. кв. км в Сыктывдинском районе до 130 в Сысольском, что в 4–8 раз превышает среднереспубликанский показатель.

Одна из проблем сельского расселения – сокращение поселенческой сети. По данным переписи населения 2010 г., сельское население Республики Коми проживало в 684 населенных пунктах. На развитие современной поселенческой сети оказывали влияние разные факторы, но решающую роль играли социально-экономические, действие которых привело к сокращению сети населенных пунктов (1959 г. – 1601; 1970 г. – 1055; 1979 г. – 780; 1989 г. – 739; 2002 г. – 712; 2010 г. – 684 сельских поселений с населением). Интенсивное сокращение числа сельских поселений в 1960–1970 гг. было вызвано не только исчезновением большого числа мелких населенных пунктов, принятием в 1960-е гг. ошибочных решений о делении всех сельских поселений на «перспективные» и «неперспективные», но и изменениями методов их учета. На динамику числа поселений после переписи 1989 г. оказал влияние перевод 15 поселков городского типа в категорию сельских. Тем не менее процесс сокращения сельских населенных пунктов не прекращается и происходит практически во всех административных районах республики (табл. 6.9). Это подтверждает и опустение деревень, в которых никто не проживает. Если в 1979 г. было 8 «пустых» поселений, не имеющих постоянных жителей, то в 1989 г. – 9, 2002 г. – уже 17.

Таблица 6.9

Изменение числа сельских населенных пунктов по административно-территориальным образованиям Республики Коми в 1979–2010 гг.

Административно-территориальные образования	Число сельских населенных пунктов			
	1979 г.*	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Республика Коми	780	748	729	720
<i>Города республиканского значения с подчиненной им территорией</i>				
Сыктывкар	4	2	3	3
Воркута	4	4	7	7
Вуктыл	13	12	10	10
Инта	22	21	20	20

Окончание табл. 6.9

1	2	3	4	5
Печора	29	28	28	28
Сосногорск	21	19	18	16
Усинск	16	17	18	18
Ухта	13	11	14	13
Районы				
Ижемский	32	32	34	34
Княжпогостский	53	49	47	45
Койгородский	25	21	21	21
Корткеросский	59	58	53	53
Прилузский	100	95	91	89
Сыктывдинский	51	51	49	49
Сысольский	88	83	80	79
Троицко-Печорский	37	34	33	32
Удорский	53	53	52	52
Усть-Вымский	55	54	51	51
Усть-Куломский	64	63	63	63
Усть-Цилемский	41	41	37	37

* Включены населенные пункты, имеющие постоянное население

Наибольшее количество сельских населенных пунктов без населения расположено в МО «Город Усинск» – 4, что составляет 22,2% от общего их количества. Только за предпоследний межпереписной период (1989–2002 гг.) сняты с учета 46 сельских населенных пунктов.

Наибольшее число сельских поселений сократилось в Корткеросском, Княжпогостском, Усть-Цилемском и Сысольском районах республики. Из учета исчезли прежде всего мелкие деревни и лесные поселки, половина из них имела число жителей до 50 человек. Согласно административно-территориальному делению республики в 1989–2002 гг. из учетных данных исключены в Корткеросском районе – 7 сельских населенных пунктов, в Сысольском районе – 3 деревни и поселок, имеющие общую численность населения 12 человек. По ряду объективных причин довольно сложно выявить истинное положение всех изменений в сети сельских поселений. Можно лишь с уверенностью утверждать, что быстрее других теряют население и постепенно исчезают деревни, наиболее удаленные от местных центров и не имеющие с ними круглогодичной, транспортной связи. Так, в Верхолузском сельсовете Прилузского района, расположенном в

81–96 км от райцентра, из девяти населенных пунктов, существовавших в 1968 г., имеется население в настоящее время только в трех; в Вочевском сельсовете Усть-Куломского района, удаленном от райцентра на 79–110 км, из девяти населенных пунктов осталось четыре поселения и т.д. [1].

В дальнейшем, а именно в течение последнего межпереписного периода, было упразднено по республике еще десять сельских населенных пунктов: по два в Сосногорске, Ухте, Княжпогостском и Прилузском районах и по одному в Сысольском и Троицко-Печорском районах. Был зарегистрирован на территории, подчиненной Ухте, вновь возникший поселок сельского типа Веселый Кут. На начало 2012 г. в республике насчитывалось 720 сельских населенных пунктов, в т.ч. 36 населенных пунктов без населения [9, с. 4].

Сопоставляя данные за последние 50 лет (1959–2010 гг.) о составе поселений по их величине, можно отметить две характерные тенденции. Во-первых, обращает на себя внимание постоянный рост числа самых малых населенных пунктов с людностью до 50 человек (со 156 до 250). Во-вторых, сократилось число всех групп поселений, имеющих от 50 до 2000 жителей (с 606 до 420). И только число крупных населенных пунктов людностью свыше 2000 человек оставалось стабильным (18 поселений до 2002 г., в 2010 г. – 14).

Более половины (63,1%) всех сельских населенных пунктов представляют деревни с населением до 200 жителей, в которых лишь выборочно создаются те или иные учреждения сферы услуг. На населенные пункты с населением 200–500 человек, имеющих лишь ограниченный набор учреждений повседневного обслуживания, приходится четверть всех поселений (22,4%). Таким образом, 85,5% всех населенных пунктов с населением (585 поселений) не обладают демографической базой для создания полного комплекса культурно-бытового обслуживания населения (табл. 6.10).

Таблица 6.10

Распределение сельских населенных пунктов Республики Коми по числу жителей по данным переписей населения в 1959–2010 гг., %

Группы поселений по величине, человек	Число поселений					Число жителей в них				
	1959 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1959 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
До 50	38,2	20,0	25,3	31,9	36,5	4,1	1,0	1,3	1,8	2,1
51-100	18,6	14,1	12,9	11,2	13,3	6,5	2,5	2,2	2,4	3,2
101-200	16,9	16,5	12,5	14,9	13,3	11,5	6,2	4,2	6,2	6,4
201-500	15,5	22,9	23,8	23,0	22,4	22,7	18,7	19,1	21,6	24,2
501-1000	7,3	16,5	15,4	11,8	9,1	24,4	28,1	25,3	22,5	20,6
1001-2000	2,5	7,7	7,8	4,6	3,3	15,8	24,2	26,0	16,8	14,3
2001-3000	0,6	0,9	0,9	0,9	0,9	6,6	5,3	5,5	5,4	7,7
3001-5000	0,4	0,8	0,7	1,0	0,6	8,4	6,3	6,0	9,9	8,0
Свыше 5000	-	0,6	0,7	0,7	0,6	-	8,9	10,5	13,4	13,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

При сокращении численности сельского населения и числа населенных пунктов их средняя людность изменилась значительно: в 2010 г. – 289 человек, в 1979 г. – 411 человек. По административно-территориальным районам этот показатель колеблется от 142 человека в Княжпогостском до 552 человек в Ижемском районе. Однако показатель средней людности лишь в ограниченной степени характеризует расселение. Для характеристики среды обитания сельского населения более важно знать его распределение между населенными пунктами разной людности, так как уровень развития инфраструктуры определяется прежде всего их величиной.

В Республике Коми более трети (35,9%) сельского населения размещается в малых поселениях (до 500 человек), имеющих минимум услуг. В крупных селах с числом жителей более 1000 человек, наиболее перспективных для дальнейшего развития и с большими возможностями для организации культурно-бытового обслуживания, проживает менее половины (43,5%) сельского населения республики.

В последние годы усилилась концентрация населения в крупных селах с числом жителей свыше 3 тыс. человек. Если в 1989 г. в них проживало 16,5% сельского населения, то в 2002 г. – 23,3% при

удельном весе в поселенческой сети всего лишь 1,7% и в 2010 г. – 21,5% и 1,2% соответственно. Более 5 тыс. человек проживало в селах Визинга (6810), Объячево (5699) и Усть-Кулом (5141), а в селе Выльгорт – 10289 человек. Особенно следует выделить села-райцентры, роль которых в качестве организационных и экономических центров весьма велика. За последние годы не произошло перестройки сети райцентров, по-прежнему большая часть райцентров – крупные села, но их удельный вес в составе сельского населения повысился с 16,3% в 1989 г. до 20,4% в 2002 г. и 24,0% в 2010 г. В десяти селах проживает в настоящее время почти четвертая часть сельского населения республики. В ряде районов в райцентрах сконцентрировано около половины населения: в Сысольском – 48,8%, Сыктывдинском – 45,4% и немногим меньше в Усть-Цилемском – 37,4%. Наибольшей концентрации сельское население достигло в Сыктывдинском районе, где только в двух селах – Выльгорте и Зеленце – проживает 58,4% его населения.

В половине поселений – центрах административных районов – численность населения в 1989–2010 гг. возросла. Больше других увеличили число своих жителей райцентры Выльгорт и Объячево (табл. 6.11).

Таблица 6.11

**Динамика численности постоянного населения в селах-райцентрах
Республики Коми в 1979–2010 гг.**

Райцентры	Численность населения, тыс. чел.				2010 г. к 1989 г., %
	1979 г.*	1989 г.	2002 г.	2010 г.	
Айкино	3,8	3,8	3,5	3,4	89,5
Визинга	5,6	7,0	7,1	6,8	97,1
Выльгорт	8,5	8,9	10,2	10,3	115,7
Ижма	3,2	3,6	3,8	3,8	105,6
Койгородок	3,1	2,9	3,1	2,9	100,0
Корткерос	3,4	4,3	4,7	4,6	107,0
Кослан	3,9	3,6	2,7	2,3	63,9
Объячево	3,5	5,0	5,8	5,7	114,0
Усть-Кулом	5,3	5,6	5,5	5,1	91,1
Усть-Цильма	5,5	5,2	5,1	4,9	94,2
Всего	45,8	49,9	51,5	49,8	99,8

* – численность наличного населения.

В республике сложились два типа сельского расселения: сельскохозяйственный и лесопромышленный. Расселение в сельскохозяйственных районах зависит от размещения сельскохозяйственных угодий, характера их использования и приспособлено к раздробленности угодий, малым размерам полей. Среди этой группы поселений выделяются прежде всего опорные населенные пункты (центральные усадьбы) – места концентрации сельскохозяйственных предприятий, составляющие основной каркас расселения. Они занимают выгодное положение ко всей территории предприятия, совмещают, как правило, центр сельской администрации, более крупные по своим размерам.

Многочисленную группу среди сельскохозяйственных поселений составляют населенные пункты без организационных функций. В них происходит постоянное сокращение населения, менее благоприятная возрастная структура, не развита инфраструктура. Переселение их жителей в центральные усадьбы или более крупные населенные пункты не всегда приводит к желаемым результатам. Во-первых, сселение мелких деревень вызывает потерю ценных пахотных и сенокосных угодий. Во-вторых, жители этих поселений часто переезжают в города. В результате возникает противоречие. С одной стороны, развитие инфраструктуры в них требует дополнительных капитальных вложений, что экономически невыгодно, с другой – сселение ведет к потере сельскохозяйственных угодий и потере сельского населения. В-третьих, тенденция преимущественного развития центральных усадеб усиливает противоположность населенных пунктов: концентрация населения в центральных усадьбах и рост числа мелких поселений с нарушенной половозрастной структурой жителей.

В Республике Коми, крупном лесопромышленном районе европейской части России, существенным элементом в сети сельских населенных пунктов являются поселки лесозаготовителей. Лесопромышленные поселения имеют свои особенности, что обязывает внимательнее учитывать специфику их развития и прямую зависимость уровня жизни населения от работы лесозаготовительных предприятий [6].

Основная часть сельских населенных пунктов сосредоточена в южных районах республики с высокой концентрацией коренного населения. В Корткеросском, Сыктывдинском, Сысольском, Прилуз-

ском и Усть-Вымском районах размещается почти половина сельских населенных пунктов республики, большая часть населения в них занята в сельском хозяйстве. Здесь наиболее ярко выражена проблема мелкоселенности. Доля мельчайших поселений с числом жителей до 50 человек колеблется от 25,5% в Корткеросском районе до 57,9% в Сысольском от числа сельских поселений с населением. При такой мелкоселенности, дробной сети населенных пунктов затрудняется решение проблем функционирования объектов социально-бытового обслуживания, развития транспортной сети и др. По проектным нормативам база для эффективной работы учреждений обслуживания имеется лишь в поселениях с числом жителей более 1000 человек, даже для простейших учреждений повседневного обслуживания необходимо иметь свыше 300 жителей [8].

В республике недостаточно развита сеть опорных поселений кроме райцентров. Расположенные на большом расстоянии от многих населенных пунктов райцентры не могут охватить сферой обслуживания все поселения района. Около 17% населенных мест (123), даже центры сельских администраций (33) находятся от райцентров на расстоянии более 100 км. Это говорит о том, что при формировании центров межхозяйственного значения (кустовых) следует ориентироваться не только на самые крупные поселения (3–5 тыс. человек), но и на населенные пункты с меньшей людностью [2, с. 68].

В Республике Коми существуют большие различия в территориальной структуре расселения, которые являются результатом исторического и экономического развития районов, хозяйственной освоенности и заселенности территории. Структуру расселения достаточно четко характеризуют прежде всего такие показатели, как плотность населения и населенных пунктов, средняя людность и среднее расстояние до центров административно-территориальных образований (табл. 6.12).

Таблица 6.12

**Территориальная структура расселения в Республике Коми
на начало 2014 г.**

Администра- тивно- территориаль- ные образова- ния	Доля го- родского населе- ния, %	Средняя плотность, человек на кв. км		Средняя люд- ность поселений		Средняя густота поселе- ний на 10 тыс. кв. км	Среднее расстояние до центров муниципаль- ных образо- ваний, км [1, с. 39–82]
		всего	сель- ского	город- ских, тыс. че- ловек	сель- ских, человек		
1	2	3	4	5	6	7	8
Республика Коми	77,5	2,1	0,5	17,3	273	18	58,2
Сыктывкар	99,6	351,9	1,4	64,2	350	95	13,2
Воркута	99,4	3,5	0,0	9,4	71	7	54,4
Вуктыл	84,4	0,6	0,1	11,2	206	5	65,3
Инта	94,4	1,0	0,1	9,9	88	8	91,4
Печора	85,3	1,9	0,3	11,6	285	11	50,9
Сосногорск	87,4	2,7	0,3	13,2	355	11	63,4
Усинск	89,7	1,5	0,2	20,5	262	7	74,3
Ухта	97,7	9,1	0,2	23,6	216	14	50,6
Районы							
Ижемский		1,0	1,0		521	18	56,8
Княжпогост- ский	74,8	0,9	0,2	7,9	119	19	52,4
Койгородский		0,8	0,8		380	20	35,4
Корткеросский		1,0	1,0		362	27	60,5
Прилузский		1,4	1,4		214	68	68,2
Сыктывдин- ский		3,2	3,2		482	66	54,7
Сысольский		2,2	2,2		169	130	27,0
Троицко- Печорский	53,2	0,3	0,1	6,6	182	8	91,4
Удорский	44,6	0,5	0,3	2,8	203	15	87,9
Усть-Вымский	65,5	5,8	2,0	9,0	186	111	23,3
Усть- Куломский		1,0	1,0		405	24	67,9
Усть- Цилемский		0,3	0,3		328	9	68,8

На северо-востоке Республики Коми, за Полярным кругом, сфор-
мировался один из наиболее урбанизированных районов, где практи-

чески все население сконцентрировано в городах и поселках городского типа (99,4%). На территории МО ГО «Воркута» средняя плотность населения превышает среднереспубликанский показатель в 1,7 раза при низкой плотности населенных мест (7 поселений на 10 тыс. кв. км) и большом среднем расстоянии до г. Воркуты (54,4 км). Концентрация угольных месторождений явилась предпосылкой формирования групповой, а точнее узловой, формы расселения. В г. Воркуте и восьми поселках городского типа, расположенных на расстоянии 9–30 км вокруг города (за исключением пгт Елецкий – 104 км), сконцентрировано 99,4% всего населения. Единые производственные и транспортные коммуникации, культурно-бытовые и трудовые взаимосвязи создают определенные экономические и социальные преимущества.

Иная структура расселения в южных сельскохозяйственных районах Республики Коми, исторически более заселенных. В них самая высокая плотность сельского населения и самые мелкие населенные пункты, нет городских поселений, функции центров административных районов выполняют села. Учитывая, что расселение как сложный социально-экономический процесс довольно консервативно (длительное существование населенных пунктов), здесь не произошло больших изменений. Имеющиеся лесные поселки не оказывают особого влияния на всю сеть населенных мест. Мелкие села и деревни расположены по берегам рек, вдоль автомобильных дорог, образуя линейную структуру.

Характерная особенность структуры расселения в районах чисто лесопромышленного освоения (Койгородский, Княжпогостский, Троицко-Печорский и др.) – низкая плотность населения и редкая сеть населенных пунктов. В поселенческой сети появляются городские населенные пункты, в прижелезнодорожных районах в них проживает, как правило, больше половины всего населения (Княжпогостский – 74,8%, 2014 г.). Следующая отличительная черта – высокий удельный вес сельских несельскохозяйственных поселений – лесных поселков – в составе сельского населения. Населенные пункты хотя и невелики по своим размерам, но более крупные по сравнению с сельскохозяйственными районами.

В районах, специализирующихся на нефтегазовой промышленности, которая сосредоточена в основном на территории МР «Вуктыл», «Сосногорск», МО ГО «Усинск» и «Ухта», преобладающая часть населения (84–98%) сконцентрирована в городах и поселках городского типа. В целом их территория заселена слабо, плотность сельского населения колеблется от 0,1 до 0,3 человек на кв. км. Плотность населенных пунктов – 5-14 поселений на 10 тыс. кв. км, среднее расстояние до центра – 51–74 км. Преобладает линейная форма расселения вдоль железнодорожных и транспортных путей, ниток нефтегазопроводов.

Среди нефтегазопромышленных районов выделяется территория МО ГО «Ухта», где доля городского населения достигает почти 98%, причем 82% всего населения сконцентрировано в г. Ухте. Именно город определяет одну из самых высоких в республике плотность населения на подчиненной ему территории (9,1 человек на 1 кв. км). Ухта, будучи многофункциональным промышленным центром, является ядром групповой формы расселения, в которую есть все основания включать не только пгт Водный, Шудаяг, Ярега, но и г. Сосногорск. В Ухтинской группе с уже стабильными производственными, бытовыми и культурными связями проживает около 84% населения этих муниципальных образований.

Особенностью расселения в районах более позднего нефтегазопромышленного освоения территорий МО «г. Вуктыл», «г. Усинск» является формирование с середины 1970-х гг. наряду с существующими населенными пунктами вахтовой системы расселения [4]. В этом случае места приложения труда и места проживания отдалены друг от друга и находятся на расстоянии оптимальной транспортной доступности. Наибольшее распространение экспедиционно-вахтовый метод получил при освоении северных месторождений Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, в меньших размерах – ее южных месторождений. На основе общей экономической базы, производственной и социальной инфраструктуры сложилась единая система населенных мест, в которой базовыми выступают гг. Усинск, Вуктыл и пгт Нижний Одес, выполняющие производственно-

техническое обслуживание и материально-техническое снабжение вахтовых поселков.

На территории республики сложились и другие групповые формы расселения, объединенные межселенными культурно-бытовыми и трудовыми связями. В частности, выделяется Печорская группа, одной из предпосылок формирования которой является скрещивание транспортных путей. Город Печора – не только транспортный узел, но и многофункциональный промышленный центр, в его окружении – пгт Изъяю, Кожва, Путеец и шесть сельских населенных пунктов. В этой группировке проживает около 90% всего населения подчиненной г. Печоре территории, включая все городское.

Особое место в расселении в республике занимает г. Сыктывкар ввиду столичности (центральности) своего положения. Влияние Сыктывкара не ограничивается прилегающими к нему районами, а распространяется на всю республику. Сыктывкарскую группу населенных мест правильнее относить к территории не только муниципального образования (небольшая площадь), но и Сыктывдинского района в целом. В ее состав входят: г. Сыктывкар, пгт Верхняя Максаковка, Краснозатонский, Седкыркеш, села Вильгорт, Зеленец, Корткерос. Здесь сосредоточено около $\frac{1}{3}$ всего населения республики. Примечательно, что села, находящиеся в зоне влияния города, остаются стабильными или растут. Сыктывкарская группа находится на более высоком уровне развития, с налаженной системой транспортных связей, с большой активностью трудовых, культурно-бытовых межселенных передвижений.

Таким образом, контрасты расселения в республике весьма значительны. На ее территории сочетаются разные структуры и формы расселения, что порождает и специфические проблемы развития сети населенных мест и пути их решения.

В настоящее время, учитывая отсутствие программы долгосрочного инвестирования градообразующих отраслей республики, прогноза их развития и оценки конкурентоспособности, довольно трудно определить перспективные тенденции расселения. Вместе с тем проведенный анализ позволяет выделить ряд проблем и наметить пути повышения эффективности системы расселения.

В северных районах Республики Коми именно характер производства и отраслевая структура промышленности определяют основные черты расселения. Признавая приоритетность производственного фактора, необходимо подчеркнуть, что экстремальность природных условий, слабозаселенность и слабоосвоенность территории оказывают влияние на расселение и создают определенные сложности при формировании сети населенных пунктов, а мелкопоселковая структура расселения усугубляет проблемы занятости населения и развития социальной инфраструктуры.

Как показывает опыт освоения Севера в целом, несмотря на все ограничительные меры, происходит рост доли городского населения. К сожалению, до сих пор нет единой точки зрения о наиболее оптимальной величине города на Севере. На наш взгляд, города должны иметь некоторые пределы своего роста. Рост крупных городов для Севера не всегда целесообразен (пример г. Воркуты).

Градостроительная политика России нацелена на развитие малых и средних городов, которые отстают от крупнейших в развитии социальной инфраструктуры на 15–20%. Второе возрождение города – создание рабочих мест, особенно где имеется одно единственное предприятие. Эта проблема имеет прямое отношение к таким городам Республики Коми, как Вуктыл, Емва, Микунь, Сосногорск, и ряду поселков городского типа. С закрытием шахт в Печорском угольном бассейне, ряда лесозаготовительных предприятий требуется своевременное решение судьбы опустевших поселков, использование производственных и жилых фондов, созданной социальной инфраструктуры.

В районах нового хозяйственного освоения расселение необходимо рассматривать не только как систему населенных пунктов, но и как процесс формирования населения. Одной из проблем расселения остается развитие опорной сети многофункциональных городских поселений, оказывающих непосредственное влияние на процесс формирования населения и стабильность кадров. Комплексное освоение природных ресурсов позволит разрешить данную проблему. При многофункциональном развитии городов зоны Севера возникает реальная основа обеспечения рациональной занятости населения.

Условия освоения Севера способствуют созданию форм расселения как традиционных (стабильных), так и мобильных, где места приложения труда и проживания могут быть разъединены большими расстояниями. В районах с неблагоприятными для постоянного проживания населения природными условиями следует сохранить систему расселения, включающую базовый многофункциональный город, выполняющий административные, культурные, транспортные и другие функции, и вахтовые поселки с набором бытовых услуг и комфортных условий проживания для сменного персонала. Вахтовый метод освоения не теряет своей актуальности прежде всего в приполярных районах республики. Правомерность его очевидна, особенно в первоначальный период освоения месторождений. При обустройстве перспективных месторождений важно изначально определить статус населенных пунктов и региональные нормативы развития социальной сферы.

Одна из актуальных, но и спорных проблем – перенаселенность Севера, прежде всего районов Дальнего Севера. Север перенаселен людьми, которые уже исчерпали свой трудовой потенциал. В районах Дальнего Севера Республики Коми проживает свыше одной четвертой общего числа лиц старше трудоспособного возраста. В основе проблемы перенаселенности лежит отсутствие концепции освоения новых районов.

Проблему перенаселенности нельзя решить однозначно, требуются детальные проработки в принятии того или иного решения, чтобы слить воедино интересы и государства, и людей. Следует учитывать особенности формирования населения республики. При стихийном характере миграционных процессов на Север приезжают люди, не прошедшие специального отбора, часто слабо приспособленные к проживанию в экстремальных природных условиях. Решению проблемы перенаселенности будет способствовать прием на работу по специально разработанному контракту: принятие кадров с учетом пола, возраста, состояния здоровья, профессиональной пригодности, в котором должен быть оговорен срок работы, оплата труда, вопросы жилья в период работы и после увольнения (отъезда) и т.д.

Не менее сложной остается проблема расселения в сельской местности: продолжается сокращение сети сельских поселений и обезлю-

дение деревень; сохраняется мелкоселенность; концентрация населения в крупных селах и селах-райцентрах приводит к разрушению старой сети поселений и потере сельскохозяйственных угодий; мелкоселенность и дробная сеть населенных пунктов затрудняет социально-бытовое обслуживание населения. В системе расселения Севера сельские населенные пункты находятся в наиболее кризисной ситуации. Изменения, происходящие в характере, в формах хозяйствования и собственности, требуют соответствующих изменений в организации самой системы обслуживания сельского населения и развития объектов социальной инфраструктуры.

При планировании социального переустройства села следует исходить из необходимости комплексного развития сельских территорий, комплексного подхода к осуществлению инвестиционной политики и обоснованию материально-технической базы предприятий. Объектом градостроительной деятельности на селе является не отдельный населенный пункт, а вся территория, подведомственная местной администрации, включающая земельные угодья, населенные пункты, инженерно-транспортные сооружения и т.д.

Обособление села от города при низком уровне развития транспортной сети обостряет проблемы расселения. Необходимо повышение роли городов в обслуживании сельского населения, поскольку значительная часть его потребностей удовлетворяется не по месту жительства. Острой для села остается проблема транспортной доступности центров обслуживания. Можно предположить, что главные сдвиги в расселении в республике в последние годы – перераспределение населения с севера на юг, рост концентрации населения в районах Ближнего Севера, в больших и средних городах и в более крупных селах – сохранятся и в ближайшее десятилетие.

Заключение

Определяя региональную политику расселения, необходимо отметить, что важное место в ней принадлежит вопросам перспективного расселения. Стратегической целью совершенствования расселения является достижение большей интеграции поселений, так как социально-экономические возможности любого изолированного города, а

тем более села, сравнительно ограничены. Тактическими целями совершенствования расселения в ближайшие годы должны стать: уплотнение опорного каркаса расселения и создание вокруг его центров групповых систем поселений за счет улучшения транспортной доступности для жителей малых населенных пунктов; сдерживание роста больших и укрупнение малых городов и поселков городского типа; укрупнение сел и включение их в групповые системы вокруг создаваемых опорных центров расселения в сельской местности.

В районах Дальнего Севера необходимо изменить организацию расселения и градостроительства. Суть этих изменений такова: перенос «центра тяжести» градостроительства в зону Среднего и Ближнего Севера; расселение в городах подавляющей части персонала, работающего на северных промыслах, и членов их семей; ускоренное развитие массового производства легких, мобильных зданий и сооружений комплектно-блочного типа для формирования вахтовых поселений в зоне промыслов, расположенных за Полярным кругом или в безлюдных районах с плохой транспортной доступностью; сокращение численности постоянно проживающего населения и, соответственно, объемов строительства в городах приполярной зоны за счет максимального выноса обслуживающих производств и служб в опорные города Среднего и Ближнего Севера.

Рассматривая вопросы расселения в районах Севера с учетом их слабой транспортной доступности, необходимо обратить внимание на следующий момент. Создание условий повышения информационной связи между селом и городом, улучшение транспортного сообщения между городом и слаборазвитым районом могут спровоцировать очередную, еще больший всплеск сельско-городской миграции. Во избежание этого необходимо создавать в отдаленных селах и слаборазвитых районах равноценные условия жизнедеятельности, в первую очередь в районах компактного проживания коми этноса и других коренных этносов Севера России.

На территориях с абсолютно дискомфортными и экстремально дискомфортными климатическими условиями, а также с ограниченными запасами эксплуатируемых природных ресурсов предпочтительнее создавать временные формы расселения.

1. Административно-территориальное и муниципальное устройство Республики Коми (на 1 августа 2006 г.). 6-е изд., офиц. / ГУ «ТФИ РК». – Сыктывкар, 2006. – 278 с.

2. Акопов В.И., Загайнова Г.В. Сопряженный анализ систем расселения и уровней обслуживания населения районов Тимано-Печорского ТПК // Формирование и развитие регионального комплекса жизненных условий. – Сыктывкар, 1985. – С. 64–75 (Тр. Коми фил. АН СССР, № 69).

3. Васин Е. Генеральная схема расселения // Российская газета. – 1995. – 1 января.

4. Загайнова Г.В. Социально-демографические аспекты экспедиционно-вахтового метода освоения нефтегазовых ресурсов Севера // Природа и региональная экономика. – Сыктывкар, 1985 (Тр. Коми фил. АН СССР. № 70).

5. Загайнова Г.В. Специфика заселения Европейского Северо-Востока СССР // Изв. Коми фил. геогр. об-ва СССР. – 1969. – Т. II. – Вып. 2. – С. 15–20.

6. Загайнова Г.В. Типы лесопромышленных поселений Коми АССР // Географические аспекты освоения природных ресурсов Европейского Северо-Востока СССР. – Сыктывкар, 1973. – С. 36–42 (Изв. Коми фил. Геогр. об-ва СССР; Т. II, вып. 5).

7. Зайончковская Ж.А. Влияние демографических факторов на региональные особенности расселения // География населения СССР в условиях НТР: Основные факторы и изменения расселения. – М., 1988.

8. Мангатаева Д.Д. Система расселения населения: региональный аспект. – Новосибирск, 1988. – 80 с.

9. Об изменении численности населения в муниципальных образованиях Республики Коми в 2011 г. : информационно-аналитический бюллетень / Комистат. – Сыктывкар, 2011. – 23 с.

10. Панов Л.К. Системы расселения и охрана природной среды на Севере // Проблемы Севера. – М., 1973. – вып. 18.

11. Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Загайнова Г.В. Население Коми АССР. – Сыктывкар, 1990 (Сер. препринтов «Науч. докл.» РАН, УрО, Коми науч. центр; Вып. 213).

12. Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения / В.В. Фаузер, Г.В. Загайнова, В.П. Подоплелов и др. – Сыктывкар, 1996. – 112 с.

13. Рязанцев С. Расселение населения // Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003. – С. 239–242.
14. Смидович С.Г. Основные факторы и противоречия расселения населения // Проблемы расселения в СССР: Социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления. – М., 1980.
15. Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. – М., 1980. – 343 с.
16. Фаузер В.В., Загайнова Г.В. Проблемы сельского расселения в Республике Коми // Проблемы региональной экономики. – 1997. – № 3–4. – С. 57–64.
17. Федосеева В.И. Сельское население региона. – М., 1986. – 144 с.
18. Ходачек В.М. О формировании населения в районах Крайнего Севера СССР: На примере Алданского горнопромышленного района // Северо-запад европейской части СССР. – Л., 1973. – Вып.9.

ГЛАВА 7

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА: ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Актуальность исследования

Социально-экономические реформы затронули все сферы жизни общества и категории населения. Не является исключением и сельское население, переживающее активную трансформацию образа жизни, включающего его занятость, миграционную подвижность, брачно-семейное и репродуктивное поведение. Можно предположить, что современное население российского села в целом и любого региона в частности значительно отличается по характеру своей жизнедеятельности от того, которое неоднократно становилось предметом пристального исследования специалистами различного профиля в дореформенный период. Таким образом, при всей очевидной методологической, методической и информационной ценности ранее опубликованных работ они не дают ответов на наиболее насущные вопросы эволюции сельского населения в условиях реформ, в том числе тенденций его демографического развития, изменения возрастной и этнической структур, сфер приложения труда и т.д., т.е. всех тех параметров, которые традиционно отличали сельское население от городского.

Особенности жизнедеятельности сельского населения северного региона

Помимо общих проблем сельского населения в России существуют и специфические региональные проблемы, обусловленные географическим положением конкретного региона, уровнем его социально-экономического развития, отраслевой структурой экономики, наконец, особенностями демографического развития: историей заселения, расселением, этническим составом населения и т.д., формирующими особый режим воспроизводства населения и достаточно уникальную его половозрастную структуру.

Северные регионы России, в число которых входит и Республика Коми, составляют особую группу территорий, объединенных массой сходных черт. Это и специфика заселения, и преобладание добывающих отраслей промышленности, и суровый климат, и неразвитость социальной сферы, и транспортная недоступность, и многое другое. К категории специфических характеристик ряда северных территорий относится и неоднородность этнического состава населения, сформированного под сильным влиянием миграции. В этой связи важно, что сельское население многих субъектов Российской Федерации, расположенных на Севере, в отличие от других регионов страны, в том числе и национальных республик, менее однородно с этнической точки зрения. Определенная доля мигрантов оседала здесь не только в городских, но и в сельских поселениях, значительная часть которых непосредственно связана с обслуживанием предприятий основных отраслей экономики регионов, в первую очередь топливно-энергетического и лесного комплексов. В то же время именно в сельском населении, как правило, концентрируется основная масса коренного (титульного) этноса любого национально-государственного образования, что ставит изучение этнических аспектов его развития на одно из первых мест в любом исследовании (табл. 7.1).

Таблица 7.1

Этнический состав населения автономных округов и республик, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, по данным переписей населения 1979–2010 гг., %

Автономные округа и республики	Национальность	1979 г.			1989 г.			2002 г.			2010 г.		
		всего	город	село	всего	город	село	всего	город	село	всего	город	село
Республика Карелия	Карелы	11,1	7,9	22,3	10,0	7,6	20,6	9,2	6,6	16,7	7,4	5,4	14,2
	Русские	71,3	76,0	54,9	73,6	77,1	58,3	76,6	80,4	65,4	82,2	85,2	71,6
	Финны	2,8	3,0	1,9	2,3	2,5	1,6	2,0	2,0	1,9	1,4	1,4	1,4
	Вепсы	0,8	0,6	1,4	0,8	0,6	1,4	0,7	0,6	0,9	0,5	0,5	0,8
Республика Коми	Коми	25,3	14,9	50,5	23,3	14,4	50,6	25,2	15,5	54,8	23,7	14,6	52,5
	Русские	56,7	64,8	37,1	57,7	64,5	36,8	59,6	67,1	36,8	65,1	72,7	40,9

Окончание табл. 7.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Республика Коми	Украинцы	8,5	9,7	5,6	8,3	9,3	5,3	6,1	7,0	3,5	4,2	4,8	2,5
	Татары	1,6	1,9	0,8	2,1	2,4	0,9	1,5	1,9	0,5	1,3	1,5	0,4
Ненецкий АО	Ненцы	12,8	2,7	27,3	11,9	2,3	28,7	18,7	6,0	40,3			
	Русские	65,8	76,5	50,3	65,8	75,6	48,7	62,4	75,6	39,8			
	Коми	10,9	7,4	16,1	9,5	6,0	15,7	10,9	7,1	17,3			
Республика Саха (Якутия)	Якуты	36,9	13,9	73,2	33,4	12,8	74,9	45,5	24,6	83,3	49,9	31,1	82,6
	Русские	50,4	71,1	17,7	50,3	67,8	14,9	41,2	59,7	7,8	37,8	55,2	7,6
	Эвенки	1,4	0,4	2,9	1,3	0,3	3,3	1,9	0,7	4,1	2,2	0,9	4,6
	Эвены	0,7	0,2	1,5	0,8	0,3	1,9	1,2	0,6	2,4	1,6	0,9	2,9
	Буряты	0,5	0,7	0,2	0,8	1,0	0,3	0,8	1,1	0,2	0,8	1,1	0,2
	Юкаги- ры	0,1	0,0	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	0,2
Республика Тыва	Тувинцы	60,5	30,6	82,1	64,3	41,2	84,6	77,0	64,6	90,2	82,0	72,8	92,3
	Русские	36,2	63,6	16,3	32,0	52,6	14,0	20,1	31,1	8,5	16,3	24,4	7,2
Ханты- Мансий- ский АО- Югра	Ханты	1,9	0,5	7,2	0,9	0,3	7,0	1,2	0,5	7,9	1,3	0,7	8,2
	Манси	1,1	0,4	3,4	0,5	0,2	3,3	0,7	0,4	3,8	0,8	0,5	3,8
	Русские	74,3	75,4	70,3	66,3	66,3	66,2	66,1	66,3	63,6	68,1	68,4	64,8
Ямало- Ненецкий АО	Ненцы	11,0	1,8	20,3	4,2	0,6	17,0	5,2	0,9	27,1	5,9	1,2	31,6
	Ханты	4,1	0,8	7,4	1,5	0,3	5,7	1,7	0,4	8,4	1,9	0,5	9,7
	Русские	59,0	70,1	47,7	59,2	63,2	44,9	58,8	62,9	38,3	61,7	66,2	37,1
	Украинцы	9,9	10,5	9,3	17,2	18,2	13,4	13,0	14,1	7,6	9,7	10,6	4,9
Чукот- ский АО	Чукчи	8,1	1,1	23,6	7,3	0,8	24,3	23,5	6,3	57,7	26,7	8,4	59,9
	Чуван- цы	-	-	-	0,6	0,4	1,1	1,8	0,7	3,9	1,9	1,0	3,5
	Эски- мосы	0,9	0,2	2,5	0,9	0,2	2,8	2,9	1,1	6,3	3,2	1,6	6,2
	Эвены	0,8	0,1	2,3	0,8	0,2	2,6	2,6	0,9	6,1	2,9	1,1	6,1
	Русские	68,9	75,7	53,9	66,1	72,3	49,7	51,9	68,2	19,3	52,5	7,2	17,9
	Украинцы	14,4	15,5	11,8	16,8	18,2	13,2	9,2	12,4	2,8	6,0	82,0	2,0

Наряду с социально-демографическими проблемами на селе особую остроту приобрели социально-трудовые отношения. Формирование рынка труда в сельской местности происходит в условиях глубокого кризиса агропромышленного и лесозаготовительного производств, существенного сокращения объемов производства продукции

в этих отраслях, разрушения социальной инфраструктуры, уменьшения рабочих мест и потребности в рабочей силе. Это сопровождается сокращением естественного прироста населения, серьезными изменениями ее возрастной структуры, ослаблением воспроизводственного потенциала, уменьшением численности населения в трудоспособном возрасте и увеличением доли лиц старше трудоспособного возраста, снижением уровня социально-бытового обслуживания, ростом безработицы. В сельской местности наблюдаются более высокие, чем в городах, темпы роста высвобождаемых работников, сложнее решаются вопросы их занятости.

Рациональная структура спроса и предложения рабочей силы на селе пока не сформирована и нуждается в определенной регулирующей роли со стороны субъектов управления, государства. Поэтому сегодня необходима целенаправленная политика, способствующая созданию условий для развития и расширения занятости сельского населения, обеспечения его социальной защиты, особенно молодежи и женщин.

Развитие сельского населения в районах Севера имеет весьма характерную особенность – его жизнедеятельность всегда была связана не только с сельскохозяйственным трудом, но и заготовкой леса, добычей полезных ископаемых, охотой, рыболовством и т.д. На протяжении всей своей многовековой истории Коми край, как и вся Россия, был крестьянским. Из 170,6 тыс. человек, проживающих в 1897 г. в Коми крае, 163,7 тыс. (95,9%) являлись крестьянами. Резкое преобладание крестьянства в составе населения Усть-Сысольского, Яренского и Печорского уездов свидетельствовало о ярко выраженном аграрном характере экономики дореволюционного Коми края и определяло его историческое развитие [39, с. 3].

В этой связи справедливо замечание, что к началу XX в., вплоть до завершения процесса освоения севера Коми края, присваивающе-производящее хозяйство продолжало успешно функционировать еще на значительной его территории. Сохранялся и базирующийся на нем традиционный культурно-хозяйственный комплекс в целом [16, с. 22]. Поэтому закономерно, что при недостатке средств для хозяйственного, в частности промышленного, освоения территорий внутренних колоний капиталы направлялись прежде всего в уже обжитые районы,

благоприятные для развития сельского хозяйства, получения сырья для промышленности, где обеспечивалась быстрая окупаемость вложений и наибольшая прибыль. В этом отношении малонаселенные, бездорожные, труднодоступные районы Севера с неблагоприятными условиями для сельскохозяйственного производства, особенно земледелия, не могли быть районами первоочередного освоения. Они оказались в стороне от основных направлений капиталистической промышленной и сельскохозяйственной колонизации окраин. В результате по уровню развития промышленности и других отраслей Север намного отстал от таких районов, как Юг, Юго-Восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия и др., формирующихся в качестве аграрно-сырьевых территорий.

Таким образом, капиталистическое развитие России предопределило экономическое отставание ее северных районов в конце XIX – начале XX вв. и не открывало благоприятных перспектив изменения этого положения в дальнейшем [19, с. 34–35].

Не произошло коренных изменений в традиционной занятости и в начале XX в. Перепись населения 1926 г. зафиксировала, что подавляющая часть трудоспособного населения была занята в отраслях сельского хозяйства. Так, среди всех занятых доля рабочих составляла лишь 2,5%, но и среди них каждый третий являлся сельхозработником. Доля служащих – 4,2%. Однако основная их масса была связана с сельским хозяйством (99,6%). На помогающих членов семьи приходилось 39,2% занятых. Однако и их труд использовался в сельскохозяйственном производстве (99,9%). Доля безработных составляла 0,1% [38, с.33, 58].

Наряду с сельским хозяйством в жизни северян важное место занимали лесозаготовки. Первоначально они проводились в целях удовлетворения индивидуальных хозяйственных нужд крестьян, а со второй половины XIX в. превратились в важнейшую отрасль хозяйства.

Характерной особенностью лесной промышленности на Севере являлось проникновение с самого начала ее развития иностранного капитала, что вело к варварскому уничтожению самых лучших лесных массивов. С развитием в России капиталистической промышленности в Коми крае начинается бурный рост лесозаготовок. Именно богатство,

дешевизна и девственность печорских лесов привлекали к ним внимание лесопромышленников, которые часто орудовали под флагом горнозаводских предприятий, предпочитая, однако, сложному делу освоения богатств хищническую эксплуатацию лесных массивов.

В Усть-Сысольском уезде на лесоразработках было занято в 1901 г. более 3000 человек, в 1905 г. – 4834 и в 1913 г. – 7368 человек, среди которых трудилось много женщин и подростков.

Лесопромышленники мало заботились о своих рабочих. Крестьяне-лесорубы сами строили курные избушки-баньки или полуземлянки, лесовозные дороги, расчищали русла рек. Оплата труда рабочих была крайне низкой.

Отечественной буржуазии и капиталистам-лесопромышленникам Запада были чужды вопросы рациональной лесоэксплуатации и лесовосстановления, вопросы быта и культуры коми народа. Доказательством этого служат экономическая и культурная отсталость народа коми [20, с. 211–217].

За годы советской власти аграрная сфера и отрасли лесной промышленности подверглись преобразованиям в совершенно определенном направлении. За 70 лет были реализованы многочисленные программы, в корне изменившие экономический, социальный и культурный облик деревень и поселков лесозаготовителей.

По содержанию и методам реализации это была единая для всей страны политика, не имевшая принципиальных региональных особенностей. Поэтому коми деревня в советское время прошла тот же путь развития, что и деревня страны в целом [25, с. 3].

Непоследовательность проводимых реформ наиболее болезненно отразилась на развитии сельского хозяйства. В этой связи справедливо утверждение, что неоднократные попытки реформирования сельского хозяйства, направленные на создание действенных стимулов для сельскохозяйственных производителей, повышение эффективности работы совхозов и колхозов, не увенчались успехом. Сложно идут реформы в аграрном секторе в последние годы. Вызвано это ухудшением условий воспроизводства, сокращением спроса на продовольствие и сельскохозяйственную продукцию в результате падения покупательной способности населения и вытеснением местной продукции

завозной. Одна из важнейших причин аграрного кризиса заключается в ликвидации прежней системы государственного управления и отсутствии регулирования рыночных процессов.

В этой связи для преодоления аграрного кризиса, перехода сельского хозяйства на динамичное развитие, улучшения условий труда и жизни сельхозтоваропроизводителей требуется разработка и реализация комплекса организационно-экономических мер, которые сводятся к следующему:

- созданию обновленного аграрного законодательства. Необходимо разработать и принять полноценный Федеральный закон «О сельском хозяйстве Российской Федерации» прямого действия. На уровне Республики Коми предстоит принять закон «О восстановлении и развитии сельского хозяйства Республики Коми», в котором следует четко обозначить стратегические направления государственной аграрной политики, признать сельское хозяйство приоритетным сектором экономики;

- полному финансовому обеспечению приоритета сельского развития, что потребует увеличения бюджетных средств в два раза (до 1800–2000 млн рублей) по сравнению с докризисным периодом. Долю расходов консолидированного бюджета республики на финансирование сельского хозяйства следует увеличить до 5–7% вместо менее 2% в настоящее время. Для создания условий расширенного воспроизводства отрасли преобладающая часть бюджетных ассигнований (70–80%) должна поступать через регулируемые цены на сельхозпродукцию;

- повышению роли долгосрочного кредита в технико-технологическом перевооружении сельского хозяйства. Сейчас на строительство и модернизацию животноводческих помещений кредиты даются на срок до восьми лет, а требуется – на 20–25. Льготный кредит на приобретение сельхозтехники и оборудования целесообразно предоставлять не менее чем на 6–8 лет. Расширить систему кредитной кооперации на селе, действующую на правах обществ взаимного кредитования и мобилизирующую свободные денежные средства сельских предпринимателей и граждан, применение лизинга;

- списанию задолженности с сельхозтоваропроизводителей. Снижению и дифференцированию ставки налога на добавленную стоимость средств производства, поставляемых сельхозтоваропроизводителям; необходимо отменить сельхозорганизациям налоги на пять лет. Освободить крестьянские (фермерские) хозяйства от уплаты налогов, заменив их введением патентов на ведение хозяйственной деятельности;

- установлению четкого порядка формирования федеральных и региональных фондов сельхозпродукции на три–пять лет с ежегодным уточнением не позднее чем за шесть месяцев до начала предстоящего года. При закупках сельхозпродукции в региональные фонды приоритет отдать местным сельхозтоваропроизводителям. Обеспечить доступ сельхозтоваропроизводителей к объектам розничной торговли, продовольственным рынкам в городах и райцентрах. Усилить контроль за качеством ввозимого в регион продовольствия;

- предусмотреть организационно-экономический и правовой механизм объединения сельского, лесного хозяйства и промыслов. Основой для такой интеграции является закрепление леса в частное владение крестьянским (фермерским) и коллективным хозяйствам [11, с. 50–51].

Бесспорно, что изучение агропромышленного и лесного комплексов с экономической и социальной точек зрения в условиях Севера представляет и научный, и практический интерес. Этим проблемам посвящено достаточное количество работ, раскрывающих большую часть острых проблем перед сельским хозяйством [10; 15; 17; 30], в том числе и проблему обеспечения северян продовольствием [18, с. 78]. В ряде работ нашло отражение развитие лесного комплекса [13; 14; 37] и лесных поселков [8]. В то же время проблеме сохранения жизненной среды для сельских жителей как условия сохранения этноса и сельского населения в целом уделено недостаточное внимание, как и проблеме воспроизводства сельского населения.

Социально-экономическое развитие сельского населения Российского Севера зависит от многих факторов, все они в той или иной мере влияют на процесс воспроизводства и занятости сельского населения, на их социальную организацию. На наш взгляд, методологически можно выделить ряд характерных особенностей, имеющих принци-

пиальное значение для познания внутренних законов жизнедеятельности сельских жителей и коренных народов Севера.

Во-первых, сельская общность отличается от городской не только специфическими функциями, но и особенностями всех основных элементов внутренней структуры. Так, сельское население имеет определенные особенности по сравнению с городским: меньшую численность, повышенную долю престарелых и детей и меньшую долю лиц трудоспособного возраста и молодежи (табл. 7.2).

Таблица 7.2

Возрастная структура городского и сельского населения, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям в 1990–2010 гг., %

Регионы	1990 г.			2000 г.			2010 г.		
	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Российская Федерация									
всего	24,5	56,8	18,7	20,1	59,4	20,5	16,2	62,0	21,8
город	23,7	58,9	17,4	19,1	61,3	19,6	15,3	62,9	21,8
село	26,5	51,2	22,3	22,9	54,1	23,0	18,6	59,6	21,8
Север России									
всего	29,2	61,7	9,1	23,0	64,7	12,3	19,0	65,6	15,4
город	28,5	63,1	8,4	22,1	66,2	11,7	18,3	66,5	15,2
село	31,8	56,5	11,7	26,3	59,0	14,7	21,9	61,9	16,2
Европейский Север									
всего	26,8	60,5	12,7	20,6	63,3	16,1	16,6	63,8	19,6
город	26,5	61,9	11,6	20,3	64,5	15,2	16,4	64,4	19,2
село	28,0	55,2	16,8	21,7	58,5	19,8	17,1	61,7	21,2
Азиатский Север									
всего	31,5	63,0	5,5	25,3	66,1	8,6	21,1	67,0	11,9
город	30,5	64,3	5,2	23,8	67,9	8,3	19,9	68,3	11,8
село	35,3	57,7	7,0	30,8	59,5	9,7	25,7	62,0	12,3

Сельское население отличается и уровнем естественного прироста, обусловленного рождаемостью. В целом по Азиатскому Северу за последние четыре года естественный прирост на селе выше, чем в городах. Однако в таких регионах, как республики Карелия и Коми, Камчатский край, Архангельская, Сахалинская и Магаданская области, естественная убыль на селе на порядок выше, чем в городской местности, что обусловлено более высокой смертностью [5, с. 64–84; 6, с. 72–92; 7, с. 74–91]. Для него характерны довольно высокий миграционный оборот, чистый миграционный отток и тенденция к сокращению общей его численности. В сельском населении высока доля крестьян, что объясняется наличием колхозно-кооперативной собственности. Профессионально-должностной и квалификационный состав сельского населения ввиду специфики развития производственной сферы характеризуется меньшим разнообразием. Здесь преобладают физический труд над умственным, непрофессиональные виды труда над профессиональными, неквалифицированные над квалифицированными.

Сила и разнообразие влияния природной среды на характер жизнедеятельности населения неодинаковые в сельских и городских общностях. Это связано с тем, что производственная деятельность сельских жителей в основном обусловлена использованием природных ресурсов, сельскохозяйственных угодий, водных и растительных ресурсов, биоклиматического потенциала территории [35, с. 20–21].

Во-вторых, сельская местность является ареалом проживания коренных народов Севера, таких крупных этносов, как коми и якуты, и в своей деятельности они связаны преимущественно с сельским, промысловым и лесным хозяйством. Их история неотделима от тундровых и лесных экосистем. При вторжении индустрии и пришлых масс населения у коренных жителей существенно изменяются их привычная деятельность и хозяйственный уклад жизни. Результатом становится потеря уникальных навыков, приспособительных реакций к жизни в экстремальных условиях.

Некоренное, в основном русское, население, напротив, проживает главным образом в городах и рабочих поселках и занято в развивающихся здесь промышленности, в строительстве, на транспорте. Например, соотношение русских, проживающих в городах и в селах, по

данным переписи населения 2010 г., составляет (%): в Ямало-Ненецком АО – 91:9 (2002 г. – 89:11), Республике Карелия – 80:20 (2002 г. – 79:21), Ненецком АО – 80:20 (2002 г. – 77:23), Республике Тыва – 79:21 (2002 г. – 80:20). В ряде других регионов соотношение по сравнению с 2002 г. не изменилось и составило (%): в Республике Саха (Якутия) – 93:7, Ханты-Мансийском АО-Югра – 91:9, Чукотском АО – 88:12, Республике Коми – 85:15 [22, с. 290–799]. Поэтому происходящий рост промышленности и городских поселений, улучшение жилищных, культурно-бытовых условий жизни в них сегодня лишь в малой степени относится к изменениям в хозяйстве и условиях жизни северных народностей. Наоборот, отмеченные недостатки в техническом уровне развития сельского хозяйства и промыслов, отставание качественного состояния этих отраслей от промышленности Севера и сельского хозяйства других районов страны говорят об отставании уровня хозяйственного развития в первую очередь коренного населения. Точно так же характеризует условия его жизни отставание сельских поселений от городских по уровню благоустройства, жилищной обеспеченности, культурно-бытового обслуживания и т.д. [9, с. 3; 19, с. 46].

Внедряемая десятилетиями политика сугубо промышленного освоения новых районов, пренебрегающая решением социальных задач и ущемляющая интересы коренного населения, привела деревню к тяжелейшему положению сегодня.

В настоящее время не решается удовлетворительно ни одна социальная проблема сельских жителей. За последние годы резко ухудшилась торговля на селе. Система потребительской кооперации разваливается. В отдаленных населенных пунктах закрылись сотни магазинов. Развитие частной торговли идет медленными темпами, не успевая заполнить освобождаемую кооперацией нишу. Цены на товары в сельской местности с учетом стоимости доставки значительно выше по сравнению городскими.

Фактически прекратила существование на селе система бытового обслуживания населения. Довольно проблематичным стало решение транспортных проблем, оставляет желать лучшего состояние автомобильных дорог в сельских районах [2; 31; 32].

Остро стоит и проблема с жильем. Всплеск индивидуального строительства в начале 1990-х гг. пошел на спад из-за удорожания строительных материалов и работ. Значительно отстает от потребностей населения уровень коммунального обслуживания. По данным Комистата, 50% опрошенных сельских жителей (в два раза больше по сравнению с горожанами) испытывают потребность в улучшении жилищных условий, особенно в оснащении жилья газом, водопроводом.

Традиционно село отставало от города по уровню образования, медицинского обслуживания. В последние годы это отставание стало еще заметнее. Социальные проблемы на селе усугубляются низкими доходами населения. С вводом в стране рыночных отношений возросли и без того значительные диспропорции в оплате труда. В свою очередь социальные проблемы порождают опасные демографические последствия.

Конечно, указанные проблемы села характерны для всей России, но в условиях национальной республики, где в основном жители села – коми (53% коми живут в сельской местности), они приобретают особую остроту. Под вопросом оказывается сама перспектива существования коми деревни [12, с. 42–43]. Это в полной мере относится ко всем северным районам с преобладанием сельскохозяйственной деятельности.

В-третьих, важное место занимает проблема сохранения или восстановления традиционной социальной организации коренных народов Севера, вне которой ни один из них не может выжить в качестве носителя самобытной культуры и обречен на превращение в «этнографический материал».

В ряде документов ООН и МОТ отмечается, что закрепление и защита прав коренных народов Земли являются важнейшими сторонами борьбы за соблюдение прав человека и серьезными основаниями для особой обеспокоенности международного сообщества. В 1985 г. рабочая группа названных организаций приняла решение о разработке проекта «Декларации прав коренного населения», включающих сохранение и развитие этнокультурных признаков и самобытности, защиту от этноцида и геноцида; права, связанные с религией, языком и учебными заведениями, с собственностью коренных народов на землю и природные ресурсы, на сохранение своих традиционных соци-

ально-экономических структур и образа жизни, включая охоту, промысел рыбы, собирательство, скотоводство, заготовку леса и обработку земли; охрану окружающей среды; участие в экономической, социальной и политической жизни соответствующих (полиэтнических) государств; право на самоуправление и автономию при решении их внутренних вопросов; право на традиционные контакты и сотрудничество с этнически и духовно близкими народами других государств [29, с. 29]. Декларация ООН о правах коренных народов принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеей от 13.09.2007 г.

Решающим средством и способом выживания коренных народов является создание действенного механизма самоуправления и хозяйствования. Следует учитывать, что в общей численности населения коренные жители не образуют большинства. Коренное население, фактически выступая в качестве национального меньшинства, должно иметь реальные возможности для всестороннего удовлетворения своих потребностей и защиты интересов.

При разработке механизма социально-экономического развития малочисленных народов Севера первоочередное значение имеет создание и принятие законодательных актов, которые четко определили бы правовой статус национально-территориальных образований, роль и место народных сходов, ассоциаций, советов старейшин, других общественных организаций, особый характер представительства этих народов в Советах всех уровней.

В-четвертых, для обеспечения нормальной среды жизнедеятельности всех северян и в первую очередь коренных жителей необходимо проводить разумную политику хозяйствования с целью сохранения природной среды. Сегодня нет необходимости доказывать, что Север уникален с экологической точки зрения. Здесь сконцентрированы практически последние заповедные природные зоны, а лесные массивы и тундра являются важнейшими регуляторами нормальной жизни всей земной биосферы.

Несмотря на то что все более широкое распространение получает точка зрения об экологической уникальности Севера, она не имеет конструктивного научного и прежде всего экономического обоснования. Реализация внешней функции Севера как экологического буфера и территориального ресурса страны должна быть закреплена в виде специ-

фической социально-экономической функции и с учетом возрастания экологической составляющей в общественно необходимых затратах стать законной основой для разработки и проведения компенсационной и протекционистской государственной политики [9; 36].

При определении политики дальнейшего развития северных районов непроизвольно встает проблема: или и дальше наращивать мощности по освоению Севера и решать социально-экономические нужды страны сегодняшнего дня, или резервировать часть территории и природных ресурсов, чтобы с большей пользой и на новой технической основе использовать их в будущем. В условиях растущей опасности экологической деградации планеты, угрозы всякого рода техногенных нарушений, катастроф, вызываемых неразумной деятельностью человека, очень важно иметь, как прибежище, обширные свободные территории, которые сохранились только на Севере.

Однако в отечественной практике как-то меньше внимания уделялось проблеме ограничения хозяйственного развития северных районов по экологическим соображениям и суждениям будущей полезности [26]. До последнего времени факторами ограничения продвижения на Север и его освоения выступали суровый климат, отдаленность и необжитость большей части его территории, затраты огромных капитальных вложений и т.д. Хотя нам представляется, что в числе указанных факторов ведущее место должно принадлежать экологическому.

О возрастании роли экологического фактора говорит и зарубежный опыт освоения северных территорий Аляски и Канады. Свое воплощение это находит в резервации части территорий и сдерживании темпов освоения невозобновимых ресурсов.

Так, в последние годы Федеральное правительство США приняло ряд мер по консервации территории и ресурсов. Кроме того, на Аляске создана беспрецедентная для США система природоохранных территорий, охватывающих около 30% всех земель штата [9, с. 40]. Это, возможно, идет вразрез с интересами отдельных американских фирм, но в целом не находится в противоречии с интересами правящих кругов буржуазного государства. Есть противники резервации северных территорий. Тем не менее стремление к сбережению ресурсов Севера не угасает. Это проявляется в том, что в США – на Аляске

– создана широкая сеть охраняемых территорий, а земли и недра получили особый правовой статус [1]. Однако надо заметить, что сегодня обойтись без ресурсов Севера не в состоянии ни США, ни Канада.

Для России вопрос сохранения отдельных северных территорий также актуален. Российский Север – это громадный регион, занимающий почти две трети ее территории. В то же время здесь проживает лишь 23,8 млн человек, или 16,0% от всего населения России. Получается, что 84,0% населения России проживает на одной трети ее площади. С учетом отвода земель под промышленное и гражданское строительство, нужды обороны и т.п. в России неизбежно будет происходить сокращение свободных земель, рост нагрузок на оставшиеся территории и, следовательно, усиление экологической напряженности. Со временем географическое пространство может стать важнее любых видов сырья, топлива, энергии и даже пресной воды. Подавляющая часть этих ресурсов практически уже сегодня имеет естественные или искусственные заменители, сфера же обитания людей и размещения производительных сил альтернатив не имеет. Возрастающие роли территориальных ресурсов неоднократно подчеркивалось отечественными экономистами еще в начале 80-х годов. Следовательно, для России продвижение на Север – явление неизбежное, вопрос лишь в том, какие использовать формы и методы, как нанести меньше вреда хрупкой экосистеме Севера.

В Республике Коми накоплен положительный опыт заселения и вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов. Еще в 30-е годы в республике был заложен Печоро-Илычский заповедник (сегодня он является одним из крупнейших в России, его площадь составляет 721,3 тыс. га), образовано около 170 заказников. В 1994 г. началось создание Национального природного парка «Югыд ва» общей площадью 1891,7 тыс. га. В настоящее время особо охраняемые природные территории (с учетом парка «Югыд ва») занимают около 6,3 млн га, или 15,1% всей площади Республики Коми [27, с. 28–29]. Можно констатировать, что в республике наряду с заселением территории значительное внимание уделяется ее охране. Часть территории выполняет роль экологического буфера и резерва для будущих поколений.

На наш взгляд, заслуживает внимания точка зрения [9, с. 26] о перспективности создания национальных территорий в форме современных этнопарков с целью сохранения среды обитания и этноса, их населяющего, учитывающих человека как неотъемлемую часть экосистем, как уникальную общечеловеческую ценность.

Численность и состав сельского населения

Динамику численности сельского населения Республики Коми определяет ряд факторов. На его постоянное снижение действует природный фактор. В большинстве регионов Севера природные условия не способствуют развитию сельскохозяйственного производства. В силу этого многие районы республики практически не имеют сельского населения. К тому же сохраняемый долгие годы расширенный режим воспроизводства и ограниченная сфера приложения труда «выталкивали» излишнее население в города Республики Коми, в соседние области (Архангельскую, Кировскую, Тюменскую, Свердловскую) и Пермский край.

Переселению в города содействует и промышленная направленность вновь осваиваемых территорий, что приводит как к абсолютному, так и относительному сокращению сельского населения.

Разрушение традиционного (кочевого и промыслового) уклада жизни коренного населения Севера, перевод его на оседлый образ жизни также способствовали уменьшению сельского населения северных регионов [3, с. 12–13].

И наконец, миграционные потоки пришлого населения направлялись прежде всего в городскую местность, пополняя ряды шахтеров, газовиков, нефтяников и строителей.

Лишь рост лесозаготовок в некоторой мере сдерживал сокращение сельского населения, а в отдельные периоды даже вызывал его рост. Так уж сложилось, что лесозаготовители в силу рассредоточенного характера производства всегда относились к сельскому населению, что оказывало искажающее влияние на развитие социальной инфраструктуры села, в первую очередь на режим его воспроизводства.

Первое представление о численности и распределении сельского населения по территории Республики Коми дают две предвоенные переписи населения 1926, 1939 г. (табл. 7.3).

Таблица 7.3

**Численность сельского населения в разрезе административных единиц
Республики Коми по переписи населения 1926 и 1939 гг., человек
(ЦГА, ед. хр. 986; ЦГА, ед. хр. 991)**

Административные районы	1926 г.	1939 г.	Прирост
Все население	214900	289837	74937
Районы			
Ижемский	22543	30290	7747
Летский	10930	14186	3256
Прилузский	16743	19644	2901
Сыктывдинский	31661	35799	4138
Сторожевский	16062	19608	3546
Сысольский	23044	29949	6905
Троицко-Печорский	4143	8575	4432
Удорский	13367	15066	1699
Усть-Вымский	27831	40710	12879
Усть-Куломский	27417	33656	6239
Усть-Усинский	6740	21027	14287
Усть-Цилемский	9774	16497	6723

Самым многочисленным в 1939 г. был Усть-Вымский район, расположенный на транспортных путях в Архангельскую область. Несколько уступал ему по численности населения прилегающий к г. Сыктывкару Сыктывдинский район. Выделялись своим числом жителей Усть-Куломский, Ижемский и Сысольский районы. В целом за рассматриваемый межпереписной период сельское население республики увеличилось на 35% (городское на 91%). Однако если в Коми крае шел рост сельского населения, то в Российской Федерации оно уменьшилось с 1926 г. до 1939 г. и относительно – на 5%, и абсолютно – с 76,3 до 72,1 млн человек [4, с. 377; 33, с. 19].

Весьма характерно, что в Республике Коми наблюдался и дальше одновременно с ростом городского рост численности сельского населения [24; 34]. За период между переписями 1939–1959 гг. прирост сельского населения республики составил 14,5%, в то время как в большинстве регионов страны оно уменьшилось. Между переписями 1959–1970 гг. сельское население увеличилось на 11,2% при сокра-

щении в среднем по России на 12,2%. Увеличение численности сельского населения было связано не столько с развитием сельского хозяйства, сколько с широким размещением в сельской местности лесозаготовительной промышленности, в несколько меньшей степени – наличием нефтегазовых промыслов, транспортным строительством.

С 70-х гг. в республике началось абсолютное сокращение численности сельского населения. Хотя необходимо отметить, что после некоторого снижения в Республике Коми сложилась довольно стабильная по численности и удельному весу когорта сельских жителей (табл. 7.4).

Таблица 7.4

**Динамика численности сельского населения Республики Коми
в 1897–2015 гг.****

Год	Сельское население по данным переписи населения, тыс. чел.	Удельный вес в населении республики, %	Год	Сельское население на начало года, тыс. чел.	Удельный вес в населении республики, %
1897	166,1	97,4	1990	303,5	24,3
1920	174,4	97,0	1995	282,8	24,4
1926	214,9	95,5	2000	259,6	24,5
1939	289,8	90,9	2005	239,9	24,4
1959	331,8	40,7	2010	213,3	23,4
1970*	368,9	38,1	2011	206,5	23,0
1979	323,9	29,2	2012	202,6	22,8
1989	306,4	24,5	2013	199,6	22,7
2002	252,1	24,7	2014	196,3	22,5
2010	207,8	23,1	2015	192,9	22,3

* С 1970 г. численность постоянного населения

** Демографический ежегодник Республики Коми. 2015: стат. сб./ Коми-стат – Сыктывкар, 2015. – С. 11.

Более точное представление о динамике сельского населения в отдельные отрезки времени, не подверженные годовым колебаниям, дают среднегодовые темпы прироста по пятилетним интервалам (табл. 7.5).

Таблица 7.5

**Среднегодовые темпы прироста (убыли) сельского населения
Республики Коми в 1961–2014 гг.**

Годы	Процент	Годы	Процент
1961–1965	1,60	1991–1995	- 1,10
1966–1970	- 0,40	1996–2000	- 1,70
1971–1975	- 1,70	2001–2005	- 2,00
1976*–1980	- 0,90	2006–2010	- 2,40
1981–1985	- 0,30	2011–2014	- 1,70
1986–1990	- 1,00		

* С 1976 г. численность постоянного населения.

Особенно интенсивно процессы сокращения численности сельского населения в республике протекали в первой половине 70-х годов, когда среднегодовые темпы снижения достигли 1,7%, а абсолютная численность жителей села уменьшилась почти на 30 тыс. человек.

Прежде чем продолжить анализ динамики сельского населения, следует пояснить, что наряду с естественным и миграционным приростом на нее большое влияние оказывают административно-территориальные преобразования.

Так, в 1971–1975 гг. сокращению сельского населения способствовало образование десяти поселков городского типа с населением около 28 тыс. человек. Только с. Троицко-Печорск, которое в 1975 г. стало городским поселением, имело почти 8 тыс. жителей. Сокращение численности сельского населения коснулось всех административных районов республики.

В последующем по мере снижения миграционного потенциала села убыль населения стала уменьшаться. В 1981–1985 гг. численность постоянного сельского населения республики сократилась всего лишь на 4,7 тыс. человек, а среднегодовой темп снижения уменьшился до 0,3%. В эти годы естественный прирост стал превышать миграционный отток, и если бы не преобразование двух сельских поселений в городские, численность сельского населения республики незначительно бы увеличилась (табл. 7.6).

Таблица 7.6

**Источники прироста (убыли) сельского населения
Республики Коми в 1971–2014 гг., тыс. человек**

Годы	Общий прирост (- убыль)	В том числе	
		естественный	механический*
1971–1975	- 29,9	14,5	- 44,4
1976**–1980	-15,0	12,2	- 27,2
1981–1985	- 4,7	15,1	- 19,8
1986–1990	-15,2	13,5	- 28,7
1991–1995	- 16,3	- 2,7	-13,6
1996–2000	-23,0	-7,3	-15,7
2001–2005	-25,0	-11,1	-13,9
2006–2010	-26,5	-4,0	-22,5
2011–2014	-13,6	0,7	-14,3
1971–2014	-169,2	30,9	-200,1

* Механический прирост включает миграционный прирост и прирост в результате административно-территориальных преобразований.

** С 1976 г. численность постоянного населения.

Новый виток миграционного оттока в 1986–1990 гг. привел к дальнейшему снижению численности населения. В это же время стал падать и естественный прирост. В результате численность жителей села сократилась почти на 15 тыс. человек. Особенно резко снизилось число сельских жителей на территориях, подчиненных Интинскому, Печорскому, Сосногорскому, Усинскому и Ухтинскому горсоветам, в Княжпогостском, Койгородском, Троицко-Печорском и Усть-Вымском районах, где значительная часть селян занята в индустриальных отраслях хозяйства (табл. 7.7).

Таблица 7.7

Изменение темпов прироста (убыли) сельского населения по административно-территориальным образованиям Республики Коми в 1981–2014 гг., %

Административно-территориальные образования	Среднегодовые темпы прироста (-убыли) в 1986–2014 гг.	В том числе по периодам					
		1986–1990 гг.	1991–1995 гг.	1996–2000 гг.	2001–2005 гг.	2006–2010 гг.	2011 – 2014 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8
Города республиканского значения с подчиненной им территорией:							
Сыктывкар	-3,35	- 11,10	- 2,80	- 1,60	-1,70	0,00	-2,35
Воркута	-3,70	-1,35	15,70	-5,40	-10,00	-14,30	-4,45
Вуктыл	-4,65	-0,25	- 5,35	-6,45	-5,15	-5,40	-5,45
Инта	-3,05	-3,60	1,65	-3,40	-4,05	-5,10	-4,00
Печора	-1,85	-3,25	-5,00	6,15	-2,55	-3,15	-3,30
Сосногорск	-3,10	-3,55	-3,30	-5,40	-2,25	-2,50	-1,30
Усинск	-4,00	-4,80	-7,00	-4,85	-1,60	-2,90	-2,55
Ухта	-1,15	-3,90	0,60	0,00	-1,25	-0,65	-1,70
Районы							
Ижемский	-0,20	0,95	3,45	-1,25	-1,05	-2,05	-1,40
Княжпогостский	-3,65	-1,45	-1,05	-3,90	-4,40	-5,35	-6,10
Койгородский	-1,55	-2,60	1,65	-2,35	-2,00	-2,10	-1,85
Корткеросский	-1,25	-0,75	-1,15	-0,80	-1,70	-2,40	-0,65
Прилузский	-1,45	-0,30	-1,15	-1,15	-1,65	-2,35	-2,40
Сыктывдинский	-0,20	0,45	-0,15	-0,95	-1,95	0,25	1,30
Сысольский	-1,30	-0,20	-1,30	-1,15	-1,60	-2,40	-1,10
Троицко-Печорский	-3,35	-3,45	-1,45	-4,70	-3,00	-3,55	-4,05
Удорский	-1,90	1,20	-2,10	-2,25	-2,35	-3,05	-3,00
Усть-Вымский	-2,30	-1,70	-3,20	-2,40	-1,65	-2,55	-2,30
Усть-Куломский	-1,25	0,10	-1,05	-1,30	-1,80	-2,15	-1,45
Усть-Цилемский	-1,10	0,50	-0,40	-1,10	-1,15	-2,70	-2,00

Особого внимания заслуживает анализ динамики сельского населения республики в 1991–1995 гг. Рыночные отношения не дали для жителей села положительных результатов. На первый взгляд, снижение численности сельского населения республики осталось практически на уровне 1986–1990 гг.: среднегодовой темп снижения в 1991–1995 гг. составил 1,10%. В 1992–1993 гг. было зарегистрировано в Республике Коми, как и по России в целом, впервые за многие

годы увеличение численности сельского населения [40, с. 89]. Однако важную роль в этом сыграли административно-территориальные преобразования. Если до 1986 г. сельское население сокращалось отчасти из-за преобразования сельских поселений в городские, то в 1991–1995 гг. десять городских поселков были переведены в ранг сельских населенных пунктов. Соответственно, можно полагать, что свыше 19,4 тыс. горожан перешли в категорию сельских жителей. Так, рост сельского населения за эти пять лет в целом произошёл в Ижемском районе за счёт преобразования пгт Щельяур в сельское поселение, в Койгородском – Кажим, в Интинском горсовете – Абезь.

Без учёта этих преобразований сельское население республики продолжало сокращаться и уменьшилось в 1991–1995 гг. примерно на 35,7 тыс. человек. Миграционный отток населения составил весьма внушительную величину – 33,0 тыс. человек.

В 1991–1995 гг. возникло новое для республики негативное явление в структуре прироста сельского населения: смертность стала превышать рождаемость. Число сельских жителей республики уменьшилось в 1991–1995 гг. за счёт отрицательного естественного прироста на 2,7 тыс. человек. Если в 1991 г. в одном (Усть-Вымском районе), а в 1992 г. уже в девяти административно-территориальных образованиях отмечалась естественная убыль населения, то в 1995 г. смертность превышала рождаемость в сельской местности повсеместно, за исключением Усть-Цилемского района.

Изучение динамики сельского населения в 1991–1995 гг. позволяет отметить, что в начале 90-х гг. (до 1993 г.) наблюдался его медленный, незначительный рост в ряде районов республики: Ижемском, Койгородском; скачкообразный – в Княжпогостском, Корткеросском, Прилузском, Сыктывдинском, Троицко-Печорском, Усть-Куломском, Усть-Цилемском. Причем в Княжпогостском, Койгородском, Сыктывдинском, Усть-Куломском и Троицко-Печорском районах главным источником роста населения была миграция. А в остальных – естественный прирост.

В 1996–2000 гг. негативные тенденции динамики сельского населения продолжились, увеличились среднегодовые темпы снижения численности населения, сохраняющиеся на протяжении предыдущих

десяти лет на уровне 1,0–1,1% до 1,7%. Почти во всех административно-территориальных образованиях, за исключением сельского населения Печорского и Ухтинского горсоветов, произошло уменьшение жителей села. Численность сельского населения уменьшилась на 23,0 тыс. человек, несмотря на пополнение его численности за счет преобразования пгт Березовка, Каджером, Сыня (Печорский горсовет), Верхнеколвинск (Усинский горсовет) в сельские населенные пункты. Из-за перемены категории населенных пунктов по решению органов власти население села увеличилось на 7,8 тыс. человек. За пятилетие естественная убыль сельского населения по сравнению с предыдущим пятилетним периодом (1991–1995 гг.) возросла в 2,7 раза, в селах республики родилось на 7,3 тыс. человек меньше, чем умерло.

В течение данного периода времени постоянно сокращался миграционный отток населения из сельской местности (1996 г. – 6336, 2000 г. – 2392 человека) и составил 23,5 тыс. человек.

За 2001–2005 гг. численность сельского населения уменьшилась на 25,0 тыс. человек, темпы снижения увеличились до 2,0% ежегодно. Во всех административно-территориальных образованиях Республики Коми произошло сокращение числа сельских жителей. Общее снижение численности на 44,4% было обусловлено естественной убылью и на 55,6% – миграционным оттоком. В 1,4 раза увеличилась доля естественной убыли по сравнению с предыдущим пятилетием (в 1996–2000 гг. – 31,7%) в общей убыли сельского населения и составила 11,1 тыс. человек. Наибольший «вклад» в естественную убыль жителей села внесли Прилузский (1407 человек), Усть-Куломский (1263) и Корткеросский (1109 человек) районы.

За 2006–2010 гг. численность сельского населения уменьшилась на 26,5 тыс. человек, увеличились темпы снижения до 2,4% ежегодно. Во всех административно-территориальных образованиях Республики Коми произошло сокращение числа сельских жителей, но только в г. Сыктывкаре число осталось прежним и в Сыктывдинском районе численность увеличилась с 22,4 до 22,7 тыс. человек. Общее снижение численности на 15,1% было обусловлено естественной убылью и на 84,9% – механической убылью.

В период с 2011 по 2014 г. замедлились темпы снижения численности сельского населения. Этому способствовало то, что в 2012 г. естественная убыль сменила тренд с отрицательной величины на положительную, в результате естественный прирост стал положительным. В рассматриваемый период времени во всех административно-территориальных образованиях численность населения уменьшилась, исключение составил Сыктывдинский район. С 1986 г. по настоящее время количество административно-территориальных образований, где нет городского населения увеличилось с 4 до 8. В 1986 г. это были Корткеросский, Прилузский, Сысольский и Усть-Цилемский районы. Позже к ним присоединились Ижемский (10.01.1995), Койгородский (26.12.1991), Сыктывдинский (16.06.1995) и Усть-Куломский районы. Таким образом, сегодня 8 из 20 административно-территориальных образований Республики Коми состоят исключительно из сельского населения. Можно предположить, что эта тенденция сохранится, чему в немалой степени будет способствовать принятый Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (от 06.10.2003, № 131-ФЗ).

Демографические структуры сельского населения

Формирование населения – многогранный процесс, в котором огромное значение принадлежит созданию определенной половозрастной структуры. Эту структуру можно рассматривать либо с точки зрения ее соответствия производственной специализации, либо в связи с воспроизводством народонаселения. В первом случае анализируется возможность и эффективность использования в общественном производстве мужского и женского труда, а также лиц различного возраста. Во втором речь идет о влиянии половозрастного состава на естественное движение и, следовательно, на процесс дальнейшего формирования населения.

Структура населения в зависимости от пола и возраста в меньшей мере нуждается в классификации. Это связано с тем, что в основе любой возрастно-половой классификации лежат в конечном счете биологические признаки. Остается лишь комбинация этих признаков, установление возрастных интервалов в зависимости от экономических,

социальных и иных факторов. Половозрастные группировки являются необходимым условием для анализа демографических процессов во времени и выявления региональных особенностей состава населения по этим признакам [28, с. 154].

Сформированное под воздействием исторических и социально-экономических факторов сельское население отличается от городского по своей возрастной и половой структуре. Важнейшие характеристики возрастной структуры – соотношение доли детей, трудоспособных и лиц старше трудоспособного возраста. Особенности возрастного состава сельского населения обусловлены в значительной степени тем, что в процесс перераспределения населения из села в город вовлекаются жители села наиболее молодых и дееспособных возрастов. Непрерывный отток молодежи в города, формируемый под воздействием различий в уровне жизни между городом и селом, ухудшает возрастную структуру сельских жителей. Неравнозначный миграционный обмен между городом и селом привел к тому, что сельское население стало выделяться меньшей долей трудоспособных, большей долей детей и пожилых (соответственно село – город, перепись 2002 г., %: 61,7 и 67,6; 21,1 и 19,3; 17,2 и 13,1; перепись 2010 г., %: 62,8 и 65,2; 18,0 и 17,7; 19,2 и 17,1) (табл. 7.8).

Таблица 7.8

Распределение сельского населения Республики Коми по полу и возрасту по данным переписей населения 1979–2010 гг., %

Возраст, пол	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	Численность 2010 г. к 1979 г.
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0	64,2
Пол:					
мужчины	51,5	51,4	49,9	49,4	61,5
женщины	48,5	48,6	50,1	50,6	66,9
Возраст:					
моложе трудоспособного	27,8	28,9	21,1	18,0	41,5
трудоспособный	60,9	57,2	61,7	62,8	66,1
20–29	21,0	18,2	13,6	14,6	44,6
30–39	10,4	18,2	14,9	14,1	86,8
40–49	14,1	8,2	19,5	16,7	75,7
старше трудоспособного	11,3	13,9	17,2	19,2	109,0

Из представленных данных следует, что за анализируемый межпереписной период (1979–2010 гг.) произошло ощутимое сокращение доли детей, незначительное увеличение трудоспособных и заметный рост доли лиц старше трудоспособного возраста.

При общем незначительном увеличении доли лиц в трудоспособном возрасте наиболее ощутимые потери понесла молодежь в возрасте 20–29 лет. Наряду с относительной уменьшилась и их абсолютная численность на 37,6 тыс. человек, или более чем наполовину (с 67,9 до 30,3 тыс. человек).

Изменения возрастной структуры в наибольшей степени отразились на снижении доли младших возрастных групп в составе населения. Это привело к уменьшению экономической нагрузки на трудоспособное население лицами нетрудоспособного населения. Также изменения возрастной структуры сказались на росте доли старших возрастных групп в составе населения, что привело к увеличению экономической нагрузки на трудоспособное население лицами старше трудоспособного возраста, к постарению населения (о решающем характере влияния снижения рождаемости на процесс старения речь пойдет ниже).

В практике демографического анализа под постарением населения понимается процесс увеличения доли лиц старших возрастов в общей численности населения. При этом надо иметь в виду, что основой старения населения является увеличение доли, а не абсолютной численности лиц [23, с. 4] этой возрастной группы. Для сельского населения республики присуще не только повышение доли лиц старше трудоспособного населения, но и увеличение абсолютной численности данной категории населения (с 36,5 до 39,8 тыс. человек). С 1979 по 2010 г. в 1,6 раза увеличилась численность мужчин и произошло увеличение их доли в составе лиц старше трудоспособного возраста с 18,3 до 26,3%.

В рассматриваемый период в сельском населении республики идет активный процесс постарения населения, который в большей степени характерен женщинам, чем мужчинам. В 2010 г. на возрастную группу 60 лет и старше приходилось 19,9% всех сельских женщин, тогда как мужчин – 10,2%, но при сравнении темпов роста по полу наблюдаем наиболее быстрый рост у мужчин (соответственно в 1979 г. было 14,5 и 4,0%).

Особенности развития хозяйства каждого района и его специализации оказывают разное влияние на возрастную структуру населения. Как правило, чем выше доля занятых в индустриальных отраслях экономики, тем выше и доля трудоспособных в составе сельского населения (табл. 7.9).

Таблица 7.9

**Возрастная структура сельского населения
по административно-территориальным образованиям Республики Коми
по данным переписей населения 1989–2010 гг., %**

Административно-территориальные образования	Возраст								
	моложе			трудоспособный			старше		
	трудоспособного			трудоспособный			трудоспособного		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010	1989	2002	2010
г.	г.	г.	г.	г.	г.	г.	г.	г.	г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Республика Коми	28,9	21,1	18,0	57,2	61,7	62,8	13,9	17,2	19,2
Города республиканского значения с подчиненной ему территорией									
Сыктывкар	30,6	21,0	18,3	58,3	64,1	64,6	11,1	14,9	17,1
Воркута	31,2	20,6	14,7	61,2	66,5	69,3	7,6	12,9	16,0
Вуктыл	25,2	18,8	13,3	65,4	59,6	57,8	9,4	21,6	28,9
Инта	28,8	23,2	16,9	58,6	58,5	61,0	12,6	18,3	22,1
Печора	28,3	18,9	13,6	60,8	63,5	66,3	10,9	17,6	20,1
Сосногорск	28,1	18,4	15,8	59,1	61,2	64,3	12,8	20,4	19,9
Усинск	32,4	26,2	21,4	59,4	59,5	62,9	8,2	14,3	15,7
Ухта	25,4	18,2	12,5	62,1	67,4	72,9	12,5	14,4	14,6
Районы									
Ижемский	31,3	24,7	20,5	55,0	60,7	63,5	13,7	14,6	16,0
Княжпогостский	19,8	13,9	12,6	68,8	69,5	68,2	11,4	16,6	19,2
Койгородский	29,4	20,8	18,5	55,2	60,0	59,5	15,4	19,2	22,0
Корткеросский	30,5	22,1	18,6	53,2	60,2	61,4	16,3	17,7	20,0
Прилузский	28,7	21,4	18,9	52,1	59,4	60,6	19,2	19,2	20,5
Сыктывдинский	31,6	19,7	18,7	55,4	63,9	63,0	13,0	16,4	18,3
Сысольский	28,8	20,5	17,9	54,8	60,8	60,9	16,4	18,7	21,2
Троицко-Печорский	30,3	20,1	15,6	59,6	59,4	59,4	10,1	20,5	25,0
Удорский	26,2	16,5	13,7	61,3	69,3	70,3	12,5	14,2	16,0
Усть-Вымский	25,5	19,5	16,9	59,5	59,4	60,7	15,0	21,1	22,4
Усть-Куломский	30,5	23,2	20,2	55,6	60,9	62,4	13,9	15,9	17,4
Усть-Цилемский	30,8	24,6	20,1	54,2	59,9	61,9	15,0	15,5	18,0

Наиболее неблагоприятная возрастная структура сельского населения в районах, в экономике которых преобладают сельское и промышленное хозяйство, лесозаготовки (Ижемский, Койгородский, Корткеросский, Прилузский, Сысольский, Усть-Куломский, Усть-Цилемский районы). Здесь при относительно высоком уровне рождаемости и высоком удельном весе детских возрастов (18–21%) в результате постоянного миграционного оттока наблюдается низкая доля трудоспособных (59–62%) и высокая пожилых (17–22%). Особенно неблагоприятная ситуация сложилась в Усть-Вымском и Троицко-Печорском районах, где одни из самых низких показателей трудоспособных – 60,7% и 59,4% и самые высокие в республике показатели пожилых – 22,4 и 25,0% соответственно.

В 1989–2010 гг. в сельской местности почти повсеместно наблюдалось снижение удельного веса лиц моложе трудоспособного возраста и рост старше трудоспособного, за исключением сельской местности г. Сосногорска, где в 2010 г. произошло уменьшение доли лиц старше трудоспособного возраста по сравнению с 2002 г. В 1989 г. в каждом административно-территориальном образовании доля лиц моложе трудоспособного возраста превышает долю лиц старше трудоспособного возраста. В 2002 г. в пяти административно-территориальных образованиях сложилась обратная картина (в городах Вуктыл, Сосногорск и Княжпогостском, Троицко-Печорском, Усть-Вымском районах). В 2010 г. уже в 14-ти административно-территориальных образованиях сложилась обратная картина (за исключением городов Сыктывкар и Усинск, Ижемского, Сыктывдинского, Усть-Куломского и Усть-Цилемского районов). Такие сдвиги в возрастной структуре ограничивают рост численности трудовых ресурсов в последующие годы.

Результатом изменения возрастной структуры сельского населения является, как отмечалось выше, и уменьшение демографической нагрузки на трудоспособное население. Если в 1979 г. на 1000 потенциальных работников приходилось 642 человека за пределами трудоспособного возраста, то в 2010 г. – 592 (табл. 7.10).

Таблица 7.10

**Демографическая нагрузка на население трудоспособного возраста
Республики Коми по данным переписей населения 1979–2010 гг.**

Показатели	Городское население				Сельское население			
	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
На 1000 человек трудо- способного возраста при- ходится лиц нетрудоспособного воз- раста								
Всего	486	571	480	533	642	748	620	592
в том числе:								
детей и подростков (0–15 лет)	393	436	286	271	457	505	341	287
лиц старше трудоспособ- ного возраста	93	135	194	262	185	243	279	305

Из представленных в таблице 7.10 данных следует, что в сельской местности уменьшился интегральный коэффициент нагрузки на 50 человек, а в городской увеличился на 47 человек. За период 1979–2010 гг. коэффициент нагрузки детьми и подростками снизился на 37,2% и их доля в общей демографической нагрузке упала с 71,2 до 48,5% (в городской местности – с 80,9 до 49,2%), а лицами пожилого возраста возрос на 64,9% (в городской местности в 2,8 раза), т.е. происходит его перераспределение в пользу лиц пенсионного возраста. Такую динамику демографической нагрузки в сельских районах Российского Севера нельзя признать положительной.

В самом невыгодном положении в отношении числа иждивенцев на одного трудоспособного находятся административно-территориальные образования с низкой долей населения в трудоспособном возрасте. По данным переписи населения 2010 г., Койгородский, Троицко-Печорский, Прилузский и Усть-Вымский районы имели наименьшую долю трудоспособного населения (59,4–60,7%) и наибольший коэффициент демографической нагрузки, равный 649–683 человек на 1000 трудоспособных. По данным переписи населения 2002 г., Прилузский, Троицко-Печорский и Усть-Вымский районы имели наименьшую долю трудоспособного населения (59,4%) и наибольший

коэффициент демографической нагрузки, равный 683–685 человек на 1000 трудоспособных. В двух из этих районов, в Троицко-Печорском и Усть-Вымском, доля лиц старше трудоспособного возраста преобладала по данным переписей населения 2002 и 2010 г. В целом по Республике Коми в 12-ти административно-территориальных образованиях наблюдалась аналогичная ситуация в 2002 и в 2010 г. В 1989 г. доля лиц пенсионного возраста в общей демографической нагрузке составляла 32,5%, наибольшая в размере 40,1% зафиксирована в Прилузском районе, имеющем максимальный коэффициент демографической нагрузки (920 человек нетрудоспособного возраста на 1000 – трудоспособного) (табл. 7.11).

Таблица 7.11

Демографическая нагрузка на сельское население трудоспособного возраста по административно-территориальным образованиям Республики Коми по данным переписей населения 1989– 2010 г.

Административно-территориальные образования	1989 г.			2002 г.			2010 г.		
	на 1000 человек трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособного возраста	в т. ч.		на 1000 человек трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособного возраста	в т. ч.		на 1000 человек трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособного возраста	в т. ч.	
		детей и подростков (0–15 лет)	лиц старше трудоспособного возраста		детей и подростков (0–15 лет)	лиц старше трудоспособного возраста		детей и подростков (0–15 лет)	лиц старше трудоспособного возраста
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Республика Коми	748	505	243	620	341	279	592	287	305
Города республиканского значения с подчиненной ему территорией									
Сыктывкар	715	525	190	560	327	233	548	283	265
Воркута	635	511	124	503	309	194	442	212	230
Вуктыл	529	385	144	678	316	362	730	230	500
Инта	707	492	215	709	396	313	641	278	363
Печора	646	467	179	575	297	278	508	205	303
Сосногорск	692	476	216	635	301	334	556	246	310
Усинск	683	545	138	681	440	241	589	339	250

Окончание табл. 7.11

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ухта	611	409	202	483	270	213	371	171	200
Районы									
Ижемский	819	569	250	648	407	241	574	322	252
Княжпогостский	454	288	166	440	200	240	467	185	282
Койгородский	810	531	279	665	346	319	679	310	369
Корткеросский	879	573	306	660	366	294	628	303	325
Прилузский	920	551	369	684	360	324	651	312	339
Сыктывдинский	804	570	234	566	309	257	588	297	291
Сысольский	825	526	299	644	337	307	641	294	347
Троицко-Печорский	677	508	169	683	337	346	683	262	421
Удорский	631	427	204	443	238	205	422	195	227
Усть-Вымский	682	429	253	685	330	355	649	279	370
Усть-Куломский	798	548	250	642	382	260	603	323	280
Усть-Цилемский	843	568	275	670	411	259	617	325	292

Для оценки процесса воспроизводства населения и его демографического потенциала используют показатель прогрессивности возрастной структуры – отношение числа детей до 16 лет к населению старших возрастов [21, с. 43]. Выше коэффициент – моложе население, и наоборот, ниже коэффициент – старее население. Коэффициент прогрессивности возрастной структуры сельского населения снизился с 2,5 в 1979 г., до 2,1 в 1989 г., до 1,2 в 2002 г. и до 0,9 в 2010 г., и уступает этому показателю для городского населения (1,0). Это еще раз свидетельствует о неблагоприятности демографических процессов в сельской местности республики и о снижении ее демографического потенциала.

За рассматриваемый период наметился определенный сдвиг и в половой структуре сельского населения. С 1979 по 2010 г. доля мужчин уменьшилась с 51,5 до 49,4% (в составе городского – с 50,2 до 46,6%). Переломным моментом стало начало 2002 г., когда мужчин было больше всего на 34 человека. Несоответствие полов привело к тому, что на начало 2010 г. в сельской местности республики стало на 2,8 тыс. женщин больше, чем мужчин (в городской – на 47,3 тыс. больше женщин, чем мужчин). Такие отличия – следствие интенсивной миграции женщин из села в город.

В 1979–2010 гг., несмотря на относительную стабилизацию соотношения мужчин и женщин, произошло сокращение абсолютной чис-

ленности мужского сельского населения (на 64,1 тыс. человек), соответственно перевеса числа мужчин над числом женщин с 9,5 тыс. в 1979 г. до 8,6 тыс. в 1989 г. и перевеса числа женщин над числом мужчин с 0,7 тыс. в 2002 г. до 2,5 тыс. человек в 2010 г.

В 2002 г. положительным являлось то, что численность женщин фертильного возраста (15–49 лет) осталась на уровне 1989 г. (65,0 тыс. человек), в то время как в 1979–1989 гг. численность этой когорты женщин уменьшилась на 9,6 тыс. человек, но с 2005 г. численность стала уменьшаться и составила в 2010 г. 47,7 тыс. человек. К сожалению, снизилась в 2002 г. по сравнению с 1989 г. численность мужчин и женщин наиболее благоприятного брачного возраста (20–29 лет): мужчин – на 13,6, женщин – на 8,0 тыс. человек, и тенденцию к снижению наблюдаем в 2010 г., что служит одной из объективных причин снижения уровня рождаемости.

Соотношение мужчин и женщин различно внутри отдельных возрастных групп сельского населения. Как известно, мужчины преобладают в возрастах моложе трудоспособного, в трудоспособном, но значительно уступают женщинам в возрастах старше трудоспособного [33, с. 29–31]. Это присуще как городскому, так и сельскому населению, но с 2001 по 2004 г. женщины города преобладали в трудоспособном возрасте. Наряду с этим важно знать диспропорции полов в составе отдельных возрастных групп трудоспособного населения (табл. 7.12).

Таблица 7.12

**Соотношение мужчин и женщин городского и сельского населения
Республики Коми по данным переписей населения 2002 и 2010 г.**

Возраст, лет	Город				Село			
	доля мужчин, %		перевес числа мужчин над числом женщин, тыс. чел.		доля мужчин, %		перевес числа мужчин над числом женщин, тыс. чел.	
	2002	2010	2002	2010	2002	2010	2002	2010
Все население	47,3	46,6	-41,3	-47,5	49,9	49,4	-0,7	-2,4
Возраст								
20–29	49,9	50,8	-0,3	1,9	55,1	56,1	3,5	3,7
30–39	49,9	49,2	-0,2	-1,6	54,9	54,2	3,7	2,4
40–49	47,3	47,1	-7,6	-5,8	53,7	52,1	3,6	1,5

Имеющие место диспропорции полов в наиболее активных в трудовом и демографическом отношении возрастах оказывают отрицательное влияние на режим воспроизводства сельского населения и сдерживают формирование новых семей по причине дефицита невест или женихов.

В составе сельского населения диспропорции полов существуют во всех группах трудоспособного возраста по сравнению с городским населением. В результате миграционного оттока молодежи максимальный перевес числа мужчин в количестве 3,7 тыс. человек наблюдается в возрасте 30–39 лет в 2002 г. и в возрасте 20–29 лет – в 2010 г.). Безусловно, ненормальным явлением является то, что около 11 тыс. мужчин в 2002 г. и 8 тыс. мужчин в 2010 г. в возрасте 20–49 лет в сельской местности республики испытывают трудности в создании семьи или живут отдельно от нее.

В сельском населении Республики Коми имеются значительные территориальные различия в соотношении мужчин и женщин. В районах с высокой долей трудоспособных в составе населения доля мужчин выше, чем в среднем по республике, и колеблется от 52,7 до 62,2%. К ним относятся подчиненные городам Воркуте, Печоре и Ухте территории, а также Княжпогостский и Удорский районы (табл. 7.13).

Таблица 7.13

Удельный вес мужчин в численности сельского населения по территориально-административным образованиям Республики Коми по возрасту по данным переписей населения 2002 и 2010 г., %

Административно-территориальные образования	Удельный вес мужчин		в т.ч. в возрасте					
			моложе трудоспособного		трудоспособном		старше трудоспособного	
	2002	2010	2002	2010	2002	2010	2002	2010
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Республика Коми	49,9	49,4	50,9	50,8	54,7	56,1	31,1	26,3
<i>Города республиканского значения с подчиненной ему территорией</i>								
Сыктывкар	48,1	46,8	47,7	48,7	51,1	51,4	35,8	27,3
Воркута	49,8	56,3	54,2	54,4	52,7	62,4	27,7	31,6
Вуктыл	48,3	47,2	49,2	47,5	54,1	56,2	31,7	29,3
Инта	48,9	50,9	46,3	49,1	56,2	60,0	28,9	27,3
Печора	50,9	52,7	50,3	49,2	57,0	61,8	29,5	25,0

Окончание табл. 7.11

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Сосногорск	50,0	51,4	54,2	51,3	55,1	59,2	31,0	26,2
Усинск	49,7	50,0	49,6	50,7	54,6	56,0	29,6	24,8
Ухта	58,4	62,2	52,1	48,0	66,3	71,9	29,4	25,8
Районы								
Ижемский	49,8	50,0	51,2	52,1	54,1	55,4	29,5	25,6
Княжпогостский	61,1	57,6	49,7	48,3	70,5	68,0	31,7	26,7
Койгородский	48,4	47,5	52,8	53,6	52,3	53,5	31,7	26,3
Корткеросский	48,6	47,5	50,9	50,1	52,6	53,5	32,2	26,7
Прилузский	47,8	47,2	50,7	50,5	51,9	53,0	32,0	26,9
Сыктывдинский	47,0	46,5	51,3	51,1	49,9	51,1	30,9	26,1
Сысольский	47,3	46,8	50,7	51,2	50,7	52,6	32,2	26,2
Троицко-Печорский	49,3	49,3	53,2	55,6	53,7	56,6	32,7	28,2
Удорский	59,6	59,3	51,5	50,9	67,8	68,6	28,7	25,7
Усть-Вымский	48,6	48,4	50,1	49,4	54,4	56,3	31,0	26,4
Усть-Куломский	48,6	48,1	50,4	49,9	52,4	53,5	31,2	25,5
Усть-Цилемский	48,9	48,8	50,4	50,6	53,0	54,8	31,0	26,2

Самый низкий удельный вес мужчин в составе сельского населения характерен прежде всего южным районам республики, в возрастной структуре населения которых высок удельный вес пожилых. В их число входят Койгородский, Прилузский и Сысольский районы. Наименьший удельный вес мужчин имеет место в Сыктывдинском (47,0% в 2002 г. и 46,5% в 2010 г.), Сысольском (47,3% в 2002 г. и 46,8% в 2010 г.) районах, в 2010 г. к ним присоединилась территория, подчиненная г. Сыктывкару (46,8%).

По данным переписи населения 1989 г., только в шести административно-территориальных образованиях (из 20-ти) женщин больше, чем мужчин. В 2002 г. уже в 16-ти административно-территориальных образованиях, а в 2010 г. – в 12-ти, стало женщин больше, чем мужчин, но сохранилась тенденция к преобладанию мужчин в наиболее активных трудоспособных возрастах на всей территории, за исключением Сыктывдинского района в 2002 г. Таким образом, в сельской местности (с 2003 г.), как и по республике в целом (с 1993 г.), сохраняется по настоящее время «женский перевес».

Оценка половозрастной структуры сельского населения позволяет сделать вывод, что она далека от оптимальной. Интенсивное старение сельского населения, диспропорции полов в молодых дееспособных

возрастах требуют определенных корректив в управлении социально-экономическим развитием села.

Республика Коми, как и большинство регионов Российского Севера, многонациональна. По данным переписи населения 2010 г., в ней проживали представители более 100 национальностей. Характерная особенность национального состава сельского населения республики – высокий удельный вес коренного населения – коми. Сегодня коми национальность наиболее многочисленна и составляет более половины сельского населения. Следует отметить, что происходит постоянное сокращение его абсолютной численности. Тенденция перераспределения жителей села в города характерна и для коренной национальности. За период между переписями 1970–2010 гг. численность коми в сельской местности республики сократилась на 77,2 тыс., в то время как в городской увеличилась на 3,3 тыс. человек. Изменилось и распределение лиц коми национальности по месту проживания. В 1970 г. 66,9% лиц коми национальности проживало в сельской местности, в 1979 г. – 58,3%, в 1989 г. – 53,2%, в 2002 г. – 53,8% и в 2010 – 53,2% (табл. 7.14).

Таблица 7.14

**Национальный состав сельского населения Республики Коми
в 1970–2010 гг.**

	Год	Все население	Национальность						
			Коми	Русские	Украинцы	Белорусы	Татары	Немцы	Другие национальности
Численность населения, тыс. чел.**	1970	367,4	184,8	135,9	20,5	6,1	2,6	3,8	13,7
	1979*	323,9	163,6	120,2	18,2	4,7	2,6	3,1	11,5
	1989	306,4	155,1	112,7	16,4	4,4	2,8	2,5	12,5
	2002	252,1	137,9	92,7	8,8	2,3	1,2	2,0	7,0
	2010	207,8	107,6	83,8	5,1	1,3	0,9	1,2	5,1
Удельный вес, %	1970	100,0	50,3	37,0	5,6	1,7	0,7	1,0	3,7
	1979	100,0	50,5	37,1	5,6	1,5	0,8	0,9	3,6
	1989	100,0	50,6	36,8	5,3	1,4	0,9	0,8	4,2
	2002	100,0	54,8	36,8	3,5	0,9	0,5	0,8	2,7
	2010	100,0	52,5	40,9	2,5	0,6	0,4	0,6	2,5

* С 1979 г. численность постоянного населения.

** Численность населения, не указавшего национальную принадлежность (тыс. чел.): 2002 г. – 0,2, 2010 г. – 2,8.

Второе место по численности в составе сельского населения занимают русские (40,9%), третье – украинцы (2,5%). Из других национальностей следует отметить белорусов (0,6%), немцев (0,6%), татар (0,4%). Сельское население по своему составу более монолитно, чем городское. На три национальности (коми, русские, украинцы) приходится около 95,9% всех жителей села.

Между переписями 1970–1989 гг. в национальном составе сельского населения республики не произошло каких-либо кардинальных изменений. Наблюдалось медленное снижение как удельного веса, так и абсолютной численности русских, украинцев, белорусов и т.д. Так, число русских уменьшилось в 1979–1989 гг. на 6,2% против 11,6% в 1970–1979 гг., украинцев – соответственно на 9,9 и 11,2%, белорусов – на 6,4 и 23,0% и т.д.

Другая картина сложилась между переписями 1989–2002 гг. Численность украинцев, белорусов, татар уменьшилась почти в два раза. Остался на прежнем уровне удельный вес в численности сельского населения русских, несмотря на абсолютное уменьшение их численности на 20,0 тыс. человек.

За последний межпереписной период сократилась численность всех наиболее многочисленных национальностей, но в меньшей степени русских. Поэтому в этнической структуре удельный вес русских возрос, остальных национальностей – снизился или остался на уровне 2002 г.

Для размещения по территории республики жителей коренной национальности характерны некоторые особенности. Население коми по-прежнему сосредоточено преимущественно в юго-западных районах республики, в бассейнах рек Вычегды, Сысолы и Лузы, где в структуре хозяйства преобладает сельскохозяйственное производство и лесозаготовки.

Своеобразным «национальным районом» является Ижемский район на средней Печоре, где доля коми около 90,0%. Коми национальность преобладает здесь во всех населенных пунктах. Ижемцы – это особая группа народа коми, которая отличается не только своим диалектом, но и материальной и духовной культурой, системой хозяйствования.

Свыше 65% коми составляют в Корткеросском и Усть-Куломском районах, 55–65% – на юге республики, в районах давнего проживания коми – Прилузском и Сысольском. В пригородном Сыктывдинском районе, где в динамике населения большую роль играла миграция, доля коми ниже – 46%.

1. Агранат Г.А. Использование ресурсов и освоение территории Зарубежного Севера. – М., 1984. – 200 с.

2. Акопов В.И., Гаджиев Ю.А., Орленко С.И. Региональная социальная политика: содержание и методы. – Сыктывкар, 1994. – 36 с. (Науч. доклады Коми НЦ УрО РАН; вып. 340).

3. Войнова В.Д., Захарова О.Д., Рыбаковский Л.Л. Современный Российский Север и его население // Социально-демографическое развитие Российского Севера / отв. ред. д.э.н. Л.Л. Рыбаковский. – М., 1993. – С. 7–25.

4. Демографический ежегодник Российской Федерации. – М., 1994. – 419 с.

5. Демографический ежегодник России. 2007 : стат. сб. / Росстат. – М., 2007. – 551 с.

6. Демографический ежегодник России. 2009 : стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 557 с.

7. Демографический ежегодник России. 2010 : стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 525 с.

8. Загайнова Г.В. Типы лесопромышленных поселений Коми АССР // Географические аспекты освоения природных ресурсов Европейского Северо-Востока СССР. – Сыктывкар, 1985 (Изв. коми фил. Геогр. об-ва СССР; вып. 15).

9. Зайдфудим П.Х. Стратегия и механизмы адаптивно-реабилитационного регулирования экстремальной жизненной среды Российского Севера : дис. ... д-ра биол. наук. – Архангельск, 1995. – 66 с.

10. Иванов В.А., Кузиванова Л.А., Терентьев В.В. Продовольственное обеспечение населения Республики Коми в условиях рыночных преобразований. – Сыктывкар, 1996. – 92 с.

11. Иванов В.А., Терентьев В.В. Состояние и перспективы аграрного сектора Республики Коми. – Сыктывкар, 2010. – 56 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО Российской академии наук; вып. 509).

12. Киселев В.А., Конюхов А.К., Кузиванова О.Ю., Марков В.П. Социальные проблемы и перспективы коми села // Коми деревня в XX веке: история, современность, перспективы. – Сыктывкар, 1995. – С. 42–44.
13. Князева Г.А. Лесной комплекс Республики Коми: проблемы перестройки и формирования новой модели. – М., 1996. – 192 с.
14. Козубов Г.М., Пахучий В.В. Концепция развития лесного комплекса Республики Коми // Республика Коми: экономическая стратегия вхождения в XXI век. – Сыктывкар, 1996. – С. 50–51.
15. Коми деревня в XX веке: история, современность, перспективы : тезисы выступлений участников конференции. – Сыктывкар, 1995. – 128 с.
16. Конаков Н. Традиционные хозяйственные занятия коми // Жизнь национальностей. – 1996. – № 4. – С. 22–24.
17. Костяев А.И. Агропромышленное хозяйство Севера: проблемы комплексного развития / под ред. А.И. Чистобаева. – Л., 1986. – 149 с.
18. Курнышев В.В., Андреев Н.И. Как обеспечить Север продовольствием // Вестник Московского университета. – 1993. – № 3. – С. 78–81 (Серия 6. Экономика).
19. Лашов Б.В., Литовка О.П. Социально-экономические проблемы развития народностей Крайнего Севера. – Л., 1982. – 145 с.
20. Леса и лесная промышленность Коми АССР. – М., 1961. – 395 с.
21. Мангатаева Д.Д. Система расселения населения: Региональный аспект. – Новосибирск, 1988. – 80 с.
22. Население наиболее многочисленных национальностей по возрастным группам и полу по субъектам РФ (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство) // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
23. Население третьего возраста. – М., 1986. – 269 с.
24. Подоплелов В.В., Фаузер В.В., Загайнова Г.В. Население Коми АССР. – Сыктывкар, 1990. – 20 с. (Сер. препринтов «Науч. докл.» / РАН, УрО, Коми науч. центр; вып. 231).
25. Попов А.А., Сметанин А.Ф. Коми деревня в советский период. – Сыктывкар, 1995. – 28 с.
26. Прохоров Б.Б. Медицинская география районов нового освоения (теория, методы, опыт практических исследований) : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. – М., 1980.
27. Республика Коми / автор-сост. к.г.н. А.П. Обедков. – Сыктывкар, 1995. – 78 с.

28. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. – М., 1990. – 168 с.
29. Самар Ю.А. Социально-экономические проблемы народов Севера // Социальная реабилитация населения в районах Российского Севера в условиях перехода к рынку : материалы ежегод. научн.-практ. конф. (21–22 декабря 1995). – М., 1996. – С. 28–38.
30. Семяшкин Г.М. Региональный рынок сельскохозяйственной продукции: специфика функционирования и регулирования. – Сыктывкар, 1994. – 191 с.
31. Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. – М., 1980. – 343 с.
32. Социально-экономический потенциал села: проблемы развития и использования / отв. ред. Л.В. Никифоров. – М., 1986. – 206 с.
33. Фаузер В.В., Подоплелов В.П., Загайнова Г.В. Динамика и особенности формирования населения Республики Коми. – Сыктывкар, 1994. – 104 с.
34. Фаузер В.В. Проблемы формирования населения Республики Коми. – М., 1993. – 93 с.
35. Федосеев В.И. Сельское население региона. – М., 1986. – 144 с.
36. Формирование социально-экономической политики в развитии Севера. – Сыктывкар, 1992. – 56 с. (Сер. препринтов «Научн. докл.» / Коми НЦ УрО РАН; Вып. 289).
37. Хозяйственный механизм регионального лесного комплекса. – Сыктывкар, 1993. – 80 с.
38. ЦГА Республики Коми. Фонд 140, оп. 2, ед. хр. 238.
39. Чупров В.И. Коми деревня в начале XX века (1900–1917 гг.): земле-владение и землепользование. – Сыктывкар, 1995. – 20 с.
40. Щербакова Е.М. Население России: новейшие тенденции демографического развития // Проблемы прогнозирования. – 1993. – № 4. – С. 84–92.

ГЛАВА 8

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИИ

Введение

В настоящее время после долгого отсутствия интереса к развитию Арктики ставится задача «нового обустройства Арктики». Переосвоение российской Арктики может считаться результативным, если «...будет достигнута, во-первых, *сбалансированность* изъятия всех видов природных ресурсов и восстановления потенциала окружающей среды... Во-вторых, реальная *диверсификация* хозяйственной деятельности с учетом развития экономически взаимовыгодных связей с другими территориями страны и зарубежными странами... В-третьих, *сбалансированность* мест приложения труда и системы расселения... Новое обустройство Арктики требует мощного притока *кадров высокой квалификации*» [8, с. 55, 60]. Становится очевидно, что в числе трех важнейших задач долгосрочного развития Арктики стоит задача совершенствования системы расселения населения.

В последние годы обоснованно высказываются опасения о недостаточной численности населения в районах Севера и Арктики, о непродуманной расселенческой политике. «Для страны с такой громадной слабозаселенной территорией, обладающей колоссальными природными ресурсами, большое значение имеет, каким бы важным это ни было, даже не динамика населения, а его расселение, ухудшение которого часто происходит из-за непродуманных управленческих решений. Поэтому России следует направить усилия и средства на повышение уровня заселенности территории и благоустройства разбросанных по бескрайним просторам населенных пунктов» [16, с. 18–19]. Это в первую очередь касается сухопутных территорий Арктики, где необходимо создать среду жизнедеятельности, адекватную роли Арктики в экономических и геополитических интересах России.

Вопросы расселения населения в северных регионах России достаточно полно описаны, в том числе и в наших работах [7; 29; 30; 31].

Исследований по расселению в Арктике практически нет. Причина может заключаться в том, что опубликованные работы по расселению населения не выделяли арктическую часть, а рассматривали ее в границах Крайнего Севера или Севера в целом. Это объясняется двумя моментами: (1) структуризация северных территорий достаточно сложна и в обыденном сознании грань между арктическими территориями, Заполярьем, Приполярьем и Крайним Севером в составе северного пространства России весьма зыбка, (2) до последнего времени отсутствовала нормативно-правовая база, строго определяющая границы Арктики [6, с. 10–11].

Основная цель данной главы – восполнить имеющийся пробел в расселении населения в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ). Исследовательский интерес направлен на изучение тенденций динамики населения, оценку людности городских поселений и место городов в системе расселения АЗРФ. В главе не рассматриваются демографические проблемы Севера и Арктики, также важные для совершенствования системы расселения. Это достаточно подробно сделано в [15; 21; 24; 26; 27].

Предваряя изложение материала, сделаем одно методическое пояснение. Перечень сухопутных территорий АЗРФ определен 2 мая 2014 г. [25]. По субъектам России, полностью включенным в Арктику (Мурманская область, Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа), имеется статистика за относительно длительный период (сюда же относится и городской округ Воркута), по включенным в арктическую зону частично (Республика Саха (Якутия), Красноярский край и Архангельская область без Ненецкого автономного округа) статистическая информация имеется не в полном объеме. Поэтому в помещенных в главе таблицах приводятся разные временные периоды.

Вклад в изучение Севера и Арктики

Отечественная социально-экономическая наука проделала большой исследовательский труд по разработке теоретико-методологических основ освоения и развития северных территорий и Арктики. У истоков североведения и его дальнейшего развития стояли такие

видные ученые, как Г.А. Агранат, А.Г. Гранберг, Е.Г. Егоров, А.В. Истомин, Л.Н. Карпов, К.П. Космачев, В.Н. Лаженцев, С.Н. Леонов, О.П. Литовка, В.Г. Логинов, Г.П. Лузин, Ю.Ф. Лукин, П.А. Минакир, В.И. Павленко, А.Н. Пилясов, А.М. Поздняков, Л.Л. Рыбаковский, В.С. Селин, А.Н. Силин, С.В. Славин, А.И. Татаркин, В.В. Фаузер, А.Г. Шеломенцев и др. В их работах нашли самое широкое освещение все направления науки от экономики/экологии до социологии/демографии, комплексно описан отечественный и зарубежный опыт, обозначены направления развития Севера и Арктики.

Существенный вклад в изучение теоретических и практических проблем Севера и Арктики стали вносить специализированные журналы, освещающие проблемы этих территорий, в том числе «Арктика: экология и экономика» и «Арктика и Север». Большую научно-исследовательскую и организационную работу проводит Центр экономики Севера и Арктики Совета по изучению производительных сил. Академические и отраслевые институты, изучающие Север и Арктику, объединяет стремление сделать освоение Арктики экономически целесообразным, а жизнедеятельность населения – комфортной и безопасной.

Природно-ресурсный потенциал

Для решения стратегических интересов Арктическая зона «выделяется в качестве особого объекта государственного регулирования, обладающего существенными географическими, природно-климатическими и социокультурными особенностями, уникальным природно-ресурсным потенциалом и являющегося пространственной базой реализации национальных интересов России в арктическом регионе» [6, с. 9]. Экономический интерес России к Арктике заключается в том, что она рассматривается как источник ресурсов для социально-экономического развития страны. «В Арктике производится примерно 20% ВВП России и 22% общероссийского экспорта, добывается около 90% никеля и кобальта, 60% меди, 96% платиноидов, 100% барита и апатитового концентрата. Таким образом, Арктика способна обеспечить решение задач социально-экономического развития страны в XXI в. и в значительной степени удовлетворить по-

требности России в углеводородных, водных, биологических ресурсах и других видах стратегического сырья» [4, с. 20]. «В АЗРФ создан самый мощный индустриальный слой, а масштабы хозяйственной деятельности значительно превосходят показатели других полярных стран. Здесь высока доля добавленной стоимости добывающих отраслей и предприятий (составляет 60%, в Гренландии, Норвегии, Швеции, Финляндии, Исландии – не более 15%; на Аляске и в арктической Канаде – около 30%)» [23].

Российский сектор – самый большой среди приарктических государств, его площадь превышает 9 млн км². «В мировой практике нефтегазовые ресурсы континентального шельфа уже давно считаются основным резервом прироста запасов углеводородного сырья. Россия обладает самым крупным по географическим размерам и запасам углеводородов континентальным шельфом, в то время как его доля в общемировой добыче углеводородов крайне мала: 4% – по нефти и 2% – по газу. Площадь континентального шельфа России составляет 6,2 млн км² (около 4 млн км² приходится на Арктический шельф), что соответствует 21% площади шельфа Мирового океана. Согласно Энергетической стратегии России на период до 2030 г., начальные извлекаемые ресурсы углеводородов на шельфе России достигают 90,3 млрд т топлива (условного), в том числе 16,5 млрд т нефти и 73,8 трлн м³ газа. Областью максимальной концентрации углеводородов на современной стадии изученности бассейнов является шельф Западной Арктики – Баренцево, Печорское и Карское моря. Здесь сосредоточена основная часть углеводородных ресурсов – 70%» [5, с. 3]. Однако, осознавая важность добычи углеводородов Арктики, следует иметь в виду, что среднемировая себестоимость добычи нефти составляет около 6 долл. за баррель, изменяясь в широких пределах: от 1,5–3 долл. в странах Ближнего Востока и Северной Африки (Ливия) до 15–18 долл. в США и Канаде. Себестоимость добычи нефти на Приразломном месторождении составляет около 30 долл. за баррель [12]. Высокая себестоимость добычи нефти в Арктике обязывает эксплуатационников искать пути ее снижения.

Расселение населения: подходы и точки зрения

Расселение населения – процесс распределения и перераспределения населения по территории, а также результат этого процесса – сеть поселений. Расселение населения включает его размещение, функциональные территориальные взаимосвязи населенных мест и миграции населения как способ осуществления межтерриториальных связей.

Расселение населения – сложный социально-экономический процесс, отражающий многие стороны жизни общества. На него оказывают влияние три группы факторов: социально-экономические (уровень экономического развития, состояние социальной инфраструктуры, отраслевая структура экономики, транспортная доступность), природные (климат, рельеф местности, почвы и др.) и демографические (уровень естественного воспроизводства населения, интенсивность миграционных связей).

Развитие индустриальной цивилизации, структурные изменения в экономике уменьшают прямое влияние природных факторов на расселение, ведут к изменению в структуре потребностей населения и усиливают тенденцию к его концентрации в определенных районах и крупных городах. В свою очередь, региональные различия в режимах воспроизводства населения также существенно меняют рисунок расселения. По мере развития цивилизации нарастала роль миграции в формировании основных центров расселения населения.

Таким образом, расселение – это процесс размещения людей по обитаемой территории: распределение поселений по территории, людей по поселениям и, наконец, само их расселение в населенных пунктах. То есть в качестве ключевого понятия расселения выступает поселение людей, их место жительства. Расселение тесно связано с интересами и потребностями производства и обусловлено размещением производственных и социальных организаций на той или иной территории. Однако нельзя считать, что рисунок расселения обусловлен лишь производством. Эта зависимость исторически изменчива. В настоящее время все большее понимание получает точка зрения, что размещение производства должно учитывать особенности жизнедеятельности населения конкретной территории, качество трудового и

демографического потенциалов. В случае с Арктической зоной необходимо учитывать также интересы коренного населения.

Выполняя ряд важных функций, расселение оказывает непосредственное воздействие на формирование населения, его адаптацию к среде обитания. Поэтому для успешного формирования населения необходимо выявить тенденции в расселении и установить, соответствуют ли они задачам эффективного развития и размещения производительных сил, социального развития общества. Важно определить такую организацию населения, которая не только способствует росту эффективности общественного производства, но и обеспечивает благоприятные условия для всестороннего и гармоничного развития личности, полную и эффективную занятость. Расселение и демографические процессы связаны между собой единством субъекта – населения. Выяснение и анализ механизма этой связи необходимы для того, чтобы создать благоприятные расселенческие условия для улучшения демографической ситуации как по стране в целом, так и в региональном разрезе [22, с. 17].

При освоении и заселении северных и арктических территорий исторически сложились две формы расселения: ленточное и очаговое. Для ленточного расселения характерно размещение населенных пунктов вдоль рек, линий железных и автомобильных дорог. Данный тип был характерен до начала и в первоначальный период промышленного освоения Севера России. При очаговом расселении в качестве основы выступает наличие месторождений каменного угля, нефти и газа, цветных и редких металлов, лесного и других видов природного сырья. Эта форма расселения является основной с момента промышленного освоения северных территорий и Арктики. Коренное население обитало либо вдоль рек, либо кочевало по тундре без привязки к определенному месту жительства. Поэтому можно констатировать, что основой формирования городов и рабочих поселков на Севере выступало и выступает производство, вернее, районы залегания дефицитных для страны полезных ископаемых.

На первом этапе промышленного освоения северных районов рабочие поселки создавались в непосредственной близости от мест приложения труда, по принципу «жилье в пешеходной доступности от

мест приложения труда» [13, с. 159]. Кроме того, малая общая численность населения, особенности хозяйственного освоения, разбросанность ископаемых богатств, трудность транспортных связей и некоторые другие факторы обусловили формирование на Севере и в Арктике определенной системы расселения, характеризующейся наличием большого числа мелких и мельчайших поселений, специализирующихся на выполнении той или иной функции [32, с. 49]. Это было особенно характерно для Арктики, где возникло много обособленных мелких, иногда временных, малоблагоустроенных поселений, функционально и планировочно не связанных друг с другом. По численности эти поселки насчитывали менее 3 тыс. жителей, что влекло повышенные градостроительные затраты за счет низкой плотности застройки. По мере выработки месторождений часть поселков ликвидировалась.

Следует отметить, что подходы к формированию городов были более жесткими, чем к городским поселкам. Их создание определялось прежде всего хозяйственной специализацией и перспективами дальнейшего развития региона, которые в первую очередь зависели от «жизненности» или «долголетия» градообразующей отрасли. В начале 1980-х годов в количественном отношении предлагались следующие типы городов: опорные на 300 тыс. жителей, базовые на 80–150 тыс. жителей, промышленные на 15–30 тыс., вахтенные и экспедиционные поселки [17, с. 11]. В более поздний период и сегодня нет единой точки зрения на оптимальную величину города на Севере и в Арктике. Но одно замечание можно высказать: города должны иметь некоторые пределы роста, поскольку рост крупных городов для АЗРФ не всегда целесообразен.

Условия освоения Севера и Арктики способствовали созданию как традиционных (стабильных) форм расселения, так и мобильных, где места приложения труда и проживания были разъединены большими расстояниями. В районах с неблагоприятными для постоянного проживания природными условиями создавалась система расселения, включающая базовый многофункциональный город, выполняющий административные, культурные, транспортные и другие функции, и вахтовые поселки с набором бытовых услуг и комфортных условий

проживания для сменного персонала. Впервые в крупных масштабах межрегиональная форма вахтово-экспедиционного метода на Тюменском Севере была экспериментально внедрена в Карской нефтегазодобывочной экспедиции в 1974 г., когда регулярно сменявшиеся вахтовые коллективы вылетали на работу из Тюмени на Ямал (поселок Харасавэй) [18, с. 76–78]. Правомерность его очевидна, особенно в первоначальный период освоения месторождений. При обустройстве перспективных месторождений важно изначально определить статус населенных пунктов и региональные нормативы развития социальной сферы. Следует иметь в виду и то, что вахтовый метод освоения не теряет актуальности и сегодня, его применение сопряжено с проблемами профессиональной идентичности [9] и социальными рисками для развития принимающих территорий [10; 11].

Совершенствование системы расселения необходимо увязывать и с расширением военного присутствия России в Арктике. Размещение небольших, но технически оснащенных и располагающих современными транспортными средствами контингентов военнослужащих на постоянной основе было бы целесообразно не в «чистом поле», а (там, где это возможно) в предельной близости к имеющимся населенным пунктам. Это позволило бы занять часть местного населения производительным трудом по гражданскому обслуживанию военных объектов, организовать питание военнослужащих продуктами местного производства (свежее мясо и рыба), решить проблемы медицинского обслуживания местного населения в особо сложных случаях, использовать в допустимых пределах для местных нужд военную транспортную инфраструктуру [8, с. 57].

В районах Севера и Арктики расселение населения необходимо рассматривать не только как систему населенных пунктов, но и как процесс формирования населения. Одной из проблем расселения остается развитие опорной сети многофункциональных городских поселений, оказывающих непосредственное влияние на процесс формирования населения и стабильность человеческих ресурсов. Комплексное освоение природных ресурсов позволит решить данную проблему. При многофункциональном развитии городов зоны Севера и Арктики возникает реальная основа обеспечения рациональной занятости населения.

Расселение населения как процесс может быть количественно измерен. Советский географ О. А. Константинов предложил использовать минимум основных признаков: плотность населения (всего и только сельского), долю городского населения, людность городских поселений, людность сельских поселений, динамику населения (всего, городского и сельского). Ниже приводится анализ расселения населения в АЗРФ по предложенным признакам.

Динамика населения АЗРФ

На 1 января 2015 г. численность населения сухопутных территорий Арктической зоны составила 2 млн 391,6 тыс. человек, или 1,7% населения России. В городах и поселках городского типа проживают 2 млн 135,3 тыс. человек (89,3%), в сельской местности – 256,3 тыс. человек (10,7%). Три арктических региона имеют численность населения свыше 500 тыс.: Мурманская область – 766,3, Архангельская область – 655,1 и Ямало-Ненецкий АО – 540 тыс. человек.

С 2002 по 2015 г. население АЗРФ уменьшилось с 2641,3 до 2391,6 тыс. человек, или на 249,7 тыс., в том числе городское – с 2355,6 до 2135,4 тыс. человек, или на 220,2 тыс. Из восьми российских регионов сухопутных территорий Арктической зоны в шести произошло уменьшение численности населения, а в двух, Ненецком и Ямало-Ненецком АО, численность населения возросла, в том числе и городского. Регионы, входящие в АЗРФ, высокоурбанизированы, доля городского населения составляет в Республике Коми (городской округ Воркута) 99,4%, в Архангельской области – 92,7%, в Мурманской области – 92,6%, в Ямало-Ненецком АО – 83,8% против 74,3% по России в целом. Низкоурбанизированными являются два региона: Республика Саха (Якутия) – 50,4% (по всему населению республики доля городского населения составляет 65,3%) и Чукотский АО – 68,3% (табл. 8.1).

Таблица 8.1

Численность населения сухопутных территорий Арктической зоны России за 2002-2015 гг.

Территория	Все население, человек			В том числе городское население					
				человек			%		
	Перепись		На 1 января 2015 г.	Перепись		На 1 января 2015 г.	перепись		На 1 январ я 2015 г.
	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.		2002 г	2010 г	
Российская Федера- ция *	145 166 73 1	142 856 53 6	143 972 400	106 429 04 9	105 313 77 3	106 951 45 8	73,3	73,7	74,3
Арктическая зона	2 641 256	2 428 104	2 391 631	2 355 623	2 173 004	2 135 359	89,2	89,5	89,3
Республика Коми	134 172	95 854	82 953	132 378	95 241	82 481	98,7	99,4	99,4
Республика Саха (Якутия)	33 161	28 325	26 194	18 244	14 640	13 192	55,0	51,7	50,4
Красноярский край	284 361	229 392	227 205	258 285	206 300	204 942	90,8	89,9	90,2
Архангельская об- ласть без Ненецкого АО	694 652	663 604	655 100	638 564	614 125	606 986	91,9	92,5	92,7
Мурманская область	892 534	795 409	766 281	823 215	738 382	709 548	92,2	92,8	92,6
Ненецкий АО	41 546	42 090	43 373	26 242	28 539	31 118	63,2	67,8	71,7
Чукотский АО	53 824	50 526	50 540	35 869	32 734	34 522	66,6	64,8	68,3
Ямало-Ненецкий АО	507 006	522 904	539 985	422 826	443 043	452 570	83,4	84,7	83,8

* Без учета Крымского федерального округа.

Таблица 8.2

**Распределение населения сухопутных территорий Арктической зоны России по полу
по данным переписей 2002 и 2010 гг.**

Территория	Перепись 2002 г.					Перепись 2010 г.				
	Все население, человек	В том числе		Доля мужчин, %	Женщин на 1000 мужчин	Все население, человек	В том числе		Доля мужчин, %	Женщин на 1000 мужчин
		мужчин	женщин				мужчин	женщин		
Российская Федерация	145 16 6731	67 605 133	77 561 598	46,6	1147	142 856 536	66 046 579	76 809 957	46,2	1163
Арктическая зона	2 641 256	1 281 767	1 359 489	48,5	1061	2 428 104	1 160 319	1 267 785	47,8	1093
Республика Коми	134 172	64 985	69 187	48,4	1065	95 854	45 554	50 300	47,5	1104
Республика Саха (Якутия)	33 161	16 927	16 234	51,0	959	28 325	14 119	14 206	49,8	1006
Красноярский край	284 361	141 595	142 766	49,8	1008	229 392	113 694	115 698	49,6	1018
Архангельская область без Ненецкого АО	694 652	319 403	375 249	46,0	1175	663 604	302 387	361 217	45,6	1195
Мурманская область	892 534	435 135	457 399	48,8	1051	795 409	379 560	415 849	47,7	1096
Ненецкий АО	41 546	20 547	20 999	49,5	1022	42 090	20 487	21 603	48,7	1054
Чукотский АО	53 824	28 302	25 522	52,6	902	50 526	25 318	25 208	50,1	996
Ямало-Ненецкий АО	507 006	254 873	252 133	50,3	989	522 904	259 200	263 704	49,6	1017

Для населения сухопутных территорий АЗРФ характерна повышенная доля мужчин по отношению к России в целом. Однако и здесь шло уменьшение доли мужчин в общей численности населения: 2002 г. – 48,5%, 2010 г. – 47,8%, в том числе у городского населения соответственно 48,1% и 47,4%. В разрезе отдельных территорий можно отметить, что если в 2002 г. в трех регионах был отмечен перевес мужчин: Чукотский АО – 52,6%, Республика Саха (Якутия) – 51,0% и Ямало-Ненецкий АО – 50,3%, то в 2010 г. это наблюдалось только в одном, в Чукотском АО – 50,1% (табл. 8.2).

Следует подчеркнуть, что такое соотношение полов не соответствует стратегическим интересам освоения Арктики. Положение, когда в северных регионах и Арктике женщин стало больше, чем мужчин, совершенно нетипично [1, с. 45].

Города российской Арктики

С 1979 по 1989 гг. численность населения городов сухопутных территорий Арктики увеличилась с 1 млн 852 тыс. до 2 млн 475 тыс. человек, или на 623 тыс. В последующие годы численность населения городов постоянно сокращалась и составила в 2010 г. 1 млн 998 тыс. человек. С 1989 по 2010 гг. сокращение составило 477 тыс. человек. В то же время в 2010 г. численность населения городов АЗРФ была больше ее численности в 1979 г. на 146 тыс. человек.

За рассматриваемый период количество городов постоянно увеличивалось. В 1979 г. в АЗРФ было 26 городов, в 2002 г. – 38, в 2010 г. – 37. Количественно преобладают города с численностью населения до 50 тыс. человек: в 1979 г. – 18 городов (69,2%), в 1989 г. – 17 (56,7%), в 2002 г. – 27 (71,1%), в 2010 г. – 28 (75,7%). Число городов с численностью населения 100–250 тыс. человек варьировалось с 3 до 2, а затем с 2 до 4. В АЗРФ расположены два города с численностью населения свыше 250 тыс. человек (в 1989 г. в их числе был Северодвинск) (табл. 8.3).

С 1979 по 1989 гг. средняя людность городов Арктической зоны увеличилась с 71 228 до 82 508 человек (на 11 280 человек), затем она постоянно уменьшалась и составила в 2010 г. 53 988 человек. Средняя людность городов с 1989 по 2010 гг. сократилась на 28 520 человек. В России средняя людность городов значительно выше: в 1979 г. – 83 031,

в 1989 г. – 91 080, 2010 г. – 88 661 человек. С 1989 по 2010 гг. она сократилась на 2419 человек, что в 12 раз меньше, чем по городам АЗРФ.

Таблица 8.3

Распределение городов сухопутных территорий Арктической зоны России по численности населения и средняя людность городов по данным переписей 1979, 1989, 2002 и 2010 гг.

Показатель	1979	1989	2002	2010
Численность населения городов, человек	1 851 920	2 475 255	2 098 769	1 997 562
Число городов	26	30	38	37
из них с числом жителей:				
менее 5000	1	1	1	4
5000–9999			4	1
10 000–19 999	5	4	9	9
20 000–49 999	12	12	13	14
50 000–99 999	3	8	7	3
100 000–249 999	3	2	2	4
250 000 и более	2	3	2	2
Средняя численность (людность) городов, человек	71 228	82 508	55 231	53 988
Справочно: средняя численность (людность) городов России, человек	83 031	91 080	87 356	88 661

Высокая людность городов Арктики сохраняется благодаря тому, что основная часть их населения проживает в городах с численностью населения более 50 тыс. человек: в 1979 г. – 76,8%, в 1989 г. – 81,5%, в 2002 г. – 73,1%, в 2010 г. – 71,0%. Незначительная часть населения проживает в малых городах с численностью населения до 10 тыс.: в 1979 г. – 0,3%, в 2010 г. – 1,1%. Распределение населения по городам разной людности представлено в табл. 8.4.

Особый статус в расселенческой сети занимают города с численностью населения больше 100 тыс. человек, относимые к большим. Их в России на 1 января 2015 г. было 169, из них 6 расположены в АЗРФ. Число жителей сухопутных территорий Арктики, проживающих в городах с численностью населения свыше 100 тыс. человек, уменьшилось с 1258,0 в 1979 г. до 1238,5 тыс. человек в 2010 г., а их доля – соответственно с 67,9% до 62,0%.

Таблица 8.4

**Распределение населения городов сухопутных территорий Арктической зоны России по числу жителей
по данным переписей населения 1979–2010 гг.**

Показатель	Год	Всего	Из них с числом жителей						
			менее 5000	5000– 9999	10 000– 19 999	20 000– 49 999	50 000– 99 999	100 000– 249 999	250 000 и более
Численность, человек	1979	1 851 920	4 611		71 814	352 696	164 783	490 536	767 480
	1989	2 475 255	4 984		66 705	387 100	578 430	295 086	1 142 950
	2002	2 098 769	3 863	25 046	131 415	403 658	506 216	336 383	692 188
	2010	1 997 562	9 908	11 689	125 466	431 734	180 280	582 445	656 040
Удельный вес, %	1979	100,0	0,3		3,9	19,0	8,9	26,5	41,4
	1989	100,0	0,2		2,7	15,6	23,4	11,9	46,2
	2002	100,0	0,2	1,2	6,3	19,2	24,1	16,0	33,0
	2010	100,0	0,5	0,6	6,3	21,6	9,0	29,2	32,8
Справочно: удельный вес в России, %	1979	100,0	0,1	0,8	4,3	13,2	11,2	15,6	54,8
	1989	100,0	0,1	0,7	3,8	12,3	11,8	13,8	57,5
	2002	100,0	0,1	0,8	4,3	12,1	11,6	14,4	56,7
	2010	100,0	0,2	0,9	3,9	11,9	11,1	14,5	57,5

Таблица 8.5

Города сухопутных территорий Арктической зоны России с численностью населения свыше 100 тыс. человек по данным переписей населения 1939–2010 гг. и на начало 2015 г., человек¹

Город	Год образования	1939 ²	1959 ²	1970 ³	1979 ⁴	1989 ⁴	2002	2010	2015
Архангельск	1584	251 000	256 309	342 590	385 433	416 812	356 051	348 783	350 982
Мурманск	1916	119 369	221 874	308 642	382 047	472 274	336 137	307 257	305 236
Северодвинск	1938	21 304	78 657	144 672	202 445	253 864	201 551	192 353	186 172
Норильск	1953	–	109 442	135 487	186 951	179 757	134 832	175 365	176 251
Новый Уренгой	1980	–	–	–	–	95 254	94 456	104 107	115 092
Ноябрьск	1982	–	–	–	–	87 144	96 440	110 620	107 129
Воркута	1943	–	55 668	89 742	101 140	115 329	84 917	70 548	60 368

¹ Ранжировано по данным на 1 января 2015 г.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года РСФСР. – М.: Госстатиздат, 1963. – С. 30–38.

³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. – М.: Статистика, 1972. – Т.1. – С. 22–60.

⁴ Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. – М.: РИИЦ, 1991. – С. 168–243 (численность постоянного населения).

Таблица 8.6

**Распределение населения городов сухопутных территорий Арктической зоны России по полу,
по данным переписей 2002 и 2010 гг.**

Территория	Перепись 2002 г.					Перепись 2010 г.				
	Все насе- ление, че- ловек	В том числе		Доля мужчин, %	Женщин на 1000 мужчин	Все на- селение, человек	В том числе		Доля мужчин, %	Женщин на 1000 мужчин
		мужчин	женщин				мужчин	женщин		
Российская Федерация	95 916 477	44 161 151	51 755 326	46,0	1172	97 526 808	44 461 177	53 065 631	45,6	1194
Арктическая зона	2 098 769	999 003	1 099 766	47,6	1101	1 997 562	940 984	1 056 578	47,1	1123
Республика Коми	84 917	40 248	44 669	47,4	1110	70 548	32 715	37 833	46,4	1156
Республика Саха (Якутия)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Красноярский край	254 361	126 465	127 896	49,7	1011	203 723	101 008	102 715	49,6	1017
Архангельская область без Ненецкого АО	628 278	286 489	341 789	45,6	1193	606 685	274 280	332 405	45,2	1212
Мурманская область	732 874	348 397	384 477	47,5	1104	664 293	310 875	353 418	46,8	1137
Ненецкий АО	18 611	8 890	9 721	47,8	1093	21 658	10 224	11 434	47,2	1118
Чукотский АО	22 425	11 325	11 100	50,5	980	22 713	11 238	11 475	49,5	1021
Ямало-Ненецкий АО	357 303	177 189	180 114	49,6	1017	407 942	200 644	207 298	49,2	1033

Городов, в разные годы имевших численность населения свыше 100 тыс. человек, всего семь: Архангельск – 350 982, Мурманск – 305 236, Северодвинск – 186 172, Норильск – 176 251, Новый Уренгой – 115 092, Ноябрьск – 107 129, Воркута – 60 368 человек (в 1989 г. – 115 329) (табл. 8.5).

Половые диспропорции характерны и для населения городов АЗРФ. Если в целом по населению сухопутных территорий Арктики доля мужчин составляет 47,8%, по городскому населению – 47,4%, то по городам Арктики – 47,1%. Больше всего половые диспропорции характерны для четырех арктических регионов, где на 1000 мужчин приходится женщин: в Архангельской области – 1212, в Республике Коми – 1156, в Мурманской области – 1137, в Ненецком АО – 1118. Абсолютный перевес женского населения составил в 2010 г. 115 594 человека (табл. 8.6).

Поселки городского типа АЗРФ

В системе расселения России в отличие от подавляющего большинства стран имеются две категории городских поселений – города и поселки городского типа (пгт). Вторая категория появилась в 1920-х годах как переходная форма между настоящими городами и сельскими поселениями. Предполагалось, что по мере развития промышленности и других несельскохозяйственных отраслей экономики поселки городского типа будут расти и со временем преобразуются в настоящие города. То есть пгт должны были стать промежуточным звеном на пути преобразования сельских поселений в города [20, с. 10–11]. Жизнь показала несостоятельность такого подхода: большинство пгт так и не стало городами, а были преобразованы либо в сельские поселения, либо прекратили существование.

Развитие городских поселков в АЗРФ подтвердило теоретические положения. С 2002 по 2010 гг. количество пгт сократилось с 63 до 43, а проживающее в них население – с 256,9 до 175,4 тыс. человек. Больше всего сократилось количество пгт в Чукотском АО (с 13 до 5) при одновременном увеличении средней людности с 1222 до 2004 человек, или на 164,0%. Сократилось количество пгт на 4 единицы в Мурманской области и Ямало-Ненецком АО. Но если в Мурманской

области произошло увеличение средней людности на 109,4%, то в Ямало-Ненецком АО она сократилась на 96,4% (табл. 8.7).

Таблица 8.7

**Число и численность населения поселков городского типа
Арктической зоны России по данным переписей 2002 и 2010 гг.**

Территория	2002			2010			Средняя люд- ность 2010 г. к 2002 г., %
	Число пгт *	Числен- ность, человек	Средняя люд- ность, человек	Число пгт **	Числен- ность, человек	Средняя люд- ность, человек	
<i>Всего АЗРФ</i>	63	256 854	4211	43	175 442	4386	104,2
Республика Коми	10	47 461	4746	8	24 693	4939	104,1
Республика Саха (Якутия)	7	18 244	2606	6	14 640	2440	93,6
Красноярский край	3	3 924	1308	3	2 577	859	65,7
Архангельская область без Ненецкого АО	3	10 286	3429	3	7 440	2480	72,3
Мурманская область	16	90 341	5646	12	74 089	6174	109,4
Ненецкий АО	2	7 631	3815	1	6 881	6881	180,4
Чукотский АО	13	13 444	1222	5	10 021	2004	164,0
Ямало- Ненецкий АО	9	65 523	7280	5	35 101	7020	96,4

* Включая 2 пгт без населения в Чукотском АО.

** Включая 3 пгт без населения в Республике Коми.

Однако снижение или увеличение средней людности не всегда объективно отражает реальные процессы. В 2002 г. в Ненецком АО было 2 пгт – Искатель с численностью населения 6981 человек и Амдерма с численностью 650 человек, средняя людность – 3815 человек. В 2010 г. остался один пгт Искатель с численностью населения 6881, а пгт Амдерма был преобразован в сельский населенный пункт. Формально средняя людность увеличилась на 180,4%, а фактически уменьшилась на 100 человек.

Существует точка зрения, что все пгт, не имеющие перспектив роста и перехода в города, должны быть преобразованы в сельские

населенные пункты. Исключение при этом может быть сделано для поселков северных и восточных регионов России, где значение пгт в системах расселения наиболее велико, а также в слабо урбанизированных регионах. Там многие добывающие пгт играют роль организующих центров больших территорий, образуя каркас городского расселения [14]. В соответствии с законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» пгт, расположенные в АЗРФ, могут быть преобразованы в городские округа, в состав которых входят и сельские населенные пункты.

Заключение

В настоящее время на сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации проживает 2,4 млн человек. Население расселено в 37 городах и 40 рабочих поселках (89,3% населения). Основная часть городского населения проживает в городах с численностью населения более 50 тыс. человек (в 2010 г. – 65,3%). Средняя людность арктических городов – 53 988, поселков городского типа – 4386 человек. Расселение населения по выбранному кругу показателей показало их отрицательную (ниспадающую) динамику. Что необходимо предпринять, чтобы усовершенствовать существующую систему расселения населения в АЗРФ?

Во-первых, нужно определиться с концепцией развития городских поселений Арктики. Это важно сделать по следующим соображениям. Сегодня город (даже крупный) не способен самостоятельно развиваться до такой формы, которая бы предполагала самодостаточность. Современный город по своим возможностям уже не соответствует задачам развития, поскольку он несамодостаточен, неэффективен и нерационален. Изолированный город без продуманной концепции развития вряд ли способен стать единицей развития. Представляется, что таким образованием, такой единицей развития может стать регион, а город – его ядром. При этом регион должен иметь свою питательную среду для запуска программ развития, свои средства для решения проблем [2, с. 40]. В этом плане нам представляется, что такой питательной средой для развития арктических городов может стать сухопутная часть Арктики как единый регион комплексного развития. На это нацелены про-

граммные документы: «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» и ряд других.

Во-вторых, сокращение числа городских и сельских поселений приводит к интенсивному вымыванию населения из межгородского пространства. Малочисленность городов и значительные расстояния между ними ведут к невысокой территориальной подвижности населения; медленной модернизации образа жизни и гораздо худшей адаптации к социально-экономическим изменениям в обширных межгородских пространствах. Это способствовало закреплению тенденции усиления пространственной неравномерности расселения на всех территориальных уровнях. Один из наиболее негативных результатов данной тенденции – пространственное «сжатие», сокращение осваиваемого пространства и прежде всего на периферийных территориях всех видов. Таким образом, с одной стороны, происходит концентрация населения в ограниченном числе ареалов, усиливающая поляризацию пространства (стягивание населения и хозяйственной деятельности в наиболее благоприятные для жизнедеятельности ареалы), с другой – сокращение ойкумены [3, с. 32]. Это, пожалуй, одна из проблем, у которой нет однозначного решения. С одной стороны, необходимо укрупнять населенные пункты, развивать городскую сеть, придавать новую жизнь сельским поселениям, а с другой – необходимо осваивать арктическую сухопутную часть России, поскольку Арктика является форпостом между материковой частью и сопредельными государствами; иметь здесь определенную поселенческую сеть необходимо исходя из геополитических и оборонных интересов страны. Без создания опорной сети поселений не будет нового обустройства Арктики в прямом смысле слова. В то же время никто не отрицает и такое ограничение: на территориях с абсолютно дискомфортными и экстремально дискомфортными климатическими условиями, а также с ограниченными запасами эксплуатируемых природных ресурсов предпочтительнее создавать временные формы расселения.

В-третьих, как и в 1950-х и 1980-х годах, нет однозначной позиции относительно размеров северных, а тем более арктических городов. Нельзя применять один подход к Архангельску и Мурманску, имеющим вековую историю, и к новым городам, созданным на пустом месте: Воркуте, Ноябрьску, Новому Уренгою, Норильску и Северодвинску. Можно согласиться со следующей точкой зрения: «...многофункциональность города, а не его размеры – вот притягательная сила крупнейших городов. Преимущественному их развитию необходимо противопоставить широкую сеть многофункциональных городов разного ранга» [22, с. 35]. При многофункциональном развитии городов районов Севера появляется реальная основа обеспечения полной и наиболее рациональной занятости формируемого населения в ближайшей перспективе. Для этого необходимо перейти к системе расселения, включающей создание многофункционального города, выполняющего административные, культурные, транспортные и другие функции, и сети вахтовых поселков с переменным составом населения, имеющих полный набор бытовых услуг и комфортные условия проживания [28, с. 5]. Нам представляется, что за исключением Архангельска и Мурманска большая часть арктических городов могла бы выполнять функцию базовых городов. В пользу вахты говорят еще два обстоятельства. Результаты медико-физиологических исследований не рекомендуют работать в условиях Крайнего Севера более пяти-семи лет подряд. Из этого следует, что целесообразно использовать внутреннюю вахту: «работник, постоянно проживающий на территориях, граничащих с Западно-Сибирским регионом, легче переносит условия труда на Крайнем Севере, чем вахтовик из средней полосы России, а тем более из южных регионов страны» [19, с. 116–117].

Таким образом, можно заключить, что расселенческая тематика АЗРФ требует новых, более глубоких исследований на междисциплинарном уровне. Особое внимание необходимо обратить на обоснование людности арктических городов и сельских поселений, на демографический и социологический аспекты организации труда вахтовым методом, на целесообразность подготовки профессиональных кадров в учебных заведениях, расположенных в АЗРФ.

1. Агранат Г.А. Что происходит на Севере? // ЭКО. – 2007. – № 10. – С. 35–49.
2. Баяндин М.А., Баяндина Г.Д. Формирование и развитие города на этапе модернизации экономики: теоретико-методологический аспект // Модернизация экономики регионов России: проблемы, ориентиры и факторы развития : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. В.В. Пленкиной. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – С. 35–40.
3. Вайнберг Э. Пространство, расселение и модернизация экономики России // Федерализм. – 2013. – № 1 (69). – С. 25–38.
4. Васильев А.В. Арктика: новый вектор развития // Арктика: экология и экономика. – 2011. – № 1. – С. 20–25.
5. Воронина Е.П. Влияние освоения и транспортировки углеводородных ресурсов Арктического шельфа на развитие Северного морского пути // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2014. – № 6. – С. 3–6.
6. Городецкий А.Е., Иванов В.В., Филин Б.Н. Правовые и методические проблемы стратегического планирования развития арктических регионов России // Арктика: экология и экономика. – 2014. – № 4 (16). – С. 4–13.
7. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. – М.: Новый хронограф, 2013. – 548 с. – (Сер. «Соц. пространство»).
8. Лексин В., Порфирьев Б. Новое обустройство Арктики: вызов и социально-экономический ресурс будущего России // Проблемы теории и практики управления. – 2015. – № 6. – С. 54–60.
9. Лыткина Т.С. Вахта и возможности профессиональной самореализации работников на Российском Севере // Проблемы развития экономики и сферы сервиса в регионе : материалы VIII Международной научно-практической конференции (14 марта 2014 г., г. Сыктывкар) : в 2 т. – Сыктывкар, 2014. – Т. 2. – С. 107–110.
10. Лыткина Т.С. Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журн. социологии и соц. антропологии. – 2014. – Т. 17. – № 3. – С. 33–47.
11. Лыткина Т.С. Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми научного центра УрО РАН. – Сыктывкар. – №3(19). – 2014. – С. 144–151.

12. Моисеев А. С уважением к медведю. Осваивать Арктику нужно предельно аккуратно // Поиск: ежеднев. газ. – 2014. – № 8. URL. <http://www.poisknews.ru/theme/science/9351/>
13. Панов Л.К. Системы расселения и охрана природной среды на Севере // Проблемы Севера. – М., 1973. – Вып. 18.
14. Полян П.М. Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. – М.: Ин-т географии АН СССР, 1988.
15. Руденко Д.Ю. Анализ демографических процессов в российской Арктике // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2015. – Т. 6. – № 4. – С. 51–57.
16. Рыбаковский Л.Л. Депопуляция и ее этнические аспекты в России // Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 18–28.
17. Свешников В.К. Градостроительные проблемы Севера : тезисы докладов (Мурманск, сентябрь 1971). – Л., 1971. – С. 5–19.
18. Силин А.Н. О нетрадиционных формах организации труда на Крайнем Севере // Социологические исследования. – 1987. – № 4. – С. 76–78.
19. Силин А.Н. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 4. – С. 109–123.
20. Симагин Ю.А. Поселки городского типа России: трансформация сети и особенности населения. – М.: Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН, 2009. – 244 с.
21. Синица А.Л. Демографическое развитие регионов Арктической зоны России в 2010–2014 гг. // Арктика: экология и экономика. – 2016. – № 1 (21). – С. 18–27.
22. Смидович С.Г. Основные факторы и противоречия расселения населения // Проблемы расселения в СССР: Социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления. – М., 1980.
23. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. URL. http://www.minregion.ru/uploads/attachment/02_dtp/110113_a.doc.
24. Сукнёва С.А. Арктическая зона северо-востока: проблемы демографического развития // Регион. экономика. – 2013. – № 25. – С. 13–16.
25. Указ Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 2 мая 2014 г. № 296.
26. Фаузер В.В. Демографический потенциал северных регионов России как фактор экономического освоения Арктики // Арктика и Север. – 2013. – № 10. – С. 19–25.

27. Фаузер В.В. Демографический потенциал северных регионов России – фактор и условие экономического освоения Арктики // Экономика региона. – 2014. – № 4. – С. 69–80.

28. Фаузер В.В., Жиделева В.В., Загайнова Г.В. Расселение населения и его особенности в северных районах. – Сыктывкар, 1996. – 29 с.

29. Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Г.Н. Сельское население северного региона: демографические структуры и характеристики расселения // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2012. – № 1.

30. Фаузер В. В., Назарова И. Г., Фаузер Г. Н. Сельское население северного региона: особенности жизнедеятельности, динамика и расселение // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2011. – № 4.

31. Фаузер В. В., Фаузер Г. Н. Основные тенденции расселения населения в районах Севера // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2013. – № 1. – С. 152–179.

32. Ходачек В. М. О формировании населения в районах Крайнего Севера СССР: На примере Алданского горнопромышленного района // Северо-запад европейской части СССР. – Л., 1973. – Вып. 9.

ГЛАВА 9

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ*

Введение

Любая экономика независимо от форм собственности базируется на факторах производства – экономических ресурсах: земле, капитале, труде и предпринимательских способностях. На протяжении XX в. все названные факторы безусловно играли важную роль, но в начавшемся XXI в. определяющим фактором становится фактор наличия лучших ресурсов труда. Причем не просто лучших физически, а лучше профессионально образованных. За счет системы образования и базирующихся на ней наукоемких отраслей развитые страны мира получают до 40% валового национального продукта.

Необходимо также осознать, что основным источником роста национального богатства при переходе на постиндустриальный путь развития являются нематериальные активы. Его величина в национальном богатстве страны составляет: в Швейцарии – 84%, Дании – 84%, Швеции – 87%, США – 82%, Германии – 85%, Японии – 69%, Австрии – 84%, Норвегии – 63%, Франции – 86%, Люксембурге – 86%. Россия по показателю вклада человеческого потенциала в создание общественного богатства относится к 15% наименее успешных по этому показателю государств [1].

Для наиболее развитых стран мира размер общего богатства на душу населения составляет около 300 тысяч долларов, при этом доля человеческих ресурсов в богатстве составила 68–76%, произведенных активов (физического капитала) – 19–30%, природного капитала – всего 2–5%.

Как стратегический ресурс повышения эффективности развития экономики человеческая компонента используется весьма неэффективно. Исследования зарубежных исследователей показывают, что 66% опрошенных указывают на невозможность полностью реализовать свои способности на работе; рабочие, не боясь увольнения, в

* Глава подготовлена при участии И.А. Панариной.

среднем использует 20–25% своих потенциальных возможностей. Однако, по мнению опрошенных, эта цифра может быть увеличена до 70–80% при условии стимулирования коммуникаций, расширении возможностей образовательного и профессионального роста, создании предпосылок для большего вовлечения работников в процесс принятия хозяйственных решений.

Результаты отечественных исследований, проводимых в разные годы, стабильно указывали на то, что подавляющая часть рабочих и ИТР (85–95% опрошенных) могли трудиться более эффективно. Многие из опрошенных указывали на то, что их потенциал используется на 75–80%. Скрытые излишки человеческих ресурсов составляли 20–25% от числа занятых на предприятии. В полную силу трудились около трети работников.

Население – демографический источник трудового потенциала Республики Коми

Его роль в обеспечении модернизации региональной экономики нельзя недооценивать. Именно трудоспособное население, являясь субъективным фактором повышения эффективности производственной деятельности, роста объемов валового регионального продукта, определяет уровень социально-экономического развития республики. Вследствие этого развитие количественных и качественных характеристик трудового потенциала, адекватных современным вызовам социально-экономического развития хозяйственного комплекса республики, является обязательным условием успешного решения стоящих перед республикой задач.

Каковы же демографические ресурсы воспроизводства трудового потенциала республики? Совершенно очевидно, что сегодня республика не может решать задачи экономического развития за счет собственных трудовых ресурсов.

Можно выделить шесть основных демографических проблем наращивания трудового потенциала республики. Кратко обозначим их.

Первая – остающаяся высокой смертность населения, и особенно его трудоспособной части. Основные причины – резкий рост смертности от заболеваний сердечно-сосудистой системы (особенно у муж-

чин), производственных и бытовых травм, хронических болезней, которые не поддаются быстрому и дешевому лечению. Игрет роль поведенческий фактор: только от внешних причин смерти в 2014 г. умерло 1569 человек, в том числе в автокатастрофах погибло 173 человек, совершили самоубийство 293 человек, произошло убийств – 156.

Вторая проблема – низкая рождаемость, хотя она имеет тенденцию к росту, но еще не достигла показателей дореформенного периода.

Третья проблема связана с первыми двумя – депопуляция, т. е. сокращение общей численности населения. В результате резкого сужения режима замещения поколений сформировалась долговременная тенденция к сокращению относительной и абсолютной численности населения как в целом, так и находящегося в границах трудоспособного возраста (депопуляция рабочих поколений).

Четвертая – старение населения. Население стареет из-за низкой рождаемости, увеличивается срок сосуществования поколений. Меняется возрастная структура населения и пропорция иждивенцев (детей и пожилых людей). Эта пропорция имеет прямое отношение к политике государства: если дети – в основном забота родителей, то пожилые люди – забота государства.

Пятая проблема – отсутствие контроля и инструментов регулирования внутренней миграции населения. Внутренняя миграция населения России практически выпала из поля зрения как исследователей, так и органов власти.

Шестая проблема – рост неконтролируемой внешней миграции. Один из региональных аспектов этой проблемы – неготовность республики к приему большого числа мигрантов при потенциальной угрозе дальнейшего роста массового нелегального въезда в страну в будущем [2].

Теория вопроса: политика на рынке труда по улучшению спроса и предложения

Для стабилизации занятости и безработицы на социально приемлемом уровне можно проводить либо активную, либо пассивную политику занятости (чаще всего присутствуют элементы и пассивной, и активной политики). В зависимости от степени развития рыночных

отношений определяется перечень мероприятий, направленных на формирование спроса и предложения рабочей силы.

Формирование спроса на рабочую силу подчинено потребностям и интересам работодателя и призвано обеспечить конкурентоспособность возглавляемого им предприятия для получения прибыли.

Первое и основное направление политики формирования спроса на рабочую силу – сохранение и модернизация рабочих мест, создание новых и ликвидация неэффективных. Эти меры осуществляются на действующих предприятиях при поддержке местных и региональных органов власти, содействующих привлечению необходимых средств, в первую очередь в сфере производства потребительских товаров и услуг.

Второе направление – создание рабочих мест на основе развития предпринимательства. Особенно эффективны в этом плане малые предприятия: в практике США благодаря им создаются восемь из десяти новых рабочих мест (хотя в это число входит определенная доля кратковременных рабочих мест). Наряду с созданием новых предприятий положительное влияние на расширение спроса на рабочую силу может оказать и развитие внутреннего предпринимательства на действующих крупных предприятиях, которые расширяют масштабы своей деятельности за счет внешних заказов.

Третье направление – организация оплачиваемых общественных работ. Это пришедшее из зарубежной практики явление означает предоставление безработным временной работы, связанной со строительством, ремонтом, уборкой, обслуживанием на объектах, находящихся в ведении местных органов управления. Масштабы общественных работ и их конкретные виды определяются ситуацией на местном рынке труда и составом лиц, нуждающихся в таких работах.

Сфера применения рассматриваемого направления может быть расширена за счет ее распространения на предприятия (об этом свидетельствует, в частности, опыт ФРГ). В этом случае предприятие определяет круг работ, не входящих в его прямые обязанности, организуя для их выполнения рабочие места с привлечением безработных и оплатой их труда из средств предприятия и фонда занятости.

Четвертое направление – создание рабочих мест для лиц с ограниченной возможностью использования трудового потенциала. Несмот-

ря на явно выраженную социальную направленность, и в этом случае сохраняется первичное значение спроса на рабочую силу с тем лишь отличием, что содержание и характер работы при выполнении заказов должны в полной мере учитывать индивидуальные ограничения физических возможностей человека. С этой целью должна осуществляться политика поддержки предприятий, создающих указанные рабочие места как по собственной инициативе, так и в порядке квотирования путем освобождения их от налогов на прибыль от реализации соответствующей части продукции.

Формирование предложения рабочей силы отражает потребности и интересы работника – получить работу, устраивающую по содержанию, условиям труда и оплате.

Первое и основное направление политики формирования предложения рабочей силы – повышение ее качества с точки зрения профессионально-квалификационного уровня, развития, совершенствования и использования индивидуальных способностей. Особое внимание должно быть уделено подготовке и повышению квалификации предпринимателей, менеджеров, специалистов по маркетингу и других работников рыночной инфраструктуры.

Второе направление – развитие самозанятости. Основные возможности в этом направлении связаны с индивидуальной трудовой деятельностью по изготовлению различных видов потребительских товаров и оказанию услуг, осуществляемой работником по собственной инициативе. В этом отношении самозанятость может рассматриваться как индивидуальная форма предпринимательства, при которой предприниматель и работник выступают в одном лице, сочетая функции спроса и предложения. Поэтому меры поддержки самозанятости в принципе те же, что и для предпринимательства, – льготное налогообложение и предоставление кредита на выгодных условиях для приобретения необходимых средств производства.

Третье направление – регулирование продолжительности рабочего времени. При решении этого вопроса учитывается наряду с другими факторами, обуславливающими предложение труда, относительная значимость, придаваемая работником свободному времени и распределению несвободного времени между оплачиваемой и неоплачиваемой

мой работой. Вместе с тем политика сокращения рабочего времени и увеличения свободного не должна препятствовать развитию противоположной тенденции – «вторичной занятости», что фактически означает совместительство и предусматривает возможность предложения рабочей силы работником какому-либо предприятию сверх его основной занятости на этом же или другом предприятии (т.е. в свободное от основной работы время) в целях получения дополнительного заработка.

Четвертое направление – регулирование миграционных процессов в целях обеспечения максимального сочетания интересов и потребностей работников и работодателей. Связанная с этими процессами мобильность рабочей силы предполагает способность и готовность работников к изменениям их трудовой деятельности [3].

Экономическая активность и занятость населения Республики Коми

Вопросы занятости населения являются одной из самых сложных социально-экономических проблем, стоящих перед Правительством Республики Коми. Переход к рыночным отношениям сопровождался в стране глубоким экономическим кризисом, охватившим практически все отрасли, массовым банкротством и закрытием предприятий, зачастую являвшихся градообразующими – становление рынка труда происходило в условиях существенного уровня вынужденной незанятости экономически активного населения.

Диспропорции на рынке труда влекут за собой значительные экономические и социальные последствия. С одной стороны, рынок труда – элемент экономической системы, и от эффективности его функционирования зависят как направление, так и темпы макроэкономической динамики, особенно в экономике, переживающей трансформационную стадию. Не случайно оздоровление экономики, наблюдающееся с начала 2000-х гг., столкнулось с лимитирующим влиянием количества и качества трудового потенциала, в основе которого во многом лежит депрофессионализация кадров, длительное время невостребованных на рынке труда.

С другой стороны, рынок труда опосредует влияние макроэкономического развития на благосостояние населения и другие социальные процессы. Занятость составляет необходимое условие для воспроизводства населения, поскольку от нее зависят уровень жизни людей, издержки общества на подбор, подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров, на их трудоустройство, на материальную поддержку людей, лишившихся работы. Более того, труд является основой жизнедеятельности человека: он определяет его место в обществе, служит одной из форм самовыражения и самоактуализации личности. В этом контексте ситуация на рынке труда является базовым социальным параметром, по отношению к которому большинство других социальных процессов оказываются производными.

Безусловно, республиканский рынок труда в ходе своего становления избежал острых открытых кризисов и потрясений, безработица не достигла в Республике Коми тех массовых масштабов, когда она становится социально и политически опасным явлением. Однако именно с негативными процессами на рынке труда связан целый ряд неудач в институциональных и экономических реформах, таких как неразвитость малого бизнеса, низкие доходы населения и особенно низкий уровень оплаты труда, распространение бедности с традиционных на новые социальные группы (в частности, появление феномена работающих бедных) и т.д.

Для характеристики ресурсов труда экономики республики или отдельно взятого хозяйствующего субъекта с позиции экономики труда достаточными характеристиками будут показатели занятости и экономической активности. Источниками информации о формировании и использовании ресурсов труда экономики являются данные текущей статистики, материалы выборочных обследований и социологических опросов населения. Уровень экономической активности и уровень занятости населения оценивается по двум возрастным группам: в возрасте 15–72 лет и в трудоспособном возрасте. Возможности экономического роста страны или отдельного региона определяются по большому счету количеством населения и его трудоспособной частью, уровнем профессионализма и степенью реализации на практике работником своего трудового потенциала.

В Республике Коми формирование рынка труда происходило в условиях глубокого кризиса практически во всех отраслях промышленности, упадка агропромышленного и лесозаготовительного производств, составляющих экономическую основу большинства сельских населенных пунктов, в условиях существенного сокращения объемов выпуска продукции, разрушения социальной инфраструктуры, сокращения рабочих мест и потребности в рабочей силе. При этом ситуация с развитием занятости населения в республике оказалась заметно хуже, чем в среднем по России.

По данным регулярно проводимых с 1992 г. выборочных обследований населения по проблемам занятости, распространяющихся на все население в возрасте от 15 до 72 лет, численность экономически активного населения, имеющего занятие или ищущего работу, т.е. предлагающего свои услуги на рынке труда в Республике Коми, в отличие от России в целом, на протяжении рассматриваемого периода постоянно сокращалась, исключение составляют отдельные годы, в том числе 2013 г. (табл. 9.1).

Таблица 9.1

**Экономическая активность населения Республики Коми
в 1995–2014 гг., тыс. человек***

Население	Год							
	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Численность экономически активного населения – всего	611,8	547,8	538,7	516,7	497,9	491,6	500,3	476,2
мужчины	317,2	283,6	269,3	260,8	252,8	247,9	251,7	242,5
женщины	294,6	264,2	269,4	255,9	245,1	243,8	248,5	233,8
в том числе занятые в экономике – всего	545,2	481,9	479,1	464,6	456,9	460,2	464,9	447,5
мужчины	284,6	253,0	240,3	231,6	228,2	229,5	232,1	225,6
женщины	260,6	228,9	238,8	233,0	228,7	230,7	232,8	221,9
Численность экономически неактивного населения – всего	244,0	267,9	246,1	206,0	209,5	202,9	194,3	204,8
мужчины	106,4	113,1	107,7	84,2	85,0	84,1	80,3	83,2
женщины	137,6	154,7	138,4	121,8	124,5	118,8	114,0	121,6

* Статистический ежегодник Республики Коми. 2015 : стат. сб. / Коми-стат. – Сыктывкар, 2015.

В Республике Коми с 1995 по 2014 г. экономически активное население уменьшилось с 611,8 до 476,2 тыс. человек, т.е. за двадцатилетний период было «потеряно» 135,6 тыс. человек. Численность мужчин уменьшилась с 317,2 до 242,5 и женщин с 294,6 до 233,8 тыс. человек, абсолютные потери составили соответственно 74,7 и 60,8 тыс. человек. Более масштабные потери экономически активных мужчин привели к тому, что их доля уменьшилась с 51,8 до 50,9%.

Причина уменьшения численности экономически активного населения в республике связана в основном со значительным сокращением населения в возрасте 15–72 лет в результате длительного отрицательного сальдо миграции, высокой смертностью населения в трудоспособных возрастах. Определенную роль в сокращении численности играл также и низкий уровень рождаемости 1970-х гг. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. объемы миграционного оттока из республики значительно сократились. Кроме того, в это время позитивный вклад в формирование данной категории населения вносило достижение трудоспособного возраста поколениями, родившимися в годы повышенных уровней рождаемости 1980-х гг. Это привело к некоторому снижению темпов сокращения численности населения в возрасте от 15 до 72 лет. В последние годы рождаемость вновь стала оказывать негативное влияние на формирование человеческих ресурсов: трудоспособных возрастов достигают все более малочисленные когорты 1990-х гг. рождения.

На фоне снижения экономически активного населения произошло снижение занятых в экономике с 545,2 до 447,5 тыс. человек, численность занятых уменьшилась на 97,7 тыс. человек. Уменьшение занятых среди мужчин было наиболее выраженным: с 284,6 до 225,6 тыс. человек (-59,0 тыс. человек). Численность занятых женщин сократилась в меньших масштабах: с 260,6 до 221,9 тыс. человек (-38,7 тыс. человек). Это привело к тому, что в структуре занятых на долю мужчин в 1995 г. приходилось 52,2%, а в 2014 г. – 50,4%. При этом, в течение анализируемого периода времени доля занятых в экономике в структуре экономически активного населения менялась от 88,0 до 94,0%.

Следует отметить, что категория «занятость» дает возможность оценки использования ресурсов труда: чем выше уровень занятости

населения, тем лучше используются с точки зрения экстенсивной характеристики человеческие ресурсы. Экстенсивной – потому, что она отражает только степень использования ресурсов труда по отношению к численности экономически активного населения, но не отражает уровень эффективности использования занятого населения с точки зрения оценки использования рабочего времени, наличия внутри-сменных и целодневных простоев.

В период с 1995 по 2014 г. уровень экономической активности населения в возрастной группе 15–72 лет постоянно варьировал в пределах от 66,0 до 73,1%, у мужчин от 70,8 до 78,1% и у женщин от 60,3 до 68,5%. Можно констатировать, что экономическая активность этой возрастной группы остается достаточно стабильной, особенно у мужчин. У населения в трудоспособном возрасте уровень экономической активности изменялся значительно: с 74,5 до 83,0%, в том числе у мужчин с 76,5 до 83,3% и у женщин с 72,3 до 83,8%. Можно заметить, что в обеих возрастных группах изменение экономической активности у женщин более выражено.

На фоне изменения экономической активности менялся и уровень занятости населения (в возрастной группе 15–72 лет она изменялась от 54,2 до 67,9%), также здесь наблюдалась разная динамика изменения в уровне занятости у мужчин от 61,1 до 72,1% и у женщин от 47,5 до 64,2%. Изменения в мужской занятости, скорее всего, связаны с ухудшением их здоровья, ограничениями по возрасту занимать ряд должностей, взятым курсом на омоложение управленческих кадров.

Также изменялся уровень занятости у населения в трудоспособном возрасте: от 62,2 до 76,1%. В этой возрастной группе необходимо отметить следующую особенность: если в 1995 г. уровень занятости был выше у женщин – 73,4 против 72,6% у мужчин, то в последние годы, наоборот, занятость среди мужчин в основном была выше, чем у женщин.

Таким образом, в трудоспособном возрасте уровень экономической активности населения Республики Коми составил в 2014 г. 80,1% (в целом по населению 15-72 лет – 69,9%). Соответственно, остальные 19,9% населения трудоспособного возраста экономически неактивны (табл. 9.2).

Таблица 9.2

**Уровень экономической активности и занятости населения
Республики Коми в 1995–2014 гг., %***

Год	Уровень экономической активности населения (экономически активное население к численности населения соответствующей возрастной группы)				Уровень занятости населения (занятое население к численности населения соответствующей возрастной группы)			
	в возрасте 15–72 года		в трудоспособном возрасте		в возрасте 15–72 года		в трудоспособном возрасте	
	всего	в том числе мужчин	всего	в том числе мужчин	всего	в том числе мужчин	всего	в том числе мужчин
1995	71,5	74,9	82,1	81,2	63,7	67,2	73,0	72,6
2000	67,2	71,5	77,2	79,3	59,1	63,8	68,2	71,0
2005	68,6	71,4	76,9	76,8	61,0	63,7	68,2	68,5
2008	73,1	78,1	82,0	83,3	67,9	72,1	76,1	77,0
2009	70,5	75,1	79,0	80,6	62,5	65,4	69,8	69,9
2010	71,5	75,6	80,8	81,3	64,3	67,1	72,5	72,2
2011	70,4	74,8	78,9	80,1	64,6	67,6	72,2	72,3
2012	70,8	74,7	80,1	80,6	66,3	69,1	74,7	74,6
2013	72,0	75,8	80,7	81,6	66,9	69,9	74,9	75,1
2014	69,9	74,5	80,1	81,4	65,7	69,3	75,0	75,6

* Статистический ежегодник Республики Коми. 2015 : стат. сб. / Коми-стат. – Сыктывкар, 2015.

По уровню экономической активности населения Республика Коми занимала в 2014 г. 26-ю ранговую позицию среди регионов России, а в Северо-Западном федеральном округе – 5-ю.

В экономике труда для оценки эффективности использования человеческих ресурсов наряду с показателями уровня экономической активности и уровня занятости населения используется показатель «численности занятых в экономике».

С ростом населения в Республике Коми росла численность занятых в экономике. Если в предвоенный 1940 г. среднегодовая численность занятых в экономике составляла всего 64,2 тыс. человек, то после войны в 1950 г. уже 233,1 тыс. человек. Значительный рост занятых происходил в период 1960–1980 гг., своего пика численность занятых достигла в 1990 г. – 675,8 тыс. человек, а затем началось ее плавное сокращение. В 2014 г. численность занятых в экономике со-

ставила 433,7 тыс. человек, что на 242,1 тыс. человек меньше, чем было в 1990 г. (табл. 9.3).

Таблица 9.3

**Среднегодовая численность занятых в экономике
Республики Коми в 1940–2011 гг., тыс. человек***

Год	Тыс. человек	Год	Тыс. человек	Год	Тыс. человек
1940	64,2	1990	675,8	2010	463,0
1950	233,1	1995	532,0	2011	456,6
1960	367,1	2000	459,9	2012	456,3
1970	507,8	2005	465,6	2013	445,0
1980	628,6	2008	468,4	2014	433,7
1985	664,3	2009	463,2		

* Статистический ежегодник Республики Коми. 2015 : стат. сб. / Коми-стат. – Сыктывкар, 2015. – С. 64.

Важнейшей характеристикой уровня социально-экономического развития региона и его инновационного потенциала является распределение человеческих ресурсов по видам экономической деятельности. Становление рыночных отношений, как правило, приводит к перемещению занятости из производственной сферы в сферу обслуживания. При этом, чтобы уровень промышленного и строительного производства обеспечивал потребности экономики и населения, необходима высокая производительность труда, а этого как раз в отечественной промышленности и строительстве не наблюдается. Относительно северных территорий на протяжении всего периода их освоения идет дискуссия: развивать здесь только добычу полезных ископаемых или развивать переработку и прочие инфраструктурные отрасли. Рассмотрим структурные сдвиги занятых в экономике по видам экономической деятельности за 2000–2014 гг.

За последние двенадцать лет можно выделить два периода: с 2000 по 2008 гг., когда шло увеличение численности занятых в экономике и последующие годы, отмеченные их уменьшением. В 2014 г. максимальная численность занятых в экономике была на транспорте и связи. Существенно увеличилась численность и доля занятых операциями с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг с 31,2 в 2000 г. до 37,3 тыс. человек в 2014 г., или с 6,8 до 8,6% в общей

численности занятых в экономике. Отмечен рост занятых оптовой и розничной торговлей; ремонтом автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования с 40,2 до 47,3 тыс. человек, или с 8,7 до 10,9%. Позитивным можно считать увеличение занятых в строительстве (на 121,5%), а также занятых государственным управлением и обеспечением военной безопасности; социальным страхованием (на 114,9%).

К числу негативных тенденций следует отнести сокращение численности и доли занятых в образовании с 55,3 в 2000 г. до 44,8 тыс. человек в 2014 г., или с 12,0 до 10,3% от всех занятых в экономике. На 10,8 тыс. человек стало меньше трудиться в обрабатывающих производствах, доля этой отрасли снизилась с 9,8 до 7,9%. Крайне негативное влияние оказывает на экономику республики сокращение занятых добычей полезных ископаемых с 43,5 тыс. человек в 2000 г. до 29,5 тыс. человек в 2014 г., или на 14,0 тыс. человек. Самые существенные потери численности занятых в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве – 19,3 тыс. человек (табл. 9.4).

Таблица 9.4

Среднегодовая численность занятых в экономике Республики Коми по видам экономической деятельности в 2000–2014 гг., тыс. человек*

Виды экономической деятельности	Год				
	2000	2005	2010	2012	2014
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
Всего занято в экономике	459,9	465,6	463,0	456,3	433,7
Транспорт и связь	50,8	55,0	50,8	55,8	51,7
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	40,2	44,3	45,7	46,8	47,3
Образование	55,3	54,4	49,9	48,1	44,8
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	31,2	30,2	42,3	39,0	37,3
Строительство	30,1	31,2	35,1	40,6	36,7
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	37,5	37,7	38,3	37,3	36,4
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	30,9	33,9	39,4	37,1	35,5
Обрабатывающие производства	45,1	38,2	38,2	36,9	34,3

1	2	3	4	5	6
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	49,8	45,4	36,3	32,6	30,5
Добыча полезных ископаемых	43,5	40,2	32,8	29,1	29,5
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	20,0	29,3	24,2	22,1	21,7
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	14,8	15,6	17,4	18,1	15,5

* Статистический ежегодник Республики Коми. 2015 г. : стат. сб. / Коми-стат. – Сыктывкар, 2015.

Анализ состава занятых в экономике по видам экономической деятельности по полу позволяет выделить виды деятельности, где доминируют либо мужчины, либо женщины. К преимущественно «мужским» видам деятельности можно отнести добычу полезных ископаемых – 81%; строительство – 80%; сельское и лесное хозяйство – 77%; транспорт и связь – 72%; производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 68%; обрабатывающие производства – 67%; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг – 57%; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование – 57% (2014 г.).

В целом можно отметить, что в анализируемый период изменилась структура занятости в пользу отраслей, имеющих рыночный характер, одновременно сократилось число занятых в социальных отраслях и традиционных видах деятельности – обрабатывающих и добывающих отраслях; более ярко стали выражены половые пропорции по видам экономической деятельности.

Существенные изменения за годы рыночных реформ произошли в структуре занятых в экономике по формам собственности. Доля занятых в организациях государственной и муниципальной собственности сократилась с 55,5% в 1995 г. до 35,6% в 2014 г. (с 295,2 тыс. человек до 154,3). В рассматриваемый период существенно возросла доля занятых на частных предприятиях с 26,7 до 55,5% (с 142,3 до 240,8 тыс. человек) – первое место по занятости. Увеличилась также занятость в организациях с иностранной и совместной российской и иностранной формами собственности с 0,9 до 6,2%. Практически не меняется доля

занятых в общественных организациях – 0,3%. Также можно отметить, что не получила должного развития смешанная российская форма собственности, доля занятых сократилась с 16,6 в 1995 г. до 2,3% в 2014 г. (с 88,3 до 10,0 тыс. человек) – самое значительное сокращение. Подобные структурные изменения отражают процесс преобразования экономики командной в рыночную и связаны с приватизацией и разгосударствлением собственности, прошедшими в последние два десятилетия (табл. 9.5).

Таблица 9.5

Среднегодовая численность занятых в экономике по формам собственности в Республике Коми в 1995–2014 гг.

Формы собственности	Год					
	1995	2000	2005	2010	2012	2014
1	2	3	4	5	6	7
Всего в экономике, тыс. человек	532,0	459,9	465,6	463,0	456,3	433,7
в т.ч. по формам собственности						
государственная, муниципальная	295,2	222,2	204,4	173,2	162,8	154,3
частная	142,3	115,7	199,0	253,5	255,5	240,8
собственность общественных организаций	1,2	2,2	1,7	1,6	1,7	1,7
смешанная российская	88,3	110,6	26,6	12,3	14,6	10,0
иностранная, совместная российская и иностранная	5,0	9,1	34,0	22,5	21,7	26,9
Всего в экономике, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в т.ч. по формам собственности						
государственная, муниципальная	55,5	48,3	43,9	37,4	35,7	35,6
частная	26,7	25,2	42,7	54,8	56,0	55,5
собственность общественных организаций	0,3	0,5	0,4	0,3	0,4	0,4
смешанная российская	16,6	24,1	5,7	2,7	3,2	2,3
иностранная, совместная российская и иностранная	0,9	1,9	7,3	4,9	4,8	6,2

Заслуживает внимания рассмотрение уровня образования и гендерное распределение занятых в экономике. В последние годы усиленно «муссируется» вопрос о том, что нарушена структура подготовки профессиональных кадров по уровню их подготовки: недостаток специалистов с начальным профессиональным образованием и избыток специалистов с высшим профессиональным образованием. Обратимся к реальной практике. В 1995 г. в структуре занятых в экономике работников, имеющих высшее и незаконченное высшее профессиональное образование, было 14%, в 2014 г. – 26%. Доля

имеющих среднее профессиональное образование сократилась с 37 до 21%. В то же время доля работников, имеющих начальное профессиональное и среднее (полное) общее, выросла с 34 до 48%. В целом же можно заметить, что в республике не выдержана мировая тенденция: повышение доли работников, имеющих высшую ступень подготовки, взамен низшей.

Теперь что касается гендерного распределения человеческих ресурсов, занятых в экономике по группам занятий. Обычным стереотипом является представление о том, что мужчина-начальник – явление естественное, тогда как женщина-руководитель – это, скорее, исключение из правил. Неявный социальный контракт, закрепляющий гендерные роли мужчины и женщины, предполагает, что мужчина в большей степени ориентирован на трудовую деятельность, его задачей является материальное обеспечение, а удел женщины – это семья и домашнее хозяйство, поэтому трудовая деятельность для нее является вторичной и неперспективной. Преимущественное положение мужчин во всех сферах жизни декларируется как естественное положение дел, как норма, как основной принцип развития общества. Подобный гендерный порядок определяет и ситуацию в сфере труда.

В 2014 г. в Республике Коми среди руководителей всех уровней доля мужчин составляла 54%, т. е. большинство. Можно отметить, что мужской перевес сохранился среди квалифицированных рабочих сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства – 73%. Но есть виды занятий, где мужское большинство было подавляющим. Сюда необходимо отнести операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин, слесарей-сборщиков – 86%, а также квалифицированных рабочих крупных и мелких промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр, художественных промыслов – 84%.

Доминирование женщин особенно заметно среди занятых подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием – 94%; среди специалистов среднего (66%) и высшего уровня квалификации (65%). Женщины занимают в основном рабочие места в сфере обслуживания, ЖКХ, торговле и родственных видах деятельности – 73%. В 2014 г. женщин, занятых неквалифицированным трудом, было 60% (табл. 9.6).

Таблица 9.6

**Распределение численности занятых в экономике Республики Коми
по группам занятий и полу в 2014 г., %***

Группы занятий	Всего	Мужчины	Женщины
1	2	3	4
Всего в экономике	100	50	50
Руководители всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий	100	54	46
Специалисты высшего уровня квалификации	100	35	65
Специалисты среднего уровня квалификации	100	34	66
Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	100	6	94
Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	100	27	73
Квалифицированные рабочие сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства	100	73	27
Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр, художественных промыслов и другие	100	84	16
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин, слесари-сборщики	100	86	14
Неквалифицированные рабочие	100	40	60

* Основные итоги обследования населения по проблемам занятости в Республике Коми за 2014 г. : стат. бюллетень / Комистат. – Сыктывкар, 2015. – С. 16.

Таким образом, можно заключить, что с 1995 по 2011 г. произошло абсолютное уменьшение экономически активного населения и, как следствие, снижение занятых в экономике, у мужчин эти процессы были выражены сильнее, что связано с их здоровьем и высокой смертностью в трудоспособных возрастах; в анализируемый период изменилась структура занятости в пользу отраслей, имеющих рыночный характер, одновременно сократилось число занятых в социальных отраслях и традиционных видах деятельности – обрабатывающих и добывающих отраслях; более ярко стали выражены половые пропорции по видам экономической деятельности.

Механизм согласования интересов государства, республики, муниципалитетов и корпоративного менеджмента по совершенствованию политики занятости и повышению экономической активности населения республики

Необходимость совершенствования системы управления экономической активностью и занятостью населения в современных условиях обусловлена противоречивостью развития экономики. Что же представляет собой организационно-экономический механизм управления экономической активностью и занятостью населения? В научной литературе имеется следующее определение: организационно-экономический механизм представляет некую совокупность управленческих структур и методов воздействия, изменяющихся в зависимости от специфики объекта данного воздействия. В современных условиях для республики формирование организационно-экономического механизма должно базироваться на следующих принципах [4]:

1. Оптимальности сочетания рыночных и нерыночных регуляторов. В методологическом плане формирование механизма реализации политики занятости, с одной стороны, определяется необходимостью использования рыночных инструментов регулирования социально-трудовых отношений, с другой – в силу специфики данной сферы, главенствующим звеном которой является человек, государство не должно полностью отдавать процесс формирования отношений занятости на откуп рынку, а должно лишь изменить формы своего воздействия на этот процесс.

2. Паритетности, т.е. баланса интересов всех субъектов региональной политики занятости населения – государства, республиканских органов власти, муниципалитетов, корпоративного менеджмента, иных бизнес структур.

3. Системности, под которым подразумевается взаимосвязь административных, правовых и экономических рычагов регулирования процессов занятости.

4. Адаптивности к условиям конкретного региона/муниципалитета. При этом федеральная власть обеспечивает рамочные условия разработки региональной политики занятости населения, делегируя полномочия по принятию конкретных решений по регулированию процессов занятости на региональный уровень.

5. Согласованности действий при реализации политики занятости, что подразумевает взаимоувязку направлений реализации региональной социально-экономической политики и политики занятости как ее подсистемы.

В систему региональной социально-экономической политики входят следующие основные подсистемы (политики), имеющие значительное прямое или косвенное влияние на эффективность реализации политики занятости: 1) промышленная политика; 2) инвестиционная политика; 3) структурная политика; 4) научно-техническая и инновационная политика; 5) политика размещения производительных сил; 6) социальная политика; 7) политика в сфере образования; 8) демографическая политика; 9) миграционная политика; 10) экологическая политика; 11) политика в сфере культуры; 12) политика в сфере здравоохранения; 13) политика доходов; 14) внешнеэкономическая политика; 15) бюджетно-налоговая политика.

6. Уровневого характера на основе централизма, что предполагает одновременное и согласованное воздействие на процессы занятости на федеральном, региональном, муниципальном, отраслевом (кластерном) уровнях и уровне хозяйствующих субъектов.

7. Социальности. Речь идет о взаимодействии с социологией и культурой, с психологией и историей (с политическими и юридическими нормами).

8. Эффективности политики занятости населения, выражающейся в повышении уровня и качества жизни населения – на основе формирования оптимальной структуры и расширения занятости. Многослойная структура региональной политики занятости образует единое целое благодаря целенаправленному воздействию на ее основные связи и процессы. Это достигается управленческой деятельностью, представляющей собой сочетание различных функций, каждая из которых направлена на решение специфических, разнообразных и сложных проблем взаимодействия между отдельными иерархическими уровнями, участвующими в реализации политики занятости, требующих выполнения большого комплекса конкретных мероприятий в социально-трудовой сфере и охватывающих весь процесс воспроизводства трудового потенциала республики.

Из вышеизложенного можно заключить, что функциональный механизм реализации республиканской политики занятости включает следующие элементы:

- правовые рычаги влияния на развитие сферы региональной занятости (совокупность нормативных правовых документов федерального и регионального уровня, способствующих занятости населения, а также регулирующих отношения федеральных, региональных, муниципальных и отраслевых органов управления в процессе реализации политики);

- стратегическое планирование и прогнозирование (определение стратегических направлений, темпов, пропорций структурного развития занятости на основе учета структурных изменений, происходящих в хозяйственном комплексе региона в целом, в важнейших отраслевых и межотраслевых сферах экономики);

- экономические рычаги воздействия, включающие налоговый и финансово-кредитный механизм реализации политики, материально-техническое и финансовое обеспечение выполнения региональных программ занятости населения;

- организационная структура управления политикой занятости (определение состава, функций и согласованности звеньев административно-хозяйственного управления; организация контроля и мониторинга за ходом реализации программных мероприятий; оценка социально-экономической эффективности реализации политики).

Вопросы финансирования региональной политики развития трудового потенциала через эффективную занятость на долгосрочный период должны решаться при обязательном рассмотрении результатов мониторинга и оценки эффективности выполнения программных мероприятий развития занятости в отчетном периоде, что обеспечит необходимую информационно-аналитическую поддержку принятия решений по реализации политики на перспективу с учетом:

- полноты и эффективности выполнения программных мероприятий, целевого использования средств, выделяемых на реализацию направлений политики занятости;

- финансирования программ по годам, источникам и направлениям расходов в сопоставлении с объемами, принятыми при утверждении программы;

- заявленных в программу объемов финансирования мероприятий из федерального и регионального бюджетов, а также внебюджетных источников.

Функциональный механизм реализации политики занятости не является неизменным, раз и навсегда сформировавшимся. Он постоянно модифицируется и углубляется, в связи с чем усложняется содержание функций, выполняемых в соответствии с целевой ориентацией политики занятости. Развитие и углубление каждой из рассматриваемых функций механизма происходит не только под воздействием внутренних закономерностей их совершенствования, но и под влиянием требований развития других функций.

Отсюда вытекает важное принципиальное положение, согласно которому развитие каждой из функций организационно-экономического механизма обусловливается влиянием объективных факторов. Будучи частью общей функциональной системы, каждая из функций должна совершенствоваться в направлении, предопределяемом общими целями и задачами реализации политики занятости в конкретных региональных условиях, что может привести к изменению содержания каждой функции.

Исходя из вышеизложенного считаем возможным рассматривать организационно-экономический механизм реализации республиканской политики занятости как систему взаимодействия федеральных, региональных, муниципальных, отраслевых управленческих и бизнес-структур, а также общественных организаций на основе имеющихся у них законодательно закрепленных полномочий, при помощи различных методов и инструментов осуществляющих функции управления воспроизводством трудового потенциала республики в соответствии с целевыми ориентирами политики занятости населения.

В Республике Коми таким механизмом можно считать Межведомственную комиссию по вопросам кадровой политики, трудовых отношений, охраны труда и занятости населения при Экономическом совете Республики Коми.

Заключение

В заключение можно отметить, что в Республике Коми вопросы экономической активности и занятости населения нашли отражение в таких нормативно-правовых документах и государственных программах, как «Стратегия экономического и социального развития Республики Коми на период до 2020 года», «Концепция кадровой политики Республики Коми», «Концепция развития рынка труда в Республике Коми на период до 2020 года», «Государственная программа Республики Коми “Развитие экономики”», «Государственная программа Республики Коми “Содействие занятости населения”» и др.

Обязательное и полное исполнение положений в названных документах позволит кардинально изменить ситуацию с занятостью и экономической активностью населения Республики Коми.

1. Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г. Эффективность человеческого потенциала в «новой» экономике // Народонаселение. – 2010. – №2. – С. 10–17.

2. Татаркин А.И. Перспективы сохранения и развития трудового потенциала регионов России в условиях новой демографической ситуации // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения : сборник материалов IV Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – С. 9–11.

3. Фаузер В.В. Социальный менеджмент: вопросы теории : учеб. пособие. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 2004. – 216 с.

4. Козлова О.А. Занятость населения индустриального региона: проблемы теории и практики регулирования. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. – 224с.

ГЛАВА 10

ЭЛЕМЕНТЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СЕВЕРА РОССИИ*

Введение

Очевидно, что единых рецептов развития Российского Севера не существует. Между тем стратегия развития северных регионов России необходима. Актуальность этого вопроса продиктована серьезными, во многом взаимоисключающими, основаниями: значением природно-ресурсного потенциала Севера для экономической безопасности России; необходимостью сохранения традиционного природопользования как одного из важнейших условий сохранения этноса северных народов; непростой ситуацией в экономике Севера, где меньше, чем в других регионах России, возможностей перехода на рыночные отношения по общепринятой модели.

Для решения задачи обретения экономикой северных регионов России устойчивости необходимо преодоление диспропорций в развитии добывающих и обрабатывающих отраслей, сокращении доли ресурсов в структуре товарного производства при увеличении его физических объемов, а также равно эффективное развитие малого, среднего и крупного бизнеса.

Долгие годы проблема развития Севера рассматривалась исключительно с экономической точки зрения, упускался из виду другой, возможно, более важный аспект – человек. В то же время активное освоение природно-ресурсного потенциала северных территорий привело к техногенному загрязнению окружающей среды; негативному воздействию на социокультурное развитие малочисленных народов Севера.

Почему появилась необходимость разработки стратегии именно сегодня? Можно выделить два момента. Во-первых, нарастающая дифференциация в уровне социально-экономического развития ре-

* Глава подготовлена при участии д.э.н. И.Г. Назаровой.

гионов России в условиях постсоветской анархии побудила Министерство экономического развития и торговли РФ выдвинуть концепцию сокращения различий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, получившую название «политика выравнивания». Появились Фонд финансовой поддержки регионов, Фонд регионального развития, Фонд реформирования региональных финансов, которые оказывали и оказывают помощь в развитии региональных экономик. Предполагалось, что постепенно сильные помогут слабым и диспропорции в развитии сократятся. Но этого не произошло. Слабые не хотели подтягиваться под средний уровень (если они подтянутся, то помогать им уже не будут), а сильные не очень-то и хотели тянуть слабых и параллельно развиваться (ведь излишки все равно отнимут). Политика показала свою неэффективность [1, с. 24].

Во-вторых, на наш взгляд, если все оставить как есть, то естественное течение существующих процессов приведет к реализации избирательного развития северных регионов, в части ориентированной, прежде всего на оптимизацию добычи, обработки и экспорта сырьевых ресурсов.

Поэтому возникла настоятельная потребность в разработке стратегии развития северных регионов России, которая смогла бы определить пути их развития не только как источников сырья, но и как территорий, интенсивно развивающихся за счет эффективного использования всех имеющихся ресурсов.

Согласование интересов всех уровней менеджмента по управлению северными территориями

В этой ситуации особое значение приобретает задача согласования интересов всех уровней управления: государства, регионов, корпораций, местных сообществ и т.д. Необходим программный документ, ориентированный на следующие конечные результаты: создание условий для стабильного социально-экономического развития северных регионов; увеличение валового внутреннего продукта; повышение жизненного уровня населения; устранение диспропорций в социальном и экономическом развитии субъектов федерации, относящихся к

Российскому Северу; реализация уникального геостратегического потенциала северных регионов.

Для достижения указанных целей социального и экономического возрождения северных регионов, закрепления их устойчивого развития и необходима единая стратегия развития, учитывающая особенности каждой территории. Разработка и реализация Стратегии развития в масштабах всего Российского Севера позволит использовать принципы, невостребованные при разработке стратегии развития отдельной территории:

- принцип синергетической эффективности – неэффективные с экономической точки зрения отдельные региональные проекты, имеющие стратегическое значение для муниципалитета, должны быть сконфигурированы между собой так, чтобы обеспечить существенный рост общей, а через это – и локальной экономической эффективности;

- принцип реалистичности, задаваемый точными временными рамками реализации отдельных проектов, расчетом имеющихся ресурсов и участием всех заинтересованных сторон;

- принцип синхронизации проектов – согласование темпа реализации каждого проекта в контексте других проектов и проектных замыслов с точки зрения кратко-, средне- и долгосрочных целей и взаимодополняемости;

- принцип трансграничности – границы составных проектов не замыкаются административными границами территорий.

Определение целей стратегии возможно с преимущественной ориентацией на решение глобальных и локальных задач.

Поиск решения проблем сохранения и развития Севера имеет государственное значение, поэтому в ходе разработки стратегии важная роль должна быть уделена мерам государственного воздействия. После перехода к рыночным преобразованиям возобладал подход, исключающий всякое государственное участие даже в тех видах хозяйственной деятельности, которые являются дотируемыми во всем мире. Необходим анализ проводимых мер государственной поддержки, определение приоритетных направлений развития, конкретных механизмов их реализации. Единых рецептов нет, но есть осознанная потребность использования всех имеющихся конкурентных преиму-

ществ каждой конкретной территории в рамках единых для всех правил игры [2, с. 12–14].

Государственная северная политика. Сила федеративного государства основывается на силе его регионов, целостный организм жизнеспособен только тогда, когда здоровы составляющие его части. На основе такого подхода необходимо рассматривать вопрос об особенностях современной «северной» политики, представляющей важную составную часть региональной политики российского государства.

В связи с этим возникает важный вопрос, адекватна ли «северная» политика государства роли этого региона и способствует ли она его устойчивому социально-экономическому развитию, которое, в свою очередь, является условием устойчивого развития всей России.

Эффективная региональная политика должна включать несколько элементов: понимание специфики региона, выработку обоснованных мер и решений по развитию этого региона с учетом его специфики и последовательную реализацию этих решений в практической жизни. Присутствуют ли эти элементы в современной государственной политике в отношении северных территорий?

Стало очевидным, что продолжение политики 1990–2000-х гг. не только не обеспечивает устойчивое социально-экономическое развитие северных регионов, но и ведет к их деградации. Об этом на протяжении всех последних лет неустанно заявляли представители северных субъектов Российской Федерации. Для того чтобы наметилась устойчивая положительная динамика развития Севера, отношение к северным регионам должно быть в принципе изменено. В такой стране, как Россия, где Север занимает более двух третей территории страны, должна быть сформирована специфическая государственная «северная» политика [3]. В основе такой политики должны быть использованы следующие принципы и механизмы:

- повышение роли государства в сочетании с рыночными механизмами в регулировании экономики и социальной сферы северных регионов;
- формирование общего экономического пространства страны с обязательным учетом специфики территорий с особыми условиями хозяйствования;

- комплексное социально-экономическое развитие северных территорий, в том числе новых районов освоения природных ресурсов. Поддержка действующих и создание новых территориально-производственных комплексов (кластеров);

- государственный протекционизм, направленный на создание для населения и отраслей хозяйства Севера не льгот и преференций, а благоприятного режима развития с учетом обеспечения государственных нужд и социальной сферы в производимой ими продукции;

- ускоренное внедрение достижений науки и новых технологий, обеспечивающее быстрый рост производства при сокращении времени технологического цикла и необходимого объема завоза и накопления топлива, сырьевых и других ресурсов;

- формирование межбюджетных отношений, политики налогообложения и таможенного регулирования с позиций равенства экономических условий для хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения населения;

- соизмерение экономического роста с возможностями эффективного хозяйствования в особых природно-климатических, экологических и географических условиях;

- поддержание ресурсно-природного потенциала с учетом необходимости удовлетворения потребностей будущих поколений;

- поддержание транспортных систем, обслуживающих основные грузопотоки на Севере, в том числе с учетом перспектив освоения континентального шельфа Российской Федерации и использования Северного морского пути;

- формирование бюджетной обеспеченности и достаточности северных территорий с учетом повышенных затрат на воспроизводство трудовых ресурсов и обеспечение жизни населения;

- оптимизация численности населения с учетом рыночных принципов хозяйствования, содействие переселению нетрудоспособных и социально незащищенных граждан;

- создание условий, обеспечивающих традиционный образ жизни и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов;

- обеспечение дифференцированного подхода к каждой северной территории исходя из природно-климатических условий, транспортной обеспеченности и уровня социально-экономического развития.

Неуклонное проведение такой «северной» политики позволит в ближайшие десять–пятнадцать лет превратить Север в динамично развивающийся регион с устойчивой экономикой и развитой социальной сферой, надежно обеспечивающий потребности России в природных ресурсах на длительную перспективу.

Не требует доказательств факт, что работа людей на Севере сегодня необходима. Будет она необходимой и в обозримой перспективе, пока не существует реальной альтернативы топливно-энергетическим ресурсам. Но Север – это не только «природная кладовая». Северные территории имеют стратегическое значение для России прежде всего в деле обеспечения безопасности и обороноспособности страны. Не секрет, что сегодня многие зарубежные государства пытаются ослабить позиции России на Севере. Задача России – не допустить этого. Но для этого, подчеркнем, необходима единая государственная политика, направленная на развитие и укрепление Российского Севера.

Решение демографических и трудовых проблем требует комплексного подхода, проведения активной федеральной и региональной социально-демографической политики, направленной на все компоненты сохранения и увеличения численности населения – рост рождаемости, снижение заболеваемости и смертности, привлечение и закрепление трудовых ресурсов в районах Севера.

Практика показывает, что пока еще очень слабы мотивационные механизмы привлечения и закрепления на Севере квалифицированных кадров, особенно молодежи, необходимых для развития региона. Существовавшая до начала 1990-х гг. система привлечения и подготовки трудовых ресурсов для освоения Севера была разрушена, а новая, предполагающая в рыночных условиях достаточные экономические стимулы, не создана.

Существующая система гарантий и компенсаций требует серьезной корректировки, что позволило бы сделать жизнь и работу на Севере привлекательной, а трудовые затраты – оправданными с точки зрения компенсации материальных и моральных потерь человека, вы-

званных экстремальными природно-климатическими условиями этого региона.

Основными стимулами, которые остаются решающими для большинства людей, особенно молодежи, при выборе места постоянного проживания, являются наличие интересной и хорошо оплачиваемой работы, возможность карьерного роста, создание нормальных жилищно-бытовых условий, доступность образовательных, медицинских, культурных и спортивных учреждений на соответствующей территории. Поэтому решение демографических проблем северных регионов России невозможно без комплексной модернизации социальной инфраструктуры [4].

Основные направления решения демографических и трудовых проблем северных регионов

Основные направления решения демографических и трудовых проблем северных регионов были обозначены в рекомендациях на парламентских слушаниях в Совете Федерации Федерального собрания Российской Федерации: «Проблемы законодательного обеспечения реализации демографической политики государства в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» 30 ноября 2011 г. Все рекомендации носили адресный характер по властным уровням управления [5]. Обозначим основные рекомендации, сделанные участниками парламентских слушаний.

1. Федеральному собранию Российской Федерации и Правительству Российской Федерации:

1) разработать и принять законодательные акты, направленные на активизацию демографической политики государства в северных регионах России, предусмотрев дополнительные меры по стимулированию рождаемости, сокращению смертности населения, оптимизации миграционных процессов;

2) ускорить разработку и принятие федеральных законов о районировании Севера Российской Федерации и об Арктической зоне Российской Федерации;

3) внести изменения и дополнения в Трудовой кодекс Российской Федерации и в Закон Российской Федерации «О государственных га-

рантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», устанавливающие:

- систему минимальных стандартов условий трудовой деятельности и уровня жизни граждан, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях;

- минимальные гарантии и компенсации для лиц, работающих в организациях, не относящихся к бюджетной сфере, определив их размер не ниже гарантий и компенсаций лиц, работающих в организациях, финансируемых из федерального бюджета;

- уточненное понятие минимального размера оплаты труда, исключив из него компенсационные и стимулирующие выплаты (районные коэффициенты, процентные надбавки и пр.) и определив, что размеры тарифных ставок, окладов, базовых окладов не могут быть ниже минимального размера оплаты труда;

- право лиц моложе 30 лет, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, на получение процентной надбавки к заработной плате в полном объеме с первого года работы, если они проживали перед началом трудовой деятельности в этих районах не менее 5 лет;

- сокращенную 36-часовую рабочую неделю для женщин, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, без указания на необходимость включения этой нормы в коллективный договор или индивидуальный трудовой договор;

- учет в трудовом стаже периода ухода матери за ребенком до достижения им возраста трех лет и времени обучения в вузе;

- единый порядок, размер и условия предоставления компенсации расходов по проезду к месту использования отпуска и обратно для всех лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях и членов их семей;

- право на компенсацию за счет средств федерального бюджета расходов на проезд и провоз багажа: опекаемых (подопечных) детей к месту использования отпуска опекуна (попечителя), приемного родителя; неработающих инвалидов с детства, являющихся получателями социальных пенсий; детей, нуждающихся в санаторно-курортном ле-

чении и проживающих в семьях, среднедушевой доход которых не превышает величину прожиточного минимума;

- оплату за счет средств федерального бюджета расходов на проезд и провоз багажа выезжающим на постоянное место жительства за пределы районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей неработающим пенсионерам нетрудоспособного возраста независимо от вида получаемой пенсии;

- право студентов и аспирантов, проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, на бесплатный проезд один раз в год к месту постоянного жительства и обратно;

- бесплатное лекарственное обеспечение за счет федерального бюджета детей дошкольного возраста (до 6 лет), а также детей из многодетных, неполных и малообеспеченных семей;

- восстановление и закрепление в федеральном законодательстве меры ответственности работодателей частной сферы за предоставление северных гарантий и компенсаций своим работникам;

- внесение дополнения в статью 6 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в части дифференцированного увеличения размера материнского (семейного) капитала для лиц, проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях;

- ежемесячные денежные выплаты ветеранам и инвалидам, проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, должны выплачиваться с учетом районных коэффициентов;

- внесение изменений в федеральное законодательство в части передачи на федеральный уровень расходных полномочий по организации скорой медицинской помощи с применением санитарной авиации в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях;

- законодательное определение понятия «малокомплектные медицинские организации» и особенности нормативов их финансового обеспечения;

- предусмотреть в законодательных актах, регулирующих вопросы предоставления образовательных услуг, возможность создания образовательных учреждений в форме кочевого детского сада и кочевой общеобразовательной школы.

2. Рекомендовать Правительству Российской Федерации поручить соответствующим министерствам и ведомствам Российской Федерации:

1) разработать предложения по корректировке экономической и демографической политики государства, направленной на повышение качества жизни населения в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в том числе предусматривающие создание системы охраны семьи, материнства и детства, приоритетную диспансеризацию и оздоровление женщин и детей, увеличение продолжительности отпуска по беременности и родам, повышение ответственности работодателей за состояние здоровья работников;

2) выработать жесткие критерии состояния здоровья лиц, привлекаемых для работы и проживания (постоянного или временного) в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях;

3) ввести обязательные медицинские осмотры за счет работодателей лиц, привлекаемых для работы (постоянной или временной) в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и прибывших с ними членов их семей;

4) определить и установить форму и порядок дополнительного обязательного страхования здоровья лиц, привлекаемых для работы (постоянной или временной) в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, и прибывших с ними членов их семей;

5) обеспечить условия для эффективного лечения краевой патологии в северных районах, предусмотрев переподготовку и повышение квалификации врачей первичного звена по вопросам профилактики, диагностики, лечения и реабилитации больных с краевой патологией;

6) включить категорию детей из числа представителей коренных малочисленных народов Севера в перечень лиц, подлежащих ежегодной диспансеризации за счет средств федерального бюджета;

7) принять меры, предусматривающие целевую контрактную подготовку специалистов с высшим и средним профессиональным медицинским образованием для работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с обязательной отработкой выпускниками не менее пяти лет по распределению;

8) внести изменения в санитарные правила, нормативы и требования, предъявляемые к образовательным учреждениям, учитывающие специфику кочевых образовательных учреждений;

9) расширить практику применения компенсации части стоимости авиационных билетов, речных перевозок на граждан, постоянно проживающих во всех удаленных районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях;

10) разработать систему ипотечного и других видов жилищного кредитования для граждан, привлекаемых на работу в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, с более низкой платой за кредит и возможностью ее последовательного снижения по мере увеличения стажа работы в северных районах.

3. Рекомендовать органам государственной власти субъектов Российской Федерации, полностью или частично отнесенных к северным районам:

1) в региональных программах социально-экономического развития выделять в самостоятельный раздел мероприятия по улучшению демографической ситуации;

2) предусмотреть меры по развитию и укреплению системы учреждений социального обслуживания семьи и детей;

3) обеспечить предоставление гарантий и компенсаций лицам, получающим их за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, в объеме не ниже, чем установлено для лиц, предоставление гарантий и компенсаций которым осуществляется за счет средств федерального бюджета;

4) в территориальных программах государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи предусматривать специальные нормативы и объемы оказания медицинской помощи в отдаленных и труднодоступных районах;

5) разработать правовые и экономические механизмы стимулирования хозяйствующих субъектов и потенциальных инвесторов к участию в социально-экономическом развитии территорий;

6) осуществлять методическое обеспечение деятельности органов местного самоуправления по управлению демографическими и трудовыми процессами.

Заключение

Еще раз подчеркнем, что для решения экономических и геополитических задач Российской Федерации необходимо более пристально подойти к решению демографических и трудовых проблем северных регионов, сделать жизнь северян комфортной и безопасной. Для успешного решения обозначенных выше проблем необходим специальный орган по управлению Севером России, о чем много сказано и написано. Чтобы работа созданного органа управления была эффективной, необходимо проводить мониторинг социально-экономических процессов в северных регионах России [6].

1. Стратегические приоритеты регионального развития: от теории к принципам формирования единого социально-экономического пространства / под ред. В.В. Окрепилова; Институт проблем региональной экономики РАН. – СПб.: Наука, 2009. – 448 с.

2. Басаргин В.Ф., Логинов С.В. Актуальность вопросов разработки стратегии развития регионов российского севера // Стратегия развития северных регионов России : материалы Всероссийской научной конференции. – Архангельск: Архангельский филиал Института экономики УрО РАН, 2003.

3. Олейник Г.Д. Какая «северная» политика нужна России? // Федеративные отношения и региональная социально-экономическая политика. – 2007. – № 4.

4. Матвеев А.С. Вступительное слово на парламентских слушаниях по вопросу «Проблемы законодательного обеспечения реализации демографической политики государства в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» // Комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов. URL: <http://www.severcom.ru/actions/section4/> (дата обращения: 20.12.2011).

5. Рекомендации парламентских слушаний в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Проблемы законодательного обеспечения реализации демографической политики государства в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях // Комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов. URL: <http://www.severcom.ru/actions/section4/> (дата обращения: 21.12.2011).

6. Фаузер В.В. Мониторинг экономических и социальных процессов (на примере межнациональных отношений) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 6. – С. 110–123.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С позиций государственного управления для администраций регионов важны все демографические процессы. Однако стоит заметить, что прежде чем совершить определенные демографические события (мигрировать, жениться или умереть), люди вначале должны родиться и прожить определенное число лет, чтобы совершить указанные действия. Поэтому в стратегическом плане центральное место в процессе воспроизводства населения занимает рождаемость.

Существующий сегодня уровень рождаемости будет определять степень обеспеченности отраслей народного хозяйства человеческими ресурсами через 16–20 лет в зависимости от срока профессионального обучения. Кроме того, на уровень обеспеченности человеческими ресурсами будут влиять масштабы выхода за пределы трудоспособности тех, кто родился 50–60 лет назад. Следовательно, для полноты и точности прогнозирования обеспеченности отраслей экономики человеческими ресурсами необходимо знать репродуктивные (и миграционные) установки населения.

Результаты исследования показали, что в настоящее время молодежь высоко оценивает институт материнства и осознает необходимость изменения образа жизни с рождением детей: накладывает ответственность за благополучие семьи, будущее ребенка. Но в то же время рождение детей не ограничивает свободы, возможности самореализации и не препятствует карьерному росту. Более половины респондентов ориентированы на «традиционную семью» из двух детей. Примерно четверть согласны иметь третьего ребенка. Но для реализации репродуктивных установок молодежи необходимо учитывать рост потребительских стандартов жизни, существенно ограничивающих в последующем реализацию репродуктивных установок. В этой связи резко возрастает роль демографической политики, направленной на создание комфортных условий для создания семьи и рождения детей. К числу необходимых (первоочередных) мер относятся: решение жилищно-бытовых условий; рост уровня жизни населения; сохранение социально-экономической стабильности в стране, способ-

ствующей формированию долгосрочных жизненных стратегий семьи. Учитывая, что немаловажное значение для реализации репродуктивных установок имеет здоровье будущих родителей, необходимо обратить особое внимание на распространение ценностей здорового образа жизни и введение ежегодного медицинского обследования молодежи [1-8].

С 1989 по 2015 г. население республики уменьшилось на 386,1 тыс. человек, в том числе за счет естественной убыли на 15,3 тыс. человек и миграционного оттока на 370,8 тыс. человек. Анализ миграционных установок населения показал, что на подвижность населения оказывают влияние различные факторы, прежде всего, условия и возможность получить профессиональное образование, уровень безработицы и наличие вакантных рабочих мест с достойной заработной платой, развитость инфраструктуры, перспективы развития территории, а также плохие климатические условия. Средняя номинальная начисленная заработная плата работников организаций в Республике Коми в 2014 г. составляла 40222 руб. Для сравнения в Российской Федерации – 32495. Учитывая потребительскую корзину северян и социальные и моральные издержки проживания и работы в суровых климатических условиях, разница в 7 727 руб. не способна сохранить численность населения в республике. В результате по численности населения республика среди регионов России сместилась с 48-го места (1990 г.) на 59 (2015 г.) и составила всего 0,6% населения страны. На 1 января 2015 г. население Республики Коми составило 872,1 тыс. человек. В настоящее время привлекательность Севера как постоянного места жительства утрачена даже для молодежи из числа коренного населения, что вызывает особую озабоченность в перспективах дальнейшего социально-экономического развития территории.

Следует отметить особенности формирования демографического потенциала молодежи в регионе. Имея сеть учебных заведений, привлекательных для абитуриентов из соседних регионов, на выходе регион получает часть выпускников в число своих жителей, так как примерно 15 % выпускников после окончания учебы планируют остаться жить и работать в Республике Коми. Однако большинство выпускников после окончания учебы намерены переехать в другие ре-

гионы России, незначительная часть респондентов собирается переехать в страны ближнего или дальнего зарубежья.

Отъезд из республики сегодня рассматривается населением как рациональное решение, поощряется и находит одобрение в массовом сознании большинства населения независимо от пола и национальности. Иными словами, Север России перестал быть привлекательным местом как регион для постоянного или длительного проживания. Основная причина этого экономическая нестабильность, утрата ряда льгот и гарантий, которые и определяют социальную дезорганизацию территории. В настоящее время необходимо срочно разработать миграционную политику по сокращению оттока населения и в первую очередь молодежи. Сохранив в регионе молодежный контингент, республика получит конкурентные преимущества по развитию экономики с переходом ее на инновационный путь развития.

1. Фаузер В.В. Государственное регулирование уровня рождаемости: социологический аспект // Проблемы развития экономики и сферы сервиса в регионе : материалы VIII Международной научно-практической конференции (14 марта 2014 г., г. Сыктывкар) : в 2 т. – Сыктывкар: Филиал СПбГЭУ в г. Сыктывкар, 2014. – Т. 1. – С. 27–33.

2. Фаузер В.В. Демографические проблемы северных регионов России: сокращение численности населения и снижение рождаемости // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 129–144.

3. Фаузер В.В. Использование социологических методов для целей государственного регулирования рождаемости // Application of New Technologies in Management and Economy: materials of 4th International Conference «ANTiM 2014» (24–26. April 2014., Belgrade, Serbia). – Proceedings. – Vol. 1. – С. 28–36.

4. Фаузер В.В. Мониторинг репродуктивных установок студенческой молодежи // Миграционные мосты в Евразии : сборник докладов и материалов IV международной научно-практической конференции «Миграционный мост между Россией и странами Центральной Азии:

актуальные вопросы социально-экономического развития и безопасности» (6–7 ноября 2012 г., г. Москва). – М., 2012. – С. 482–486.

5. Фаузер В.В. Репродуктивные установки студенческой молодежи Республики Коми // Социология в системе научного управления : материалы IV Всероссийского социологического конгресса (2–4 февраля 2012 г., г. Москва) / ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. – М.: ИС РАН, 2012. – С. 297–298.

6. Фаузер В.В. Репродуктивные установки студенческой молодёжи: социологическое измерение // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения : сборник материалов IV Уральского демографического форума с международным участием (23–24 мая 2013 г., г. Екатеринбург). – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – С. 171–176.

7. Фаузер В.В., Фаузер Г.Н. Миграционные установки студентов вузов Республики Коми // Сборник научных трудов : материалы научно-технической конференции (16–19 апреля 2013 г.) : в 3 ч. / под ред. Н.Д. Цхадая. – Ухта: УГТУ, 2013. – Ч. II – С. 342–346.

8. Фаузер В.В., Фаузер Г.Н. Миграционные установки студентов вузов Республики Коми // Социально-экономические, демографические и исторические исследования на Севере России : материалы Всероссийской научно-практической конференции (24–25 декабря 2013 г., Сыктывкар) : в 2 ч. – Сыктывкар, 2013. – Ч. II. – С. 36–41.

Библиографический список

Статьи

1. Демографический потенциал северных регионов России – фактор и условие экономического освоения Арктики // Экономика региона. – 2014. – № 4. – С. 69–80. – 1,1 п.л.
2. Демографические проблемы северных регионов России: сокращение численности населения и снижение рождаемости // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2015. – № 1. – С.129–144. – 1,1 п.л.
3. Фаузер В.В. Теория и практика исследования миграционных процессов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2013. – № 3. – 0,9 п.л.
4. Фаузер В.В. Оценка роли миграций в формировании населения Республики Коми // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2014. – № 4. – С.170–183. – 0,7 п.л.
5. Лыткина Т.С. Человек на севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар. – 2014. – №3 (19). – С. 144–151. – 0,7 п.л.
6. Фаузер В.В., Фаузер Г.Н. Основные тенденции расселения населения в районах севера // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2013. – № 1. – 1,5 п.л.
7. Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Г.Н. Сельское население северного региона: особенности жизнедеятельности, динамика и расселение // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2011. – № 4. – 1,5 п.л.
8. Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Г.Н. Сельское население северного региона: демографические структуры и характеристики расселения //

Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2012. – № 1. – 1,5 п.л.

9. Фаузер В.В. Теоретические подходы и практика оценки экономической активности и занятости населения Республики Коми // Гуманитарные исследования. Humanis. – 2014. – № 15. – С. 17–26. – 0,6 п.л.

10. Фаузер В.В., Фаузер Г.Н. Направления государственной политики решения демографических и трудовых проблем северных территорий России // Application of New Technologies in Management and Economy: materials of 4th International Conference «ANTiM 2014» (24–26. April 2014., Belgrade, Serbia). – Proceedings. – Vol. 1. – С. 385–393. – 0,6 п.л.

При написании глав 1, 2, 3, 6, 10 использована также монография: Фаузер В.В., Фаузер Г.Н., Назарова И.Г., Коршунов Г.В. Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение / отв. ред. д.э.н., профессор В.В. Фаузер. – М.: Экон-информ, 2012. – 311 с. (Б-ка демографа; вып. 15).

В серии «Библиотека демографа» вышли следующие издания:

1. Фаузер В.В., Климашевская Е.В. Теоретические основы формирования населения и трудовых ресурсов северных районов. – Сыктывкар, 2002. – 20 с. (Серия «Библиотека демографа»).
2. Региональная демография. Выпуск первый: избранные статьи д.э.н., профессора В.П. Подоплелова / сост. д.э.н., профессор В.В. Фаузер. – Сыктывкар, 2003. – 82 с. (Серия «Библиотека демографа», вып.1).
3. Фаузер В.В., Климашевская Е.В. Региональная демография. Выпуск второй: посвящен 40-летию ОАО «АЭК «Комиэнерго» / отв. ред. д.г.н., член-корреспондент РАН В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2004. – 47 с. (Серия «Библиотека демографа», вып. 2).
4. Стукалов И.Е., Фаузер В.В. Управление профессиональной подготовкой кадров с учетом демографической динамики / отв. ред. д.э.н., профессор Ю.С. Новиков. – Сыктывкар: СыктГУ, 2005. – 95 с. (Серия «Библиотека демографа», вып.3).
5. Человек в семи измерениях: от рождения до смерти. Афоризмы / сост. д.э.н., профессор В.В. Фаузер. – Сыктывкар, 2006. – 78 с. (Серия «Библиотека демографа», вып.4).
6. Человеческие ресурсы организаций Республики Коми (на примере предприятий нефтегазового сектора) / В.В. Фаузер, И.Е. Стукалов, С.Е. Глубокая и др.; отв. ред. д.э.н., доцент Л.А. Попова. – Сыктывкар, 2006. – 60 с. (ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН) (Серия «Библиотека демографа», вып. 5).
7. Демографическое развитие Усинского района: история и современное состояние / В.В. Фаузер, Л.А. Попова, Вит.В. Фаузер и др.; отв. ред. д.э.н., профессор В.В. Фаузер. – Сыктывкар; Усинск, 2007. – 140 с. (Серия «Библиотека демографа», вып. 6).
8. Влияние демографических процессов и образовательной системы на экономическое развитие Республики Коми / В.В. Фаузер, И.Е. Стукалов, О.И. Конакова и др. – Сыктывкар, 2007. – 33 с. (Серия «Библиотека демографа», вып.7).
9. Фаузер В.В., Назарова И.Г., Климочкина Н.И. Роль миграции в формировании населения северных территорий / отв. ред. д.э.н., профессор В.В. Миндогулов. – Сыктывкар, 2007. – 34 с. (Серия «Библиотека демографа», вып.8).

10. Фаузер В.В., Климочкина Н.И. Нефтегазовый сектор Республики Коми: демография, труд, миграция / отв. ред. д.т.н., профессор Н.Д. Цхадая. – Ухта: УГТУ, 2007. – 150 с. (Серия «Библиотека демографа», вып. 9).
11. Человек венец природы: от первого шага до бессмертия. Афоризмы / сост. д.э.н., профессор В.В. Фаузер. – Сыктывкар, 2008. – 150 с. (Серия «Библиотека демографа», вып.10).
12. Фаузер В.В., Макарова В.Н. Кредитное поведение населения Республики Коми: социально-демографический анализ / отв. ред. д.э.н., профессор Л.Л. Рыбаковский. – М.; Сыктывкар, 2008. – 169 с. (Серия «Библиотека демографа», вып.11).
13. Фаузер В.В., Стукалов И.Е. Формирование и использование человеческих ресурсов северного региона: социально-демографический анализ / отв. ред. д.э.н., профессор Л.Л. Рыбаковский. – М.: Экон-Информ, 2009. – 310 с. (Серия «Библиотека демографа», вып. 12).
14. Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Вл. В. Социально-трудовые отношения: отраслевая и региональная специфика / отв. ред. д.т.н., профессор Н.Д. Цхадая. – М.: Экон-Информ, 2010. – 175 с. (Серия «Библиотека демографа», вып. 13).
15. Назарова И.Г. Демографические и трудовые проблемы северных регионов России / отв. ред. д.э.н., профессор В.В. Фаузер. – М.: Экон-информ, 2012. – 182 с. (Серия «Библиотека демографа», вып. 14).
16. Фаузер В.В., Фаузер Г.Н., Назарова И.Г., Коршунов Г.В. Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение / отв. ред. д.э.н., профессор В.В. Фаузер. – М.: Экон-информ, 2012. (Серия «Библиотека демографа», вып.15).
17. Фаузер В.В. Демографическое измерение социально-экономических процессов / отв. ред. д.э.н., профессор Л.Л. Рыбаковский. – М.: Экон-информ, 2012. – 179 с. (Б-ка демографа, вып. 16).

Научное издание

Серия «Библиотека демографа»

Выпуск 17

Фаузер Виктор Вильгельмович

Лыткина Татьяна Степановна

Фаузер Галина Николаевна

Залевский Виктор Альбертович

**НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ:
ОТ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ К
КАЧЕСТВЕННОМУ ИЗМЕРЕНИЮ**

Монография

Ответственный редактор

доктор экономических наук, профессор

В.В. Фаузер

В оформлении обложки использованы материалы сайтов
<http://komiinform.ru/>, <http://nesiditsa.ru/>, <http://www.photosight.ru/>

Редактор *Л.Н. Руденко*

Корректор *Е.М. Насирова*

Компьютерный набор *И.А. Панариной*

Компьютерный макет *А.А. Ергаковой*

Подписано в печать 11.03.2016. Формат 60х84 1/16. Тираж 500 экз.

Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. 11,1. Заказ № 40.

Издательский центр СГУ им. Питирима Сорокина

167023. Сыктывкар, Морозова, 25